

T. PARSONS

THE SYSTEM OF MODERN SOCIETIES

Т. ПАРСОНС

---

**СИСТЕМА  
СОВРЕМЕННЫХ  
ОБЩЕСТВ**

# THE SYSTEM OF MODERN SOCIETIES

**Talcott Parsons**, *Harvard University*

**Prentice-Hall, Inc.**, *Englewood Cliffs, New Jersey*

Т. Парсонс

# СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

---

Перевод с английского

канд ист. наук *Л.А. Седова*

и канд. философ. наук *А.Д. Ковалева*

Научный редактор перевода

*М.С. Ковалева*



**АСПЕКТ ПРЕСС**

Москва  
1998

УДК 3.2.1  
ББК 60.5  
П 18

Рецензент

доктор социологических наук,  
профессор *Н.Е. Покровский*

Парсонс Т.

П 18 Система современных обществ/Пер.  
с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под  
ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс,  
1998. — 270 с.

ISBN 5-7567-0225-3

Первая публикация на русском языке книги известного американского социолога-теоретика XX в. Т. Парсонса (1902—1979). На основе своей *четырёх-функциональной схемы взаимодействия* — универсального методологического инструмента, предназначенного для анализа любых конкретных обществ и любых живых систем действия вообще, и концепции *модернизации*, характеризующей главный вектор исторического развития обществ, автор прослеживает становление системы обществ *современного типа*, географическое перемещение центра всемирного процесса модернизации, начавшееся в XVI—XVII вв. и продолжающееся в наше время.

Издание содержит также автобиографический очерк, в котором ученый пишет о своих идейных истоках, учителях и научных авторитетах, а также об основных этапах формирования своей теории социального действия и месте публикуемой книги в общей системе его взглядов.

Для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

УДК 3.2.1  
ББК 60.5

© Copyright 1971 by PRENTICE-HALL,  
INC., Englewood Cliffs, New Jersey

ISBN 5-7567-0225-3

© Перевод на русский язык,  
оформление. «Аспект Пресс», 1998

## К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Впервые русскому читателю, изучающему теоретическую социологию, историю социологической мысли, теории развития и другие области социологии, предоставляется возможность ознакомиться с одним из трудов классика социологии XX в., американского ученого Толкотта Парсонса, изданным полностью, без каких-либо купюр идеологического или конъюнктурного свойства. Все предыдущие издания в России переводов сочинений Парсонса представляли собой сборники небольших отрывков и отдельных глав из работ разных лет. Изначально эти переводы увидели свет в спецхрановском «Информационном бюллетене» ИКСИ АН СССР в 1968 г. Во времена реформ (то есть за последние 10 лет) разные издательства — ИНИОН, МГУ, «Наука» в том числе — лишь переиздавали в том или ином наборе все те же, только уже естественным образом устаревшие переводы.

Настоящее издание — впервые предпринятый в 1997 г. перевод, сделанный в соответствии с терминологией, используемой в отечественной социологии сегодня, и требованиями, предъявляемыми к научному переводу как таковому. Переводчики и редактор стремились к максимально точному воспроизведению смысла оригинального текста и бережному сохранению авторского методологического аппарата, избегая каких бы то ни было двусмысленностей и в то же время излишней наукообразности. Хотя вполне возможно, что в некоторых случаях предложенные варианты не всегда будут устраивать всех и одинаково легко восприниматься всеми читателями, особенно не имеющими соответствующей подготовки.

Книга Парсонса «Система современных обществ», написанная им в дополнение к изданной несколько ранее книге «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе» (*подробнее об этом см. в авторском Предисловии*), относится к позднему периоду творчества ученого, когда его знаменитая междисциплинарная «общая теория действия», пройдя через этап одностороннего увлечения структурно-функциональным подходом и языком, приняла более или менее устоявшиеся формы. Место и роль общетеоретических и методологических взглядов Парсонса в публикуемом ныне исследовании по исторической социологии достаточно выясняются, во-первых, из краткого их изложения в главе первой «Теоретические ориентиры» и, во-вторых, из приложенной к основному сочинению другой работы Парсонса — «О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография», специально написанной по заказу журнала Американской академии наук и искусств «Daedalus». Этот самоанализ пройденного творческого пути освобождает нас от более подробной характеристики понятийного аппарата и идейного контекста публикуемой книги. Знакомство с поздними взглядами умудренного опытом ученого на свою теоретическую эволюцию особенно полезно для русского читателя, доселе имевшего об этом авторе лишь отрывочные представления. Очерк помогает лучше понять и общий замысел книги «Система современных обществ».

Основной целью данного предисловия является предупреждение читателя о некоторых терминологических двусмысленностях, возникающих при русском переводе парсоновского текста. Идейный стержень его книги, обозначенный уже в самом названии, описывается такими однокоренными английскими терминами, как *modern*, *modernity*, *modernization*. Возможны два варианта их перевода на русский язык: один — буквальная калька (что само по себе в науке не редкость и часто оправдано), когда все три термина передаются тоже родственными словами — модёрновый, модернность и модернизация. Другой вариант — полностью русифицированный: современный, современность и осовременивание. В действительности в отечественной социологической литературе сложилась практика смешанного употребления обоих вариантов: современный, современность и модернизация. При этом слово «современный» в сочетании со словом «общество» понимается не как временная, достаточно неопределенная характеристика приближенности к нашим дням, а как абстрактное типологическое понятие, определение особого типа общества — а именно современного, или в достаточной степени модернизированного, то есть такого, которое прошло весь сложный процесс модернизации (буквально — осовременивания). «Современность» означает эпоху (чрезвычайно продолжительную — с XVII по XX в. и далее) вступления традиционных обществ в активную стадию модернизации. Под «модернизацией» понимается совокупность различного рода экономических, политических и психологических преобразований и изменений конкретного общества на пути его приближения к системе «современных» обществ. При таком словоупотреблении проблематика становления «современного общества» близка к традиционной проблематике генезиса «капитализма», или общества капиталистического типа, — проблематике, хорошо известной по классическим исследованиям К. Маркса, М. Вебера, В. Зомбарта и др. У Парсонса лишь смещены и переставлены некоторые акценты. Редакция не сочла возможным идти наперекор сложившейся традиции и утвердила в предлагаемом издании смешанный вариант перевода английского корня «*modern*». Таким образом, читателя просят не забывать, что в данном издании исключено использование слова «современный» для определения времени.

В настоящем переводе воспроизводятся оба термина Парсонса — социальный (*social*) и социетальный (*societal*) — второй употребляется им и другими теоретиками исключительно в тех случаях, когда речь идет о характеристиках, понятиях и процессах, относящихся к уровню общества в целом, к макроуровню, тогда как первый относится к общественным явлениям без уточнения уровня их рассмотрения (социальное действие, социальная функция семьи, социальная организация религии и т.п.). Что касается английского «*community*», несущего у Парсонса двойную нагрузку — от *Gemeinschaft* Ф. Тенниса и от «органической солидарности» Э. Дюркгейма, то здесь оно переводится преимущественно как «сообщество», но в некоторых более частных случаях — как «община», «коммуна», «общность».

Употребленные Парсонсом в книге слова и выражения на латинском, французском и немецком языках даны на языке оригинала.

*М.С. Ковалева*

# **THE SYSTEM OF MODERN SOCIETIES\***

\* *Parsons T.* The system of modern societies. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1971

**СИСТЕМА  
СОВРЕМЕННЫХ  
ОБЩЕСТВ**



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является продолжением и дополнением к моей более ранней работе «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе» для серийного издания «Основания современной социологии». Первоначально было задумано, что обе работы составят единый том, однако на практике оказалось, что требования и ограничения, связанные с любым серийным изданием, не оставляли возможности и для самой приблизительной обработки необходимого материала.

К сожалению, между публикацией этих двух моих книг прошло много времени, в чем повинен в основном сам автор, которому мешали не только взятые им на себя другие обязательства, но и трудности с организацией материала данной рукописи. Эти трудности едва ли удалось бы преодолеть, если бы издатель не пришел на помощь и не позволил несколько расширить объем рукописи; так, если объем «Обществ» составляет всего 117, то эта книга насчитывает 143 страницы\*.

На первый взгляд может показаться, что поскольку по сравнению с «Обществами» настоящая книга охватывает меньший временной интервал и более узкий круг вопросов, то задача написать на эту тему небольшую по объему книгу уже гораздо легче. На деле оказалось иначе. Наблюдаемый вблизи ландшафт выглядит гораздо более сложным, чем расположенные вдаль холмы и горы, и, может быть, именно из-за такого близкого (по времени) крупномасштабного видения приходится погружаться в тонкие комбинации диагностических и оценочных суждений, что часто мешает формулированию ясных и объективных заключений. В этих условиях краткость книги создает дополнительные трудности, не позволяет автору полностью изложить не только все относящиеся к делу факты, но и собственные взгляды и их аналитические обос-

---

\* Указаны объемы соответствующих американских изданий. — *Прим. науч. ред. перевода (далее Прим. ред.).*

нования. Отчасти этот недостаток компенсируется тем, что жесткие рамки установленного объема книги заставляют стремиться к точности и ясности высказываний.

В Предисловии, так же как и в очень кратком Введении, я должен подчеркнуть значимость для меня названия книги — «Система современных *обществ*», в котором последнее слово специально дано во множественном числе. В литературе по социальным наукам такое употребление необычно. Во-первых, в этом названии содержится представление о том, что не все социальные системы, даже межнациональные, являются «обществами». Во-вторых, подразумевается, что многочисленные современные общества — не какие-то случайные разновидности, а в определенном смысле — некая система, части которой дифференцированы друг от друга и в то же время интегрированы друг с другом на основе взаимозависимости. Следует подчеркнуть, что эта взаимозависимость включает в себя и факторы напряженности и конфликта, столь очевидные в реальной жизни.

Написанием этой книги еще более, чем предыдущей, я обязан помощи многих людей. И снова, как всегда, незаменим был Виктор Лидз, который разыскивал и реферировал нужную литературу, участвовал в обсуждении написанного и был его суровым критиком. Когда же дело дошло до «решающей фазы» приведения рукописи к установленному объему, включая стилистическую правку, это не могло быть компетентным образом осуществлено без интенсивных взаимных обменов мнениями по содержательным проблемам, в прояснении которых неоценимую помощь оказал м-р Джон Эйкьюла. Наконец, я в очередной раз выражаю признательность главному редактору серии Алексу Инкелесу, издателям и моему секретарю мисс Салли Нэш.

*Толкотт Парсонс*

*Декабрь 1970*

## ВВЕДЕНИЕ

Тезис, лежащий в основе этой работы и определяющий, в частности, и ее отношение к предыдущей работе — «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе»<sup>1</sup>, состоит в том, что современный тип общества возник в единственной эволюционной зоне — на Западе, который, по сути, представляет собой часть Европы, ставшую наследницей западной половины Римской империи к северу от Средиземного моря. Следовательно, общество западного христианского мира послужило отправной точкой, из которой «взяло начало» то, что мы называем «системой» современных обществ. Независимо от того, оправдано или нет рассмотрение средневекового западного христианского мира как единого общества, пришедшие ему на смену территориальные государства и культурные образцы, называемые национальными, получили такое развитие, что для эпохи современности весь этот комплекс может рассматриваться только как *система обществ*.

Данная работа имеет множество интеллектуальных корней. Возможно, наибольшее влияние оказал немецкий идеализм в том виде, в каком он перешел от Г.В.Ф. Гегеля через К. Маркса к М. Веберу. Хотя сегодня и модно посмеиваться над гегелевским прославлением прусского государства, он все-таки сумел создать всестороннюю общую теорию социетальной эволюции, имеющей своей кульминацией современный Запад. Но подобно марксистской теории, эта теория имела слишком определенный временной предел. Маркс признавал, что феодализм существовал не только в Европе, но он предполагал, что возникновение капитализма позволило Европе возглавить процесс общего социетального развития и что тем самым именно здесь *должна была* зародиться и окончательная стадия этого процесса — социализм—коммунизм.

---

<sup>1</sup> *Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.*

Вебер предложил более утонченные теоретические основания для различения западной «современности» и высших стадий эволюции, достигнутых принципиально иными цивилизациями. Даже те, кто сомневаются относительно веберовских положений о роли религии в достижении Западом столь высокого уровня эволюции, вынуждены соглашаться, что и длительное время спустя после того, как процесс модернизации начался на Западе, нигде в другом месте ничего подобного не происходило. В самом деле, можно доказать, что современная система распространялась за пределы Европы только путем колонизации или, как в Японии, посредством процессов, в которых была обязательно взята за образец модель современного, модернизированного Запада. Во Введении к своим сравнительным исследованиям по социологии религии<sup>2</sup> Вебер поставил вопрос о том, содержится ли в опыте современного Запада универсальная значимость или нет. Ссылаясь на экспериментальную науку, искусство, рациональные правовые и административные системы, современное государственное устройство и «рациональный буржуазный капитализм», он делал вывод, что комбинация всех этих факторов создает уникальную социокультурную систему, обладающую не знающей себе равных адаптивной способностью.

Настоящая книга написана в веберовском духе, но с попыткой учесть достижения социологической теории и других наук за последние 50 лет. Одну из основных перспектив открывают теоретические связи между эволюцией органической, с одной стороны, и эволюцией социальной и культурной — с другой. Прогресс биологической теории и социальных наук<sup>3</sup> создал твердые основания для включения общества и культуры в состав более общей теории эволюции — эволюции живых систем.

Одним из аспектов этого подхода является параллель между возникновением человека как биологического вида и появлением

---

<sup>2</sup> Это Введение проливает свет не только на веберовскую социологию религии, но и вообще на все его творчество. Именно по этой причине и невзирая на то, что оно было опубликовано в 1919 г., более 15 лет спустя после выхода «Протестантской этики», я включил его в свой перевод этой книги: *Weber M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism*. N.Y.: Scribners, 1930. [Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.]

<sup>3</sup> Наши взгляды по этому вопросу см.: *Parsons T. Societies...*; *Idem. Evolutionary universals in society* // *Parsons T. Sociological theory and modern society*. N.Y.: Free Press, 1967. Ch. 15; см. также: *Simpson G.G. The meaning of evolution*. New Haven: Yale Univ. Press, 1949; *Mayr E. Animal species and evolution*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963.

обществ современного типа. Биологи полностью согласны в том, что все люди принадлежат к одному виду, имеющему один эволюционный источник. Из этого источника произошел человек, который отделился от других видов за счет своей способности создавать, обучаться и пользоваться символическими системами (культурой) в форме языка и других посредников. В этом смысле все человеческие сообщества «культурны», и если обладание культурой является неотъемлемым критерием человеческого общества, то коллективные формы организации у других видов следует именовать *протообществами*.

Есть основания предполагать, что эволюционный путь от древнейших человеческих обществ к сегодняшним сопровождался определенными скачками в развитии их адаптивной способности. В настоящей книге утверждается, что возникновение системы современных обществ в ходе сложного, занявшего несколько столетий процесса развития представляло собой один из таких скачков.

Многие воспримут сопряженный с этим утверждением тезис о том, что общества современного типа обладают более высокой и обобщенной, чем все другие, адаптивной способностью и что все они имеют единое западное происхождение, как «культуроцентристский» и оценочный, но, возможно, три последующих разъяснения помогут смягчить подобное впечатление. Во-первых, адаптивная способность не обязательно является верхом человеческих ценностных устремлений. Для многих людей большую ценность могут представлять определенные стороны, связанные с личностью, культурой, физическим здоровьем или определенными социальными образцами. Во-вторых, наше утверждение об адаптивном превосходстве современных обществ не исключают возможности того, что когда-нибудь какая-то «постсовременная» фаза социального развития возникнет на совершенно другой социальной и культурной основе с иными характеристиками. В-третьих, поскольку общества институционализируют культуру, они открыты для внешних воздействий через контакты с другими культурами. В отличие от закрытости генетического состава *вида* (благодаря невозможности межвидового скрещивания), отдельные культуры могут при определенных условиях плодотворно взаимодействовать. Например, сами современные общества включают в себя разнородные культурные элементы, не всегда имеющие западное происхождение. И поскольку процесс культурных заимствований будет, вероятно, набирать силу, окончательная версия современной системы

может оказаться менее локально самодостаточной, чего ожидают или боятся многие сегодняшние наблюдатели.

Эти соображения, однако, часто отодвигаются в тень глубокой эмпирической и теоретической убежденностью в том, что первоочередность адаптивных факторов и составляет «суть человеческого общества». Достижения в социологической теории и накопленный фактологический материал позволяют нам серьезным образом пересмотреть те координаты, в рамках которых Вебер интерпретировал «рациональный буржуазный капитализм». Однако мы не станем отвергать его самый общий взгляд на развитие западной цивилизации в общем контексте социальной эволюции человечества.

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

### СИСТЕМЫ ДЕЙСТВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Мы рассматриваем социальные подсистемы<sup>1</sup> как составную часть более общей системы действия, другими составляющими которой являются культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы, — все это абстракции, аналитически вычленяемые из реального потока социального взаимодействия. В нашем подходе три только что перечисленные подсистемы общей системы действия трактуются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды. Такое толкование не вполне обычно, особенно в том, что касается представлений о личностных свойствах индивидов. Полностью обоснования такого подхода представлены в других моих работах, здесь же для понимания последующего изложения важно помнить, что ни социальная, ни личностная подсистемы не являют собой нечто реально существующее.

Различение четырех указанных подсистем действия носит функциональный характер. Оно проводится на основе четырех первичных функций, присущих, по нашим представлениям, любым системам действия, — это функции воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации<sup>2</sup>.

Первичная интегративная проблема любой системы действия состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов, хотя в определенных целях в качестве субъектов действия можно рассматривать и коллективы. Интегра-

---

<sup>1</sup> *Parsons T. Societies...* Ch. 2; *Parsons T. Social systems and subsystems: Interaction// International Encyclopedia of the Social Sciences*. N.Y.: Macmillan, 1968; а также вводные разделы в кн.: *Theories of society/Ed. by T. Parsons, E. Shils, K. Naegle, J. Pitts*. N.Y.: Free Press, 1961.

<sup>2</sup> Изложение теории четырех функций см.: *Parsons T. An outline of the social system//Theories of society*. P. 30—79; и более кратко в кн.: *Parsons T. Societies...* P. 28.

тивная функция приписывается здесь преимущественно социальной системе.

За культурной системой закрепляется в основном функция сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Если в социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, то культурные системы складываются вокруг комплексов символических значений—кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия.

Личности индивида отводится главным образом исполнение целедостиженческой функции. Личностная система — это главный *исполнитель* процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний. На уровне вознаграждения, в смысле мотивации, главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности.

Поведенческий организм трактуется как адаптивная подсистема, как сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы. В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и обработки информации в центральной нервной системе и механизм двигательной реакции на требования физической среды. Все эти взаимосвязи схематично представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

### Действие\*

Подсистемы	Преимущественные функции
Социальная	Интеграция
Культурная	Воспроизводство образца
Личностная	Целедостижение
Поведенческий организм	Адаптация

\* Затемненная часть таблицы представляет собой окружающую среду социальной подсистемы.

В этой таблице представлено самое примитивное схематическое описание основных подсистем и соответствующих им функций, присущих *общей системе действия*, в которой социальная подсистема является одной из четырех подсистем, которая специализируется на выполнении интегративной функции. Несколько более развернутая схема дана в таблице 1 в кн. «Societies...» (p. 26), а общее обоснование схемы представлено в работе: Some problems of general theory in sociology//Theoretical Sociology/Ed. by J.C. McKinney, E.Tyriakian. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970.



Есть две системы реальности, которые по отношению к системе действия являются ее средой, а не составляющими в принятом нами аналитическом контексте. Первая из них — это *физическая среда*, которая включает в себя не только явления, описываемые в терминах физики и химии, но и мир живых организмов, если только они не интегрированы в систему действия. Вторую систему, которую мы представляем независимой как от физической среды, так и от самих систем действия, назовем в русле философских традиций «*высшей реальностью*». Это касается того, что М. Вебер<sup>3</sup> называл «проблемой смысла» человеческих действий и что она связана с системой действия посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентаций, которые включают в себя познавательные «ответы», отнюдь не ограничиваясь ими<sup>4</sup>.

При анализе взаимоотношений между четырьмя подсистемами действия, а также между ними и средой действия важно не упускать из виду явление *взаимопроникновения*. Возможно, наиболее известным примером взаимопроникновения может служить *интернализация* социальных объектов и культурных норм в личности индивида. Другим примером является приобретаемое путем обучения содержание опыта, которое систематизируется и хранится в аппарате памяти индивида. Можно упомянуть также *институционализацию* нормативных компонентов культурных систем в качестве конститутивных структур социальных систем. По нашему мнению, граница между любой парой систем действия представляет собой некую «зону» структурных компонентов или образований, которые могут теоретически рассматриваться как *принадлежащие обеим системам*, а не просто относимые к какой-то одной из них. Так, например, было бы неверно утверждать, что извлекаемые из социального опыта нормы поведения, которые и З. Фрейд (в понятии суперэго), и Э. Дюркгейм (в понятии коллективного сознания) рассматривали как составную часть личности индивида, должны считаться *либо* таковой, *либо* частью социальной системы<sup>5</sup>.

Именно благодаря зонам взаимопроникновения может осуществляться процесс взаимообмена между системами. Это особенно

---

<sup>3</sup> Weber M. The sociology of religion. Boston: Beacon Press, 1963. [Вебер М. Социология религии// Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист. 1994.]

<sup>4</sup> Geertz C. Religion as a cultural system//Anthropological approaches to the study of religion/Ed. by M. Banton. N.Y.: Praeger, 1966.

<sup>5</sup> Parsons T. The superego and the theory of social systems//Social structure and personality. N.Y.: Free Press, 1964.

верно в отношении уровней символических значений и обобщенных мотиваций. Чтобы быть способными к символической «коммуникации», индивиды должны располагать общими для них культурно организованными кодами (например, языком), которые одновременно интегрированы и в системы их социальных взаимодействий. Чтобы личность могла пользоваться хранящейся в центральной нервной системе информацией, поведенческий организм должен иметь механизмы мобилизации и поиска, которые посредством интерпретации обслуживают мотивации, организованные на личностном уровне.

Таким образом, социальные системы предстают как системы «открытые», находящиеся в состоянии постоянного взаимодействия на входах и выходах в окружающую среду. Кроме того, они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы обмена.

Социальные системы — это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами. Если бы свойства взаимодействия можно было вывести из свойств действующих субъектов, то социальные системы были бы эпифеноменом, на чем настаивают «индивидуалистские» социальные теории. Наша позиция здесь резко противоположна. Она исходит, в частности, из утверждения Дюркгейма, согласно которому общество — и другие социальные системы — есть реальность *sui generis*.

Структуру социальных систем можно анализировать, применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли<sup>6</sup>. Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств. Нормы, основная функция которых — интегрировать социальные системы, конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций. Они не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для опре-

---

<sup>6</sup> *Parsons T. General theory in sociology//Sociology today/Ed. by R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell. N.Y.: Basic Books, 1959; Harper, 1965.*

деленных коллективов и ролей. Коллективы принадлежат к числу тех структурных компонентов, для которых наиболее важна целедостиженческая функция. Отбрасывая многочисленные случаи крайне неустойчивых групповых систем, таких, как толпа, мы считаем коллективом только такие, которые отвечают двум критериям. Во-первых, они должны иметь определенный статус членства, так что в целом может быть проведено четкое различие членов и не членов данного коллектива — критерий, применимый в широчайшем спектре случаев — от элементарной семьи до политических сообществ. Во-вторых, внутри коллектива должна наличествовать дифференциация его членов по статусам и функциям, так что от некоторых членов ожидается, что они будут делать нечто определенное, то — чего не ожидают от других. Роль — это такой структурный компонент, который в первую очередь выполняет адаптивную функцию. С ее помощью определяется класс индивидов, которые посредством взаимных ожиданий включаются в тот или иной коллектив. Поэтому роли охватывают основные зоны взаимопроникновения социальной системы и личности индивида. Какая-то отдельно взятая роль, однако, никогда не составляет отличительную особенность конкретного индивида. Отец является особым отцом только для своих детей, с точки же зрения ролевой структуры своего общества он всего лишь один из категории отцов. Одновременно он также участвует во множестве других видов взаимодействия, например выполняет свою роль в профессиональной структуре.

То, что социальные системы представляют собой реальность *suī generis*, в частности, означает, что все перечисленные типы их структурных компонентов являются по отношению друг к другу независимыми переменными. Так, например, высокоабстрактные ценностные образцы вовсе не всегда узаконивают одни и те же нормы, коллективы и роли при любых обстоятельствах. Точно так же многие нормы регулируют действия бесчисленного множества коллективов и ролей, но лишь в определенной части их действий. Поэтому коллектив обычно функционирует под контролем большого числа специальных норм. В нем всегда наличествует множество ролей, хотя почти каждая значительная роль исполняется во множестве конкретных коллективов. Тем не менее социальные системы состоят из комбинаций этих структурных компонентов. Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны «руководствоваться» конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями.

## ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВА

Мы определяем общество как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы<sup>7</sup>. Полная самодостаточность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы системы действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке обмена с окружающими системами. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений обмена и способность контролировать обмен в интересах своего функционирования. Этот контроль может варьироваться от способности предотвратить или «пресечь» какие-то нарушения до способности благоприятным для себя образом формировать отношения со средой.

Физическая среда имеет для общества адаптивное значение в том смысле, что она является непосредственным источником материальных ресурсов, которые используются обществом посредством своих производственных, технологических и экономических механизмов. Распределение доступа к материальным ресурсам, будучи связано с системой разделения труда через экологический аспект жизни общества, требует решения вопросов территориального размещения различных подгрупп населения, а также закрепления за ними различных экономических интересов. У физической среды есть и второй значимый для общества аспект (ввиду важности физической силы для сдерживания нежелательных действий), в соответствии с которым эффективное социальное целедостижение нуждается в контроле за действиями в пределах определенной территории. Поэтому мы имеем дело с двумя проявлениями самодостаточности общества, которые относятся, соответственно, к экономическому и политическому функционированию в отношениях с физическим окружением — через технологию и организованное использование силы при исполнении военных и полицейских функций.

Третье проявление социальной самодостаточности относится к личностным системам индивидуальных членов общества, находящихся в особом рода взаимопроникновении с его организмами. Организм непосредственно связан с территориальным комплексом по той простой причине, что действия всегда свершаются в каком-то месте. Но его основная связь с социальной систе-

---

<sup>7</sup> *Parsons T. Societies... Ch. 2.*

мой осуществляется через личность; главная зона взаимопроникновения — это статус *членства*. Общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может «полагаться» на то, что деяния его членов будут служить адекватным «вкладом» в его социальное функционирование. В случае взаимоотношений личности и общества их абсолютная интеграция необходима не более, чем в других случаях взаимообмена, предполагающих самодостаточность. Но если подавляющее большинство членов какого-то общества испытывает крайнее «отчуждение», то говорить об этом обществе как самодостаточном нельзя.

Интеграция в общество его членов подразумевает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. Однако отношение здесь в основном трехстороннее, поскольку части культурной системы, так же как и части социальной структуры, интернализованы в личностях, но в то же время части культурной системы институционализированы в обществе.

На социальном уровне институционализированные *ценностные* образцы выступают в виде «коллективных представлений»<sup>8</sup>, которые определяют желаемый тип социальной системы. Эти представления соотносятся с концепциями типов социальных систем, с помощью которых индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Следовательно, именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации их собственного общества означает институционализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени. И в этом контексте самодостаточность определяется степенью, в которой институты общества *легитимизированы* согласованными ценностными приверженностями его членов<sup>9</sup>.

На уровне культуры социальные ценности составляют лишь часть более обширной системы ценностей, поскольку оценке подлежат и все иные классы объектов, входящие в систему действия. Ценности также находятся в определенных отношениях с другими компонентами культурной системы — эмпирическим знанием, системами экспрессивных символов и конститутивными символическими структурами, образующими ядро религиозных систем<sup>10</sup>.

---

<sup>8</sup> «Коллективные представления» — это понятие, введенное Э. Дюркгеймом для обозначения культурной основы социальной организации. Он пользовался им в особенности при анализе религии. Мы рассматриваем ценности, в веберовском смысле этого слова, как особую форму коллективных представлений (см.: *Parsons T. Structure of social action*. N.Y.: Free Press, 1968. Ch. 11).

<sup>9</sup> Cp.: *Parsons T. An outline of the social system*//*Parsons T. Theories of society...*

<sup>10</sup> *Parsons T. «Introduction» to the section «Culture and the social system»*//*Ibid.*

В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах. В контексте культурной легитимизации, таким образом, общество является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые в свою очередь легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму.

Важно помнить, что культурные системы не полностью совпадают с социальными системами, включая и общества. Наиболее значительные культурные системы обычно бывают, в различных вариантах, институционализированы во множестве обществ, в которых наличествуют и субкультуры. Например, культурная система, сложившаяся на базе западного христианства, является общей, со множеством оговорок и вариантов, для всей европейской системы модернизированных обществ. Далее в книге обсуждаются два способа отношений одного общества к другим. Во-первых, все общества, о которых можно говорить как о «политически организованных», находятся с другими обществами в различного типа «международных отношениях», дружественных или враждебных. Мы расширим это представление, полагая, что такие отношения сами образуют некую социальную систему, которую можно анализировать с помощью тех же общих понятий, что и другие типы социальных систем. Во-вторых, какая-то социальная система может быть образована из социальных структур, членов и культур, принадлежащих двум или более обществам. Такие социальные системы многочисленны и многообразны. Американские иммигрантские семьи часто сохраняют действенные связи с родственниками на «старой родине», так что их системы родства имеют американское и иностранное «ответвления». Нечто подобное можно сказать и относительно многих деловых компаний, профессиональных ассоциаций и религиозных объединений. Хотя, например, римско-католическая церковь и представляет собой социальную систему, совершенно очевидно, что она не является обществом, поскольку по нашим критериям ее самодостаточность очень низка. Минимален ее контроль над экономическими ресурсами через организацию производства; у нее нет автономного политического контроля над территориями; во многих обществах ее члены представляют собой меньшинство. Таким образом, мы принимаем в расчет социальные системы, имеющие «наднациональный» характер, так как в их составе наличествует множество обществ, и имеющие «межнациональный» характер, члены которых принадлежат многим обществам.

## ПОДСИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

В соответствии с нашей четырехфункциональной схемой, предназначенной для анализа систем действия, мы аналитически делим общество на четыре *основные* подсистемы (как показано в *таблице 2*). Так, подсистема сохранения и воспроизводства образца преимущественно касается отношений общества с культурной системой и через нее с высшей реальностью; целедостиженческая, или политическая, подсистема — отношений с личностными системами индивидов; адаптивная, или экономическая, подсистема — отношений с поведенческим организмом и через него с материальным миром. Эти различия носят наиболее явственный и наиболее важный характер применительно к обществам, далеко продвинутым по шкале модернизации. Однако сама сложность отношений как между подсистемами системы действия, так и между подсистемами общества мешает четко проводить эти различия. Например, структуры родства могут быть помещены в каждую из трех упомянутых подсистем. Через свое отношение к питанию, сексу, биологическому происхождению и месту обитания они замыкаются на организм и физическую среду. Как первичный источник начального приобщения к ценностям, нормам и средствам коммуникации они теснейшим образом связаны с системой воспроизводства образца. Как первичный источник социализации они выходят на политическую подсистему.

В рамках такого рассмотрения ядром общества как разновидности социальной системы является четвертый компонент — его интегративная подсистема. Поскольку мы интерпретируем социальную систему как интегративную для систем действия в целом, то особое внимание надо уделять тому, как она обеспечивает или, наоборот, не обеспечивает различные порядки и уровни внутренней интеграции. Эта интегративная подсистема общества будет называться *социетальным сообществом*.

Возможно, самой общей функцией социетального сообщества является сочленение *системы* норм с коллективной организацией, обладающей единством и внутренней логикой. Следуя Веберу, мы называем нормативный аспект системы легитимным порядком<sup>11</sup>, а коллективный аспект предлагаем именовать социетальным сообществом, обладающим свойствами единого, имеющего определенные границы коллектива. Социетальный порядок требует ясной и

---

<sup>11</sup> Weber M. The theory of social and economic organization. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1947.

**Общество**  
**(или более обобщенно — социальная система)\***

Подсистемы	Структурные компоненты	Аспекты процесса развития	Основная функция
Социетальное сообщество	Нормы	Включение	Интеграция
Воспроизводство образца или фидуциарная подсистема	Ценности	Генерализация ценностей	Воспроизводство образца
Политика	Коллективы	Дифференциация	Целедостижение
Экономика	Роли	Повышение адаптивного потенциала	Адаптация

\* В этой таблице предпринята попытка представить в несколько более развернутом виде четырехфункциональную парадигму применительно к обществу или любой другой разновидности социальной системы, играющей роль интегративной подсистемы в общей системе действия. Социетальное сообщество, занимающее в данном анализе место главной подсистемы, помещено в левую колонку; остальные три следуют за ней. Во второй колонке этому набору соответствуют выделенные по тем же функциональным критериям четыре основных структурных компонента социальных систем. Третья колонка содержит соответствующую классификацию аспектов динамических процессов, происходящих в социальных системах; эти категории будут широко использованы в последующем анализе. Наконец, в четвертой колонке повторены обозначения основных функций.

За исключением парадигмы, относящейся к развитию, эта схема была полностью представлена в более ранней работе «Theories of society» в разделе «General introduction, Part II: An outline of the social system». Для лучшего понимания таблиц 1 и 2 данной книги обратитесь также к таблицам 1 и 2 в книге «Societies...» (р. 28, 29) и к сопровождающим их пояснениям.

определенной интеграции в смысле последовательности нормативного строя, с одной стороны, и социетальной «гармонии» и «координированности» — с другой. Более того, необходимо, чтобы нормативно определенные обязательства были усвоены, в то время как коллективы при выполнении своих функций и для отстаивания своих законных интересов должны иметь в своем распоряжении нормативную санкцию. Таким образом, нормативный порядок на социетальном уровне содержит «решение» поставленной Т. Гоббсом проблемы — как уберечь человеческие отношения от вырождения в «войну всех против всех».

Важно не допускать трактовку структуры социетальных норм как монолитной целостности. Поэтому мы аналитически различа-



ем четыре ее составляющих, хотя в конкретной реальности они в высшей степени перемешаны между собой. Наши различия касаются оснований обязанностей и прав, а также характера санкций за нарушение норм и вознаграждений за их соблюдение или за высокий уровень их исполнения.

### **Ядро: социетальное сообщество**

Наше центральное понятие — социетальное сообщество звучит несколько непривычно, вероятно из-за того, что проблемы, охватываемые им, обычно обсуждаются в терминах политики или религии, а не в социальном плане. На наш взгляд, основная функция этой интегративной подсистемы состоит в том, чтобы определять обязательства, вытекающие из *лояльности* по отношению к социетальному коллективу, как для его членов в целом, так и для различных категорий дифференцированных статусов и ролей внутри общества. Так, в большинстве современных обществ готовность к военной службе является проверкой лояльности для мужчин, но не для женщин. Лояльность состоит в готовности откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя «общественного» интереса или потребности. Нормативная проблема состоит в определении тех случаев, когда подобный отклик устанавливает обязанность. В принципе в лояльности нуждается любой коллектив, но особую важность она имеет для социетального сообщества. Обычно от имени и в интересах социетальной лояльности выступают государственные органы, они же следят за выполнением соответствующих норм. Однако существуют и другие общественные инстанции, пользующиеся таким же правом, как государство, но не являющиеся просто разновидностями его структур.

Особую важность представляют отношения между лояльностями подгрупп и индивидов по отношению к социетальному коллективу, то есть всему обществу, и по отношению к другим коллективам, членами которых они являются. Фундаментальной чертой всех человеческих обществ является *ролевой плюрализм*, участие одних и тех же людей в ряде коллективов. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что расширение ролевого плюрализма является важной составляющей процессов дифференциации, ведущих к становлению общества современного типа. Поэтому одной из значительных проблем интеграции, стоящих перед социетальным сообществом, является проблема регулирования лояльностей его членов по отношению к нему самому и к другим различным коллективам.

Индивидуалистская социальная теория настойчиво преувеличивала значимость индивидуального «личного интереса», в его психологическом смысле, как препятствия, стоящего перед интеграцией социальных систем. В целом же личные мотивы индивидов эффективно канализируются в социальную систему через лояльность и членство в различных по отношению к ним коллективах. Непосредственной проблемой для большинства индивидов является проблема выбора и уравнивания своих обязательств в случаях конфликта конкурирующих между собой лояльностей. Например, нормальный взрослый мужчина в обществах современного типа одновременно является работником и членом семьи. И хотя требования, предъявляемые этими двумя ролями, часто находятся в конфликте, большинство мужчин жизненно заинтересованы в сохранении лояльности *обеим* ролям.

Социетальное сообщество представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, систему, для которой характерны дифференциация и сегментация. Так, семейные ячейки, деловые фирмы, церкви, правительственные учреждения, учебные заведения и т.п. отделены друг от друга (дифференцированы). К тому же каждый такой тип коллектива состоит из множества конкретных коллективов, например из множества семей, каждая из которых насчитывает лишь несколько человек, и из многих локальных сообществ.

Лояльность по отношению к социетальному сообществу должна занимать высокое место в любой устойчивой иерархии лояльностей и потому является предметом особой заботы всего общества. И все-таки высшее место в этой иерархии принадлежит не ей. Следует подчеркнуть значимость культурной легитимизации нормативного порядка общества, поскольку именно ей принадлежит наивысшая позиция. В первую очередь она действует через институционализацию системы ценностей, которая является составной частью и социетальной, и культурной систем. Затем выборочные ценности, являющиеся конкретизациями общих ценностных образцов, становятся частью каждой конкретной нормы, интегрированной в легитимный порядок. В системе норм, которые управляют лояльностями, следовательно, права и обязанности различных коллективов должны быть согласованы не только между собой, но и с легитимными основаниями порядка в целом<sup>12</sup>.

С иерархической точки зрения нормативное упорядочение социетального сообщества в терминах членства подразумевает су-

---

<sup>12</sup> По этому вопросу см.: *Bellah R. N. Epilogue//Religion and progress in modern Asia. N.Y.: Free Press, 1965.*

ществование *стратификационной* шкалы — шкалы признаваемого и легитимизированного (в той мере, в какой усвоены нормы и ценности) *престижа* входящих в это сообщество в качестве его членов коллективов, отдельных лиц, а также статусов и ролей, распространенных в этом сообществе. Оно должно быть скоординировано как с универсальными нормами, определяющими статус членства, так и с определенным разделением функций коллективов, статусов и ролей, которое в общем-то не обязательно предполагает наличие иерархии. Конкретная стратификационная система, таким образом, представляет собой сложную функцию всех этих составляющих.

Ввиду существования ролевого плюрализма возникает особо сложная проблема статуса индивидов в стратификационной системе. Стратификационные механизмы исторически имели обыкновение рассматривать индивидов прежде всего с точки зрения их принадлежности к большим коллективным системам, членство в которых определяло их статус. Подобную роль играли родовые коллективы, этнические группы, сословия, социальные классы. Однако современное общество требует высвобождения индивидуальных статусов из такого рода коллективных уз, с чем и связан особый характер современных систем стратификации<sup>13</sup>.

Положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его *престижа* или способностью оказывать *влияние*. Последнее мы рассматриваем как одно из обобщенных символических средств социетального взаимообмена, наряду с деньгами и властью. Оно состоит в способности добиваться от других социальных агентов желаемых решений, не предъявляя им в качестве соблазна какого-то ценного *quid pro quo* и не угрожая им какими-либо пагубными последствиями. Это влияние должно действовать через убеждение объекта воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны. Оно прежде всего апеллирует к коллективному интересу, но обычно исходит из того, что обе стороны, обеспечивая коллективный интерес и взаимную солидарность, удовлетворяют и свои частные интересы. Типичным случаем использования влияния является уговаривание вступить в контрактные отношения, основанные на «честном слове», или проголосовать за определенного политического кандидата. Влияние может обмениваться на какие-то подходящие случаю блага или на другие

---

<sup>13</sup> *Parsons T. Equality and inequality in modern society, or social stratification revisited//Sociological Inquiry. 1970. Vol. 40. № 2.*

формы влияния в том смысле, в каком денежные ресурсы могут использоваться для покупки товаров, а могут накапливаться или обмениваться на другую валюту. Влияние может обмениваться и на другие обобщенные средства обмена, такие, как деньги или власть<sup>14</sup>.

### **Социетальное сообщество и воспроизводство образца**

Основания культурной легитимизации трансцендентны по отношению к конкретному и случайному характеру интересов, влияния и солидарности, выступая на социетальном уровне в виде *ценностных приверженностей*. В противоположность лояльности, проявляемой к коллективу, отличительной чертой ценностных приверженностей при исполнении обязательств является их большая независимость от соображений цены, выгоды или убытков, от текущих потребностей социума или окружающей среды. Нарушение ценностных обязательств определяется как совершение нелегитимного деяния; наоборот, следование долгу является делом чести и совести, которые, в свою очередь, не могут быть представлены без понятий бесчестия и вины.

Хотя подобные формулировки могут звучать чрезмерно запрети-тельно, на самом деле именно таковыми и бывают ценностные обязательства, а вид и степень воздействия их свойства наклады-вать запреты зависят от целого ряда факторов. Как правило, при-верженность ценностям предполагает обязанность совершать кон-кретные действия по их реализации. Особенно если ценностная система имеет «активистский» характер, что в большинстве случа-ев присуще современным обществам, то это предполагает реали-стическое признание вполне определенных условий для коллектив-ного действия. Так, ценностные *системы* включают в себя катего-рию обязательств перед «ценностно обоснованными объединения-ми», солидарность в рамках легитимных коллективных взаимо-действий и предприятий. Какие объединения являются ценностно обоснованными, это по-разному решается в конкретных общест-вах. Редко бывает возможно обеспечить легитимность ассоциации, связывая легитимизацию с вполне конкретными действиями, по-скольку субъекты действия, чтобы иметь возможность реализо-вать свои ценности в меняющихся обстоятельствах, должны об-ладать достаточной свободой принятия решений. Одним из факто-

---

<sup>14</sup> *Parsons T.* On the concept of influence//Politics and social structure. N.Y.: Free Press, 1969.

ров, обуславливающих такую свободу, является высокий уровень генерализации ценностей, на основе которых осуществляется легитимизация объединения. Например, запрет на эксплуатацию человека человеком в экономических взаимодействиях весьма отличается от конкретного запрещения ссужения денег под проценты. Генерализация ценностных систем до такой степени, когда они становятся способными эффективно управлять социальным действием без опоры на подробно расписанные запрещения, является одним из центральных факторов в процессе модернизации.

На уровне культуры в качестве соответствующего аспекта ценностей выступает то, что принято называть моралью. Мораль предполагает оценку объектов опыта в контексте социальных отношений. Моральный поступок есть реализация культурной ценности в социальной ситуации, включающей взаимодействия с другими субъектами. Коль скоро речь идет о взаимодействии, здесь должны присутствовать стандарты, взаимно обязательные для его участников.

Моральные ценности — не единственный компонент ценностного содержимого культурной системы. Существуют другие, например эстетические, познавательные или собственно религиозные ценности. Культуры дифференцируются не только по линии морали; религия, искусство как область экспрессивной символизации, эмпирическое знание (в конечном счете наука) тоже становятся независимыми дифференцированными культурными системами. Наличие высокодифференцированной культурной системы со сложной сетью взаимосвязей является отличительной чертой современных, модернизированных обществ<sup>15</sup>.

### **Социетальное сообщество и политика**

Рассмотрев аспекты социетального нормативного порядка, сосредоточенные вокруг проблем членства и лояльности и вокруг культурной легитимизации, перейдем к третьему аспекту. Влияние и ценностные приверженности действуют по принципу добровольности, через убеждение и апелляцию к чести и совести. Однако ни одна крупная и сложная социальная система не сможет выжить, если согласие с большей частью ее нормативных оснований не будет носить *обязательного* характера, то есть если к непослушанию не будут применяться по ситуации негативные санкции. Такие санкции отчасти и предупреждают непослушание тем,

---

<sup>15</sup> Parsons T. Introduction: Culture and the social system//Theories of society...

что «напоминают» добропорядочным гражданам об их обязанностях и служат наказанием для нарушителей. Социально организованное и управляемое применение негативных санкций, включая угрозу их применения в случаях, когда подозревается наличие намерения ослушаться, называется функцией *принуждения*. Чем более дифференцировано общество, тем скорее можно ожидать, что принуждение осуществляется специальными органами, такими, как полиция и военизированные службы<sup>16</sup>.

Управляемое принуждение требует существования определенных способов установления действительного факта, субъекта и обстоятельств нарушения норм. Среди специальных органов, действующих в этом направлении, важное место принадлежит судам и юридической гильдии. Сложный нормативный порядок, однако, нуждается не только в принуждении, но и в авторитетной интерпретации. Очень часто судебные системы вынуждены сочетать в особых случаях определение обязательств, наказаний и пр. с интерпретацией значения норм, что подчас является довольно значительной проблемой<sup>17</sup>. В менее развитых обществах эта последняя функция имеет обыкновение оставаться в ведении религиозных инстанций, в обществах же современного типа она во все большей мере переходит в компетенцию светских судебных учреждений.

Все эти проблемы ставят вопросы об отношениях между социальным сообществом и политической подсистемой. В терминах принятой нами аналитической схемы *политика* включает не только основные функции правительства в его отношениях с социальным сообществом, но и соответствующие аспекты любого коллектива<sup>18</sup>. Мы рассматриваем какое-то явление как политическое в той мере, в какой оно связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей. Политические аспекты деятельности существуют у деловых компаний, университетов, церквей. В развитии современных обществ, однако, государство все более дифференцируется от социального сообщества как специализированный орган общества, составляющий ядро его политической подсистемы.

Дифференцируясь, государство имеет тенденцию сосредотачиваться на двух основных функциональных комплексах. Пер-

---

<sup>16</sup> *Parsons T.* Some reflections on the place of force in social process//Sociological theory and modern society. N.Y.: Free Press, 1967.

<sup>17</sup> В этом вопросе особенно примечательна кн.: *Fuller L.* The morality of law. New Haven: Yale Univ. Press, 1964.

<sup>18</sup> *Parsons T.* The political aspect of social structure and process//Varieties of political theory/Ed. by D. Easton. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.

вый охватывает ответственность за поддержание целостности социального сообщества перед лицом глобальных угроз, с особым, но не исключительным акцентом на его легитимном нормативном порядке. Сюда же относится функция принуждения и, по крайней мере, некоторая доля участия в осуществлении интерпретации. К тому же общий процесс дифференциации сферы управления ведет к обособлению областей, в которых допускается открытое формулирование и узаконение новых норм, так что частью этого функционального комплекса становится законодательная деятельность. Второй комплекс включает все виды исполнительной деятельности государства, которая связана с коллективными действиями в любых ситуациях, указывающих на необходимость каких-то мер в «общественных» интересах. Границы этой ответственности простираются от безусловно значимых дел, таких, как защита территориальных пределов или поддержание общественного порядка, до почти что любого вопроса, который считается «затрагивающим общественные интересы»<sup>19</sup>.

Основные отношения между государством и социальным обществом могут носить аскриптивный характер. Даже в обществах ранней стадии модернизации простые люди рассматривались как «подданные» монарха, которым традицией предписано подчинение его власти. Однако при достижении уровней дифференциации, соответствующих модернизованному обществу, власть политических лидеров имеет обыкновение становиться зависимой от поддержки очень широких слоев населения. В той мере, в какой это справедливо, мы будем различать роли политических лидеров и властные позиции в более общем смысле.

Дифференциация лидерства и авторитета предполагает особый уровень обобщенности того средства социального взаимодействия, который мы называем властью<sup>20</sup>. Мы определяем власть как способность принимать и «навязывать» решения, которые *обязательны* для соответствующих коллективов и их членов постольку, поскольку их статусы подпадают под обязательства, предполагаемые такими решениями. Власть следует отличать от влияния, так как издание обязывающих решений совсем не похоже на меры убеждения. В соответствии с нашим определением, гражданин, отдавая свой голос на выборах, осуществляет власть, поскольку совокуп-

---

<sup>19</sup> *Parsons T.* The political aspect of social structure and process//Varieties of political theory/Ed. by D. Easton: см. также: *Almond G.A., Powell G.B.* Comparative politics: A developmental approach. Boston: Little Brown, 1966.

<sup>20</sup> См.: *Parsons T.* On the concept of political power//Politics and social structure.

ность таких голосов обязующим образом определяет исход выборов. Маленькая порция власти — все равно власть, подобно тому как один доллар — небольшие деньги, но все равно деньги.

### Социетальное сообщество и экономика

Четвертый компонент нормативного порядка сопряжен с областью практического. Наиболее очевидными сферами его приложения являются экономика и технология, а его руководящий принцип — желательность эффективного управления ресурсами. Даже в тех случаях, когда не затронуты вопросы лояльности, выполнения обязательных постановлений или морали, действия индивида или коллектива будут осуждаться, если они без необходимости расточительны или небрежны. В современных обществах этот нормативный аспект особенно ясен там, где речь идет о регулировании трудовых ресурсов как фактора производства в экономическом смысле этого слова. Сознательное включение в рабочую силу предполагает обязательство эффективно трудиться в соответствии с легитимными условиями найма<sup>21</sup>. Как отмечал Вебер, в этом обязательстве имеется решающий моральный элемент. Но и без этого акцента на морали повсеместно одобряется рациональное экономическое и технологическое действие и не одобряется отклонение от соответствующих стандартов рациональности.

Дифференциация автономных структур делает необходимым развитие обобщенного монетарного средства обмена в сочетании с рыночной системой. Деньги и рынок действуют там, где существует довольно широкое разделение труда и где область экономического действия *достаточно отделена* от политических, общественных и моральных императивов<sup>22</sup>. Из всех обобщенных механизмов социетального взаимообмена деньги и рынки менее всего связаны с нормативным порядком, воплощенным в социетальном сообществе. Соответственно, практическая рациональность регулируется главным образом институциональными нормами, прежде всего институтами собственности и контракта, которые имеют другие основания для санкций<sup>23</sup>.

---

<sup>21</sup> См.: *Smelser N.J.* The sociology of economic life. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1963.

<sup>22</sup> Ibid; см. также: *Parsons T., Smelser N.J.* Economy and society. N.Y., 1956.

<sup>23</sup> Классический анализ значения для социальных систем собственности и контракта был проведен Э. Дюркгеймом (см.: *Durkheim E.* The division of labor in society. N.Y.: Macmillan, 1933. [Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.]).



# МЕТОДЫ ИНТЕГРАЦИИ В УСКОРЕННО ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

## Правовая система

То, что мы описали как социетальный нормативный порядок, стоит очень близко к тому, что обычно подразумевается под понятием права. В большинстве рассуждений о праве подчеркивается критерий обязанности и принудительности, когда право ассоциируется преимущественно с правительством и государством. Другие подходы подчеркивают при объяснении нормативной значимости права его консенсусные элементы, и в этом случае на первое место выходит важность его моральной легитимизации. Мы рассматриваем право как общий нормативный кодекс, регулирующий действия коллективных и индивидуальных членов общества и определяющий ситуацию для них<sup>24</sup>. Оно состоит из только что описанных компонентов, интегрированных в единую систему.

В подавляющем большинстве случаев современные правовые системы содержат писанные (как в Соединенных Штатах) или неписанные (как в Великобритании) конституционные компоненты. Находясь в зоне взаимопроникновения между системой воспроизводства образца и социетальным сообществом, конституционный элемент очерчивает нормативные рамки управления социетальными отношениями в целом — подобно американскому Биллю о правах. При современных уровнях дифференциации этот компонент не имеет религиозного характера, поскольку его нормативная значимость распространяется на социетальную систему, а не на все сферы действия во всем их объеме. Действительно, одной из тенденций современности было отделение специфичных религиозных обязательств от конституционных прав и обязанностей граждан. Поскольку принадлежность к той или иной религии влечет за собой образование коллектива, это всегда отчетливо проявляется на уровне социетального сообщества. Однако одно не покрывает другого.

Не является конституционный компонент и «чисто моральным», поскольку моральные соображения также покрывают более широкую область, чем социетальные ценности. Конституционные ценности артикулируются в социетальном сообществе и включают в себя компонент социетальной лояльности в форме ценностно ориентированных объединений; право имеет дело с моральной стороной гражданства, но не обязательно со всей мора-

---

<sup>24</sup> Cp.: Fuller L. Op. cit.: *Idem*. Anatomy of the law. N.Y.: Praeger, 1968.

лью в целом. Более того, в моральном элементе могут содержаться основания для легитимных выступлений против социального нормативного порядка — от самого простого проявления гражданского неповиновения до революции.

Хотя конституционный элемент подразумевает возможность его принудительного внедрения, принуждение всегда вызывает вопрос о легитимности действий правительства в конституционном, а вслед за этим и в моральном смысле. Поэтому вторым аспектом конституционного элемента является нормативное определение основных функций правительства, включая круг полномочий и границы власти различных правительственных органов. В этом отношении конституционный закон приобретает тем большую важность, чем больше социальное сообщество отделяется от своего государства. Власть правительства в этом случае нуждается в особых обоснованиях, поскольку социальное сообщество не могло бы должным образом оградить себя от произвола власти, если бы оно предоставило своим «правителям» полные полномочия действовать, сообразуясь только с их собственным толкованием общественных интересов<sup>25</sup>.

Решающим обстоятельством является то, что авторитет «исполнительной» власти начинает дифференцироваться от тех управленческих функций, которые имеют непосредственно конституционный характер. В досовременных обществах собственно законодательство как дифференцированная функция почти не существует, так как нормативный порядок в основном *задан* традицией или откровением. Легитимизация постоянно осуществляемой законодательной функции, таким образом, представляет собой отличительный признак современного развития. Этот процесс, в свою очередь, не без сложностей и оговорок, но все же требует активного участия социального сообщества через систему представительства. Развитие направлялось в сторону установления зависимости законодательной власти от взаимодействия законодателей с заинтересованными элементами социума и в конечном счете (как это имеет место в наиболее модернизованных обществах) со всем электоратом<sup>26</sup>. На самом деле такая же зависимость существует у тех, кто занимают посты в исполнительских структурах. Возникшая в результате описанной эволюции изменимость закона сделала особенно важным наличие специально предусмотренных процедур, охраняющих «конституционность» законов. Хотя американская

---

<sup>25</sup> Ср. наше употребление понятия легитимизация с веберовским: *Weber M. The theory of social and economic organization.*

<sup>26</sup> Ср.: *Parsons T. The political aspect of social structure and process//Varieties of political theory.*

правовая система во многом уникальна, но что касается данного вопроса, то во всех современных конституциях обычно предусматривается некий орган, который не является чисто правительственным, особенно в смысле исполнительском, но за которым закреплена функция давать заключения о конституционной правомочности рассматриваемых вопросов.

Именно в этих широких конституционных рамках функционирует расположенный ниже уровень правовой системы. На этом уровне принимаются обязывающие решения, большей частью официально «уполномоченными» органами (обычно судами), и совершаются различные административные процедуры по их реализации. Особенно важно, что выходящее за рамки конституции содержание закона не сводится ни к особым законодательным актам, ни к обязывающим постановлениям и указам исполнительных органов. Оно включает в себя также юридическую традицию, запечатленную в прецедентных судебных решениях, и «административное право», обобщающее прежний опыт «постановлений», — все это по контрасту с издаваемыми административными органами решениями по конкретному случаю (подлежащими, однако, законодательному и судебному разбору).

В общем и целом соображения относительно нормативного порядка и его взаимосвязей с политической подсистемой в принципе применимы к *любой* социальной системе, однако наиболее важны они именно в отношениях между государством и социальным сообществом. Важность эта обусловлена тем, что обычно только государство бывает уполномочено использовать социально организованную физическую силу в целях принуждения. Действительно, эффективная государственная монополия на применение силы является одним из главных критериев интегрированности высокодифференцированного общества<sup>27</sup>. Более того, только правительство наделено правом действовать в контексте целедостижения от имени всего социального коллектива. Всякая другая организация, претендующая на это, *ipso facto* совершает революционный акт.

### **Членство в социальном сообществе**

Обсуждая легитимный порядок в обществе, мы часто затрагивали коллективный аспект социального сообщества. Множественность наших критериев, определяющих общество, сама

---

<sup>27</sup> См.: Weber M. The theory of social and economic organization.

по себе указывает на то, что отношение между этими двумя основными аспектами не может не быть сложным, особенно потому, что сфера действия норм и сфера членства в сообществе не могут совпадать в точности. Самое очевидное их несовпадение вытекает из территориальной привязки обществ. Территориальный характер нормативной сферы требует того, чтобы нормы были в известной мере независимыми от членства в социетальном сообществе. Например, нормативному регулированию подлежат временные посетители и долговременные обладатели «вида на жительство», так же как и имущество иностранных владельцев.

Эти соображения указывают на то, что особенно важная часть отношений между нормативным и коллективным аспектами социетального сообщества лежит в плоскости их совместных отношений с государством. Государство не может просто «властвовать», оно должно быть легитимизировано по части управления имеющим относительно четкие границы сообществом через принятие на себя ответственности за поддержание в нем нормативного порядка. На одном полюсе основное содержание нормативного порядка может считаться более или менее универсальным для всего человечества. Но при этом рождаются острые проблемы относительно того, насколько эффективно могут быть институционализированы столь универсалистские нормы в реальной жизнедеятельности столь обширного коллектива. На другом полюсе как государство, так и нормативный порядок можно отнести только к небольшому обособленному сообществу. В широком диапазоне вариантов между этими двумя крайностями современные социетальные сообщества обычно выступают в форме национального образования. Развитие этой формы включало и процесс дифференциации между социетальным сообществом и государством, и реформирование основ социетального сообщества, особенно в том, что касается членства.

Непосредственной отправной точкой этого развития была в большей части случаев более или менее четко выраженная «абсолютная» монархия, в которой индивид считался «подданным» своего монарха. Важным обстоятельством было то, что это прямое отношение подданного и суверена пришло на смену запутанным партикуляристским солидарностям феодального общества. Однако «подданный» как образец социетального членства был, в свою очередь, заменен на гражданина.

На первой фазе развития гражданства произошло создание юридических или гражданских рамок, совершенно по-новому определивших пограничные отношения между социетальным сооб-

ществом и правительством или «государством»<sup>28</sup>. Критическим аспектом этих новых границ стало определение «прав» гражданина, защита которых превратилась в первейшую обязанность государства. На раннем этапе защита была наиболее глубоко разработана в английском обычном праве в XVIIв. Однако движение в этом направлении было всеевропейским и породило также немецкое представление о *Reichsstaat* (правовом государстве). Процесс проходил проще в протестантских регионах, так как граждане там имели дело с одним центром власти — политическим, который организованно контролировал и церковь, и государство<sup>29</sup>. В Англии первые этапы установления внутри протестантизма религиозной терпимости были существенной частью более широкого процесса формирования гражданских прав.

Вторая фаза развития гражданства связана в основном с участием граждан в общественных делах. Хотя попытки влиять на государство и получили защиту со стороны юридических прав (особенно таких, как свобода собраний и свобода печати) уже на предыдущей фазе, на данном этапе были институционализированы позитивные права участия в выборе правящих лидеров, закрепленные в избирательном праве. Распространение права голоса в «низы» классовой структуры происходило постепенно, и все же бросающейся в глаза общей тенденцией было движение ко всеобщему избирательному праву для взрослых, к принципу «один гражданин—один голос» и к тайному голосованию<sup>30</sup>.

Третий главный компонент гражданства состоит в «социальной» заботе о «благополучии» граждан, рассматриваемой как часть общественной ответственности<sup>31</sup>. Если гражданские права и избирательное право дают возможность автономно реализовывать свой гражданский статус, то социальный компонент связан с созданием реальных условий для лучшего пользования этими правами. Это означает попытку обеспечить широким массам населения адекватный «прожиточный» минимум, доступ к здравоохранению и образованию. Заслуживает особого внимания тот факт, что распространение образования на все более широкие круги

---

<sup>28</sup> Все наше обсуждение проблемы гражданства многим обязано работе Т. Маршалла (см.: *Marshall T.H. Class, citizenship and social development*. Garden City; N.Y.: Anchor Books, 1965).

<sup>29</sup> Ср.: *Lipset S.M., Rokkan S. Introduction//Party systems and voter alignment*. N.Y.: Free Press, 1968.

<sup>30</sup> *Rokkan S. Mass suffrage, secret voting, and political participation//European Journal of Sociology*. 1961. Vol. 2. P. 132—152.

<sup>31</sup> *Marshall T. Op. cit.*

населения и повышение его уровня были тесно связаны с развитием гражданского комплекса.

Развитие современных институтов гражданства внесло многосторонние изменения в принцип национальности как основы солидарности для социетального сообщества. В раннесовременном обществе наиболее сильные основания солидарности существовали там, где в понятии национальности сливались религиозный, этнический и территориальный факторы. В полностью сформировавшихся современных обществах может существовать разнообразие религиозных, этнических и территориальных основ, поскольку достаточным основанием для национальной солидарности служит общий статус гражданства.

Институты гражданства и национальности тем не менее могут сделать социетальное сообщество уязвимым, если только основания плюрализма перерастают в жестко структурированные расслоения. Поскольку, например, типичное современное сообщество объединяет многочисленное население на обширной территории, то солидарность этого сообщества может испытывать напряжение из-за региональных расхождений. Это особенно справедливо в отношении тех случаев, когда региональные различия совпадают с этническими и/или религиозными. Многие современные общества распались по причине различных комбинаций этих факторов дезинтеграции.

### **Социетальное сообщество, рыночные системы и бюрократическая организация**

Там, где социальная солидарность высвобождается из более архаичных религиозных, этнических и территориальных контекстов, она способствует возникновению других типов внутренней дифференциации и плюрализации. Самые важные из них основываются на экономической, политической и интегративной функциях, последняя выражается в стремлении к добровольному объединению по типу ассоциации, к самоорганизации. Экономическая категория кроме прочего имеет в виду развитие рынков и монетарных механизмов, существенно необходимых для осуществления этих функций, что, как уже отмечалось, предполагает новые формы институционализации отношений собственности и контракта. То есть они покоятся на той части гражданского комплекса, которую образуют «права», ибо экономика, целиком «администрируемая» органами центрального правительства, нарушала бы свободу частных групп вступать в независимые рыночные отношения. Но как только рыночная система экономики достигает

высокого уровня развития, она становится для правительства важным каналом мобилизации ресурсов.

На ранних стадиях модернизации рынки имеют преимущественно коммерческий характер, осуществляя торговлю материальными ценностями и лишь во вторую очередь финансовые операции по заимствованиям. Широкое распространение в рыночной системе первичных факторов производства знаменует «индустриальную» фазу экономического развития. Кроме технологического прогресса здесь имеется в виду социальная *организация* производственного процесса, состоящая в создании новых форм использования трудовых ресурсов в бюрократических контекстах<sup>32</sup>.

Обсуждая выше политический аспект общества, мы позволили себе некоторую выборочность. При этом на первый план были выдвинуты отношения между правительством и всем социальным сообществом, с акцентом на прямую их связь в так называемой системе «поддержки». Эта система охватывает прежде всего взаимодействие между лидерами и теми, кто стремятся занять лидирующие позиции, с одной стороны, и, с другой, теми элементами социальной структуры, которые прямо не участвуют в системе управления как таковой. Этот процесс взаимодействия охватывает как взаимообмен политической поддержки и лидерской инициативы, так и взаимообмен правительственных решений и «потребностей» различных лоббистских групп. Эти взаимообмены образуют систему, нуждающуюся в определенной сбалансированности, если политическая подсистема стремится к устойчивой интеграции с социальным сообществом.

Другой главной действующей структурой правительств является административная организация (включая силовые структуры), через которую проводятся в жизнь политические решения. Как правило, развитие бюрократических структур происходило в первую очередь, хотя и не исключительно, в правительствах. Среди наиболее важных черт бюрократизации находится институционализация ролей в виде должностей с хорошо очерченными должностными функциями, полномочиями и «властью», отделенных от сфер частной жизни должностного лица. Должности дифференцируются по двум основаниям — по функциям, выполняемым для организации, и по месту в иерархии или «вертикали» подчинения<sup>33</sup>.

Развитие бюрократической организации обыкновенно требует, чтобы каждой *профессиональной* роли соответствовал опреде-

<sup>32</sup> Smelser N. Op. cit.

<sup>33</sup> Parsons T. Structures and process//Modern societies. N.Y.: Free Press, 1960. Ch. 1—5.

ленный вид должности, когда должностное лицо «назначается» посредством заключения некоего «договора о найме». Поэтому существование его семьи обычно зависит от его зарплаты или должностного оклада. В свою очередь, это требует наличия определенного «рынка труда» для распределения человеческих услуг посредством переговоров об условиях найма и карьерных возможностях.

Одной из главных черт индустриальной экономики является бюрократическая организация производства и, соответственно, мобилизация трудовых ресурсов через рынок труда. В результате сложной эволюции, имевшей ряд этапов, эта экономика породила невиданное распространение бюрократических форм организации вне правительственной сферы. Один из основных этапов был связан с «семейными предприятиями» раннего индустриального капитализма, который был бюрократизирован на «трудовом», но не на управленческом уровне.

Мы рассматриваем бюрократическую организацию как преимущественно политический феномен, поскольку она в первую очередь ориентирована на достижение коллективных целей. В случае частного предприятия его коллектив является частной группой внутри социетального сообщества; в случае правительства — это все сообщество целиком, организованное для коллективного достижения целей. Тем не менее мы рассматриваем трудовое соглашение как форму членства в коллективе, оставляя в стороне то, что возможно членство и через другие способы участия в экономическом предприятии. И разумеется, частная бюрократия не ограничивается сферой экономического производства, она встречается в церковных организациях, университетах и во многих других видах коллективов.

Обсуждаемые нами рыночные системы вовлечены во взаимобмен между подсистемами экономики и воспроизводства образца, с одной стороны, и между подсистемами экономики и политики — с другой. Этот взаимобмен не затрагивает напрямую социетальное сообщество, поскольку его функция по отношению к этим подсистемам состоит не столько в их непосредственном конституировании, сколько в общем регулировании через нормативный порядок. Мы также должны подчеркнуть различие между «коммерческими» рынками потребительских товаров и рынками «труда», имеющими дело с человеческими ресурсами, в том числе находящимися на самом высоком уровне компетентности и ответственности. С социологической точки зрения распространенная среди экономистов практика объединять в одну графу «товары и услуги» и трактовать их в таком виде в качестве наиглавнейшего продукта экономики представляется неоправданным смешением понятий.



## Добровольная самоорганизация (ассоциация)

Третий главный тип структурирования, для которого открывают возможности современные социальные коллективы, — это «добровольная самоорганизация» (или ассоциация). Возможно, прообразом ассоциации является само социальное сообщество, представляемое в виде корпоративного объединения граждан, имеющих относительно полное согласие по поводу ее нормативного строя и авторитета лидеров. Главной характеристикой современных ассоциаций является определенный эгалитаризм, наиболее явно и с наиболее важными последствиями проявляемый в обсуждавшихся нами ранее трех аспектах гражданства.

Вторая основополагающая черта структур типа ассоциаций — это добровольность. Конечно, этот принцип не может быть применен со всей строгостью в ситуациях повиновения нормативному порядку или коллективным решениям, ибо любым коллективам присущ элемент обязательности. Но он почти буквально выполняется при принятии решений о членстве, и альтернативой послушанию всегда является отставка. Особый случай, однако, представляет собой отношение между социальным сообществом и государством. Все прочие ассоциации существуют под общей государственной и социальной защитой, но сама основа их безопасности покоится на этом базисном соединении государства и общества. Поэтому в действии социального нормативного порядка присутствуют элементы обязательности и принуждения, в других случаях отсутствующие. Аналогом «отставки» здесь выступает эмиграция, которая влечет за собой гораздо более тяжелые потери, чем выход из членов ассоциаций другого типа. В принципе эмиграция влечет также принятие другого социального и государственного порядка, в то время как в случае, например, развода вовсе не обязательно снова вступать в брак.

Третья характерная черта ассоциаций как особого рода самоорганизации человеческих коллективов, определенно относящаяся к социальному коллективу и к государственным органам, состоит в той важности, которую придают в них процедурным институтам<sup>34</sup>. Хотя особое значение процедурные моменты имеют в системе права, ими насыщены также и процессы принятия решений в любой ассоциации как на уровне представительских, так и на уровне внутренних взаимоотношений. В самых общих чертах процедурные системы состоят из двух уровней, управляемых каждый своим сводом

---

<sup>34</sup> Ср. с понятием формальной рациональности у Вебера: Max Weber on law and society/Ed. by M.Rheinstein. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1954.

правил. Первый уровень регулирует дискуссии, в ходе которых заинтересованные стороны стремятся убедить участников принять те или иные обязывающие решения. Это происходит в различных формах, но обычно собрания проводятся согласно распорядку, за соблюдение которого ответствен предсидательствующий. Дискуссии внутри ассоциации — это прежде всего сфера действия влияния как средства, обслуживающего социальный процесс. С точки зрения заинтересованной стороны, дискуссия работает на повышение ее шансов добиться возобладания своей позиции; с точки зрения коллектива, она облегчает достижение консенсуса.

Второй уровень процедурной системы относится к самому процессу принятия решения. В судебных органах решающей инстанцией являются присяжный, судья или коллегия судей. Преобладающей практикой, будь то в коллегиях присяжных, судей или в иных, является голосование, тяготеющее, как правило, к принципу «один член—один голос» при полной равновесности голосов, что логически ведет к правлению большинства. Как бы то ни было, решение большинством голосов должно следовать заранее установленным правилам, включающим ожидание, что принятые при честном соблюдении процедурных правил решения будут признаны побежденным меньшинством. В таких случаях, как выборы главы государства и глав местных администраций, может возникать очень серьезная напряженность; соблюдение процедурных требований является решающим признаком успешной институционализации «демократической» солидарности.

Параллельно с развитием принципов ассоциации в государственных органах управления умножалось число ассоциаций и в других секторах общества. Политические партии связаны с процессом управления, но также и с разного рода ассоциированными «группами интересов», большинство из которых представляют различные осуществляющие определенную деятельность коллективы. Имеются также ассоциации, организованные вокруг бесчисленных «общественных проблем», а также различного вида интересов, например развлекательных, художественных и т.п.

Чрезвычайно важные оперативные функции современных обществ исполняются почти исключительно структурами типа ассоциаций. Это прежде всего участие «фидуциарных» комитетов (осуществляющих общественный надзор) в разнообразных секторах делового предпринимательства и во многих других типах «корпоративных» организаций. По отношению к «исполнительной части управления» они выполняют роль, аналогичную той, какую играет законодательная власть по отношению к исполнительным органам любого современного государства. Иногда чле-

ны таких советов в каком-то смысле избираемы, скажем, акционерами, но в большинстве случаев этого нет. Во всяком случае, они во многом заменили наследственный элемент в качестве «небюрократической» верхушки в преимущественно бюрократических структурах бизнеса<sup>35</sup>. В «частном неприбыльном» секторе верхний контроль, особенно в том, что касается финансовой ответственности, также имеет тенденцию в каком-то смысле сосредотачиваться в руках надзорных комитетов.

Другой очень важный момент в развитии ассоциаций — это объединения по профессии<sup>36</sup>. Несмотря на то что в значительной мере профессиональная функция выполнялась в рамках индивидуальной «частной практики», уже с давних пор профессионалы стремились объединяться для продвижения своих общих интересов, в том числе для поддержания высоких профессиональных стандартов компетентности и добросовестности. В этом комплексе все более видное место отводилось высшему образованию, не в последнюю очередь потому, что оно готовило практикующих профессионалов. Поэтому и профессия преподавателя высшей школы, и профессия университетского исследователя также становились все более значимыми. Примечательно, что сердцевина структуры академической профессии — факультет — в основе своей имеет характер ассоциации.

Все три главных типа операциональной организации (рынки, бюрократия и ассоциации) выходят на ключевые позиции в процессах дифференциации и плюрализации современных социальных сообществ.

## ПРОЦЕССЫ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Хотя в предшествующем изложении дифференциация находилась в центре внимания, аналитически она рассматривается лишь как один из *четырех* главных процессов структурного изменения, которые, взаимодействуя друг с другом, составляют «прогрессивную» эволюцию к более высоким системным уровням. Помимо дифференциации в их число входят повышение адаптивной способности, включение и генерализация ценностей (применительно к социальным системам)<sup>37</sup>.

---

<sup>35</sup> В работе «The theory of social and economic organization» М. Вебер подчеркивает, что все бюрократии должны иметь небюрократическую верхушку.

<sup>36</sup> Parsons T. Professions//The International Encyclopedia of the Social Sciences.

<sup>37</sup> Эта парадигма была впервые предложена в: Parsons T. Some considerations on the theory of social change//Rural Sociology. 1961. Vol. 26. September. P. 219–239. Она также обсуждается несколько более подробно и с некоторыми изменениями в «Societies...» (ch. 2).

*Дифференциация* представляет собой деление единицы или структуры в какой-либо социальной системе на две или более единицы или структуры, различающиеся по своим характеристикам и функциональной значимости для системы. Мы уже обсуждали сложный случай дифференциации: возникновение как современного домохозяйства, так и современной, основанной на найме организации из более замкнуто функционирующего крестьянского домохозяйства, которое повлекло за собой изменение многих ролей, коллективов и норм. Однако процесс дифференциации имеет своим результатом появление более развитой социальной системы только в том случае, если каждый вновь дифференцировавшийся компонент обладает большей адаптивной способностью, чем прежний компонент, выполнявший его функцию.

*Повышение адаптивной способности* представляет собой процесс, в результате которого социальные единицы обретают больший выбор ресурсов, высвобождаясь в своем функционировании от некоторых ограничений, присущих их предшественникам. Современные фабрики предполагают гораздо более высокий уровень обобщенности обязательств в отношении труда у тех, кто занят в производстве, чем это требовалось в крестьянских домохозяйствах, но зато на них может выпускаться большее разнообразие товаров с гораздо большей экономией.

Система, углубляющая внутреннюю дифференциацию и повышающая свои адаптивные способности, тем самым усложняется и обязательно сталкивается с проблемами интеграции. Обычно решить эти проблемы можно только путем *включения* новых единиц, структур и механизмов в нормативные рамки социального сообщества. Например, когда организации, основанные на найме, дифференцировались от семейных домохозяйств, системы власти в обоих типах коллективов должны вписаться в структуру норм данного общества.

Наконец, если этим различным составляющим общества суждено получить надлежащую легитимизацию и обрести определенные способы ориентации в своих новых образцах действия, то предыдущие три процесса должны быть дополнены *генерализацией ценностей*. Выше уже отмечалось, что общие ценности общества должны конкретизироваться применительно к великому множеству ситуаций, в которых действие социально структурировано. Здесь же подчеркивается обратный момент, а именно: когда переплетение социально структурированных ситуаций становится более сложным, то для обеспечения социальной стабильности нужно, чтобы ценности получали более обобщенное выражение.

Надо обратить также внимание еще на один аспект эволюционного развития. При обсуждении обобщенных средств взаимобмена между составными частями социальной системы, то есть денег, влияния, политической власти и ценностных приверженностей, речь шла преимущественно об их наиболее очевидной функции обеспечения рутинного взаимобмена между дифференцированными частями социальной системы. Но они могут способствовать также повышению творческого уровня и расширению диапазона деятельности, совершающейся в социальных системах. Современные экономисты показали, что через процесс кредитования и инвестирования деньги могут быть одним из первостепенных инструментов повышения уровня производства, равно как и совершенствования обмена в системе разделения труда. В других моих работах высказывалась мысль о том, что фундаментальное свойство денег, то есть их способность через механизм кредита повышать производительность экономики, находит аналоги в действии других обобщенных средств, прежде всего власти и влияния<sup>38</sup>. Так, механизм власти может действовать таким образом, чтобы увеличивать эффективность политической подсистемы в долгосрочном плане, а влияние может быть использовано для повышения способности социетального сообщества к достижению солидарности.

Если формулировать кратко, основным условием способности обобщенных средств взаимобмена стимулировать является их опора на подсистемы действия более высокого уровня. Таким образом, в самом широком смысле развитие культуры существенно необходимо для эволюционных продвижений социальных систем. Например, развитие религии лежит в основе всех крупных процессов генерализации ценностей, а прогресс эмпирического знания — в основе институционализации новых технологий. Достаточно высокие уровни генерализации ценностей, реализуемые главным образом через правовую систему, являются предпосылками включения в структуру социетального сообщества. Консенсусная основа, обеспечивающая адекватно применение механизма влияния, необходима для эволюционных сдвигов в системе политической власти. Определенная высокая степень политической интеграции обуславливает возможность выхода денежных экономик за относительно примитивные пределы<sup>39</sup>.

---

<sup>38</sup> Cp.: *Parsons T. On the concept of political power. On the concept of influence// Idem. Politics and social structure.*

<sup>39</sup> См.: *Max Weber on charisma / Ed. by S.N.Eisenstadt. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968, особенно «Introduction».*

## **ДОСОВРЕМЕННЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ**

---

В книге «Общества...» обсуждалось развитие культурных инноваций в небольших обществах-«рассадниках» — в древних Израиле и Греции. Анализ был сосредоточен на условиях, при которых могло осуществиться значимое культурное новаторство, а со временем отделиться от своих изначальных социальных корней. Две эти модели были избраны по причине их решающего вклада в последующую социальную эволюцию. Берущие начало в «классических» иудейских и греческих истоках элементы, претерпев основательные изменения и взаимные комбинации, составили большинство из главных культурных компонентов современного общества. Их ядром было христианство. Как культурная система оно в конечном счете доказало свою способность и впитать в себя наиболее значительные компоненты светской культуры античности, и создать матрицу, из которой смогли выделиться новые устои секулярной культуры.

Христианская культура, включая ее мирские компоненты, смогла утвердить более четкую и последовательную дифференциацию от социальных систем, с которыми находилась в отношениях взаимозависимости, чем это удавалось любой из ее предшественниц. Благодаря такому отделению от общества христианская культура смогла выступить в качестве более действенной и новаторской силы в развитии всей социокультурной системы, чем другие культурные комплексы, появлявшиеся до нее.

Никакая культурная система, однако, не институционализируется сама по себе; для этого она должна быть интегрирована с социальным окружением, которое обеспечивает удовлетворение функциональных потребностей реального общества (или нескольких обществ). Эволюция предполагает непрерывное *взаимодействие* между культурной и социальной системами, равно как и между их соответствующими компонентами и подсистемами. Соци-

альные предпосылки эффективности культуры таким образом не только меняются, но и на каждом из этапов могут зависеть от *предыдущих* этапов институционализации культурных элементов.

В этом плане для нашего анализа особое значение имеет Римская империя. Во-первых, она была основной социальной средой, в которой получило развитие христианство. Поскольку римское общество исключительно многим было обязано греческой цивилизации, греческое влияние проникло в современную систему не только «культурным» путем, через христианскую теологию и светскую культуру Ренессанса, но и через структуру римского общества, особенно в восточной части империи, где образованные классы оставались эллинизированными после римского завоевания. Во-вторых, в основания современного мира было инкорпорировано наследие римских институтов. Чрезвычайно важный момент состоит в том, что греческое культурное и римское институциональное наследия оказали воздействие на одни и те же структуры. Правовой порядок империи оказался незаменимым условием для христианского прозелитизма, в результате чего произошло совмещение образцов, нашедшее отражение в том, что элементы римского права вошли и в канонический закон церкви, и в светские законы средневекового общества и его преемников.

Начнем наш анализ с набросков, относящихся к двум главным социальным «мостам» между древним и современным мирами — христианству и некоторым институтам Римской империи. Затем, перескочив через несколько веков, рассмотрим более близких предшественников современного общества — феодальное общество с его кульминацией в позднем Средневековье, потом Ренессанс и Реформацию.

## РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО

Христианство зародилось как сектантское движение в палестинском иудаизме. Вскоре, однако, оно порвало со своей религиозно-этнической общиной. Решающим событием в этом процессе стало решение апостола Павла, согласно которому нееврей мог стать христианином без того, чтобы стать членом еврейской общины и соблюдать иудейский закон<sup>1</sup>. Таким образом, ранняя христианская церковь превратилась в религиозное сообщество типа ассоциации, независимое от каких бы то ни было естественно заданных сообществ аскриптивного типа, будь то этнических или

---

<sup>1</sup> Nock A.D. St. Paul. N.Y.: Harper. 1938.

территориальных. Она сосредоточилась вокруг чисто религиозной задачи — спасения души каждого отдельного человека — и в этом отношении особо отличалась от всякой светской социальной организации. Благодаря прозелитской деятельности апостолов и других миссионеров христианская церковь постепенно распространилась по всей Римской империи. На ранних этапах она пользовалась успехом в основном в небогатых слоях городского населения — у ремесленников, мелких торговцев и т.п., которые были свободны и от крестьянского традиционализма, и от присущей высшим классам заинтересованности в *status quo*<sup>2</sup>.

С точки зрения религиозного содержания наиболее важными элементами преемственности от иудаизма был трансцендентный монотеизм и представление о договоре с Богом. Таким образом, сохранился дух «избранности» Богом для совершения особой богоданной миссии. В классическом иудаизме этим статусом был наделен народ Израиля; в христианстве он закрепился за всеми исповедующими веру *индивидами*, через веру получающими доступ к вечной жизни<sup>3</sup>. Спасение можно было обрести в церкви и посредством церкви, особенно после того как утвердился институт святых таинств. Ранняя церковь была добровольной ассоциацией, как социологический тип совершенно противоположной такой общности, как «народ». Иудеем можно было быть только в качестве *тотальной* социальной личности, одного из «народа»; в христианстве на уровне участия в социуме человек мог быть *одновременно* христианином и римлянином или афинянином, членом церкви и этно-территориального сообщества. Этот шаг имел решающее значение для дифференциации и ролевых, и коллективных структур.

Это новое определение оснований религиозного коллектива и его отношения к мирскому обществу требовало теологической легитимизации. Новым теологическим элементом стал Христос, который не был просто еще одним пророком или мессией иудейской традиции — эти фигуры были чисто человеческими, без претензий на божественность. Христос же был и человеком, и Богом, «единосущным сыном» Бога-Отца, но также и человеком во плоти и крови. В этой своей двойной сущности он явился, чтобы дать человечеству спасение.

Трансцендентность Бога-Отца послужила основным источником резкого разделения между тем, что позже получило название «духовного» и «светского». Основанием их интеграции послужи-

---

<sup>2</sup> Harnack A. The mission and expansion of Christianity. N.Y.: Harper, 1961.

<sup>3</sup> Bultmann R. Primitive Christianity. Cleveland: Meridian, 1956.



ли отношения между людскими душами и Богом через посредство и «во» Христе и его церкви, которая теологически определяется как «мистическое тело Христово» и сопричастна божественности Христа через Дух Божий<sup>4</sup>. Христос не только принес спасение душам, но и освободил религиозное сообщество от прежних территориальных и этнических привязок.

Отношения между тремя лицами Святой Троицы и каждого из них к человеку и другим сторонам бытия чрезвычайно сложны. Устойчивое теологическое упорядочение этих отношений требовало интеллектуальных ресурсов, отсутствовавших в профетическом иудаизме. Именно в этом направлении сыграла решающую роль поздняя греческая культура. Христианские теологи III в. н. э. (особенно александрийские отцы Ориген и Климент) мобилизовали утонченные средства неоплатонической философии для решения этих сложных интеллектуальных проблем<sup>5</sup>, тем самым создав прецедент сближения со светской культурой, каковое не было доступно другим религиозным движениям, в частности исламу.

Представление о христианской церкви как одновременно о божественном и человеческом учреждении имело теологическое происхождение. Представление же о ней как о добровольной ассоциации с весомыми признаками эгалитаризма и корпоративной независимости по отношению к социальному окружению во многом сложилось на основе институциональных моделей античности. Поразительным символом было использование св. Августином слова «град» в значении, близком к слову «полис»<sup>6</sup>. Безусловно, церковь была ассоциацией религиозных «граждан», наподобие полиса, особенно в том, что касалось местных конгрегаций. Подобно тому как империю можно представить в виде городов-государств, так и церковь создала соответствующую модель, по мере того как разрастающееся движение стало нуждаться во властных структурах для стабилизации отношений между ее местными конгрегациями. Необходима была и определенная централизация, которая постепенно осуществлялась в утверждении римского папства. Хотя церковь институционально дифференцировалась от всех светских организаций, в то же время структурно она стала больше соответствовать окружающей ее социальной реальности.

---

<sup>4</sup> Neck A.D. Early gentile Chistianity and its Hellenistic background. N.Y.: Harper, 1964.

<sup>5</sup> Jaeger W. Early Christianity and Greek Paideia. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1961.

<sup>6</sup> Cochrane Ch.N. Christianity and classical culture. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1957.

Важной чертой дифференциации христианской церкви от мирского общества была четкость и резкость проведенных границ: ранний христианин жил «в миру», но был «не от мира сего». Большое общество было языческим и представлялось христианину совершенно обесцененным, царством неискупимого греха. Знаменитое предписание «кесарю — кесарево» нужно было понимать как признание того, что кесарь — языческий монарх, символ языческого политического и социального порядка. В том, что здесь выражалось «принятие» римской власти, проявлялась христианская пассивность по отношению ко всему мирскому. Как решительно настаивал Э. Трельч, раннее христианство не было движением социальных реформ или революционным движением. Признание власти кесаря ни в коем случае не означало позитивной интеграции, ибо оно коренилось в эсхатологических ожиданиях близкого второго пришествия, конца света и Страшного Суда<sup>7</sup>.

Христианское движение как целое было изначально двойственным в своем отношении к секулярному миру, что во многом опять-таки было унаследовано от иудаизма. С одной стороны, оно утверждало приоритет «вечной жизни» перед *всеми* мирскими делами. Поэтому, наряду с прозелитизмом, оно делало акцент на такие средства спасения, как личное благочестие и аскетизм. С другой стороны, Христос и его церковь, подобно народу Израиля, имели назначенную Богом миссию на этой земле, что на деле означало миссию в человеческом обществе. И хотя положение церкви в имперском обществе вынужденно отодвигало этот компонент на второй план, его эволюционный потенциал был весьма значительным.

Христианская отрешенность от мирских дел сталкивалась со все более серьезными проблемами по мере обращения в христианскую веру широких слоев населения, и особенно представителей высших, социально и политически более ответственных классов<sup>8</sup>. Этот процесс достиг кульминации в начале IV в. н. э. с провозглашением новой имперской религиозной политики, нашедшей отражение в Миланском эдикте (объявившем о терпимости к христианству), в обращении в христианство императора Константина и в объявлении христианства государственной религией<sup>9</sup>.

---

<sup>7</sup> Troeltsch E. The social teachings of the Christian Churches. Vol. 1. N.Y.: Harper, 1960.

<sup>8</sup> Ibid.

<sup>9</sup> Lietzmann H. A history of the early Church. Cleveland: Meridian, 1961. Vols 2, 3.

Эта кульминация была не только великим триумфом, но и источником огромных напряжений внутри христианства, поскольку церковь оказалась перед опасностью потерять свою независимость и превратиться в орудие светской политической власти. Знамательно, что именно в этот период утверждается монастырство<sup>10</sup>. Предписание апостола Павла «оставаться в том положении, в каком вы были призваны» уже в самом начале казалось недостаточно радикальным определенному меньшинству христиан, которые целиком порывали с миром и становились отшельниками. Теперь же подобные настроения приводили к созданию организованных общин верующих, полностью посвятивших свою жизнь религии и покинувших мир, приняв обет нестяжания, безбрачия и послушания<sup>11</sup>.

Хотя христианство было «рассадниковым» движением с потенциальными возможностями для *будущего* социального развития, оно не могло преобразовать Римскую империю, поскольку там отсутствовали необходимые условия его институционализации. Монастырское же движение образовало еще один, особый вид «питомника рассады» уже *внутри* христианства и стало мощным и все более усиливающимся эволюционным рычагом воздействия как на «мирскую» церковь, так и на секулярное общество.

Институциональное структурирование христианской миссии в мире, в котором монастыри играли повсюду важную роль, оказалось теснейшим образом связано с процессом дифференциации восточной и западной ветвей церкви. Отчасти в результате ослабления на Западе светской власти, включая потерю Римом статуса имперской столицы, церковь получила там большие возможности стать независимым «субъектом действия». Выступая как единая организация всех христиан, мирян и клира, западная церковь создала «универсальную» епископальную систему, централизованную под эгидой папского престола в Риме<sup>12</sup>. В период «мрачного Средневековья» и на протяжении почти всей эпохи более поздних Средних веков эта организация показала себя более эффективной, чем любая из числа светских, и произошло это благодаря длительному воздействию трех важных моментов в развитии церкви.

Во-первых, во многом под влиянием Августина на самом высоком теологическом уровне за «градом людским» утвердилось

---

<sup>10</sup> Tufari P. Authority and affection in the ascetics status group: St. Basilic definition of monasticism/Unpubl. dissert. Harvard University.

<sup>11</sup> Workman H.B. The evolution of the monastic ideal. Boston. 1962.

<sup>12</sup> Lietzmann H. Op. cit. Vol. 4.

почти легитимное место, при том, что проводилось различие между ним и «градом Божиим». В противоположность характерному для раннего христианства тотальному отчуждению от мирского общества, в концепции Августина утверждалась мысль о «негативной терпимости» по отношению к нему и допускалась возможность его морального совершенствования под христианским влиянием как вполне законного стремления<sup>13</sup>. Августин также пошел гораздо дальше своих предшественников по пути принятия секулярной культуры древнего мира.

Во-вторых, с учреждением ордена бенедиктинцев западное монашество стало уделять гораздо больше внимания мирским делам, чем восточное монашество. Интерес к светскому миру укрепился с появлением в западной церкви других орденов, таких, как клунийские монахи, доминиканцы, францисканцы и, наконец, иезуиты.

В-третьих, организация церкви была скреплена посредством таинств, которые обрели свою окончательную форму до начала Средних веков. Священнический сан превратился в *должность*, независимую от личных качеств занимающих ее персон, а значит, и от их партикуляристских связей<sup>14</sup>. Западная церковь достигла значительно более высокого уровня «бюрократической» независимости своего белого духовенства, чем восточная церковь, где епископы обязательно должны быть выходцами из монахов, а приходские священники тесно вовлечены в жизнь местных общин.

## ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РИМА

Хорошо известно, какой резкий упадок пережила Римская империя, достигшая высочайшего уровня цивилизации. Особенно этот упадок выразился в дезинтеграции политической власти на Западе и в появлении на ее месте множества меняющих свои очертания племенных и региональных группировок и авторитетов. Эти перемены сопровождались фактическим исчезновением денежно-рыночной экономики и возвращением к местной самодостаточности и бартеру<sup>15</sup>.

---

<sup>13</sup> *Cochrane Ch. N. Op. cit.; Troeltsch E. Op. cit.*

<sup>14</sup> *Weber M. The Sociology of religion. Boston: Beacon, 1963. [Вебер М. Социология религии// Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.]*

<sup>15</sup> *Moss H.St.L.B. The birth of the Middle Ages. L.: Oxford Univ. Press, 1935; Lot F. The end of the Ancient World and the beginning of the Middle Ages. N.Y.: Harper, 1961.*

Когда снова началось постепенное возрождение и консолидация, между церковью и светской властью возникло новое важное взаимоотношение. Легитимизация режима Карла Великого зависела от его отношений с церковью, что нашло символическое выражение в его коронации папой Львом III в 800 г. н. э. Эта церемония послужила моделью для всей Священной Римской империи, которая хотя и не была никогда высокоинтегрированной политической системой, все же служила легитимизирующей основой для единого христианского светского общества<sup>16</sup>.

В этих институциональных рамках великий средневековый «синтез» выглядел как *дифференциация* церкви и государства, последнего — в специфически средневековом значении этого термина. Эта дифференциация определялась как разделение духовных и светских «орудий» христианской миссии. В результате этого особого способа дифференциации и интеграции образовалось ядро того, что Э. Трельч называл первым вариантом идеи Христианского общества<sup>17</sup>. Главные институциональные элементы римского происхождения, пережившие Средние века, были, таким образом, тесно связаны с развитием церкви.

В период переселения народов универсалистские структуры римского права были тяжелейшим образом подорваны ввиду «персонализации» права, когда человека стали судить по закону его племени<sup>18</sup>. Эту партикуляристскую отсылку к племенной принадлежности можно было преодолеть в юрисдикции и правоприменении только путем постепенного возрождения *территориального* принципа, ибо эта сторона права непосредственно связана со статусом территориальной политической власти. Хотя и было признано, что гражданским правом вновь образованной империи является римское право, империя была слишком рыхлой, чтобы служить эффективным субъектом детальной разработки закона и его претворения в жизнь. Так что правовая традиция ограничивалась тем, что оказывала своего рода «культурное давление» в виде легитимизирующего воздействия на процесс установления территориальных законодательств, не охватывающих всю империю целиком<sup>19</sup>.

Тем не менее едва ли ставилось под сомнение, что право, как таковое, означало римское право и что правовая система имперского Рима сохраняла силу даже в английском общем праве, которое было не столько новой правовой системой, сколько адапта-

---

<sup>16</sup> Pirenne H. A history of Europe. 2 vols. Garden City: N.Y.: Anchor, 1958.

<sup>17</sup> Troeltsch E. Op. cit. Vol. 1.

<sup>18</sup> McIlwain C.H. The growth of political thought in the West. N.Y.: Macmillan, 1932.

<sup>19</sup> Ibid; Gierke O. von. Political theories of the Middle Ages. Boston: Beacon, 1958.

цией римского права к условиям Англии<sup>20</sup>. Более того, и церковь приспособила значительную часть римского права в виде канонического закона для регулирования своих собственных дел и создала внутри клира специальный разряд юридических экспертов. Возможно даже, что «бюрократизация» средневековой церкви имела меньшее значение, чем ее упорядочение средствами универсалистской правовой системы.

Твердая территориальная привязка политических институтов — это второй существенный компонент современных обществ, существованию которого они более, чем какому-либо иному источнику, обязаны римскому наследию. Несмотря на многие различия между римскими и современными государственными институтами, римское наследие и римская модель послужили важнейшим отправным пунктом для развития раннесовременного европейского государства, не в последнюю очередь через легитимизацию, заложенную в представлениях о преемственности государственной организации<sup>21</sup>.

Третьим основным компонентом институционального наследия античности был принцип и образец «муниципальной» организации. Римский *municipium* вел свое происхождение от более древних городов-государств — греческого полиса и городов Рима и других италийских провинций. *Municipium* давно утратил политическую независимость, но сохранил многие из давних институциональных установлений. Самым важным из них было представление о его структурном ядре в виде корпорации граждан. В определенных основополагающих отношениях граждане *municipium* представляли собой объединение равных, имеющих одинаковые юридические и политические права и одинаково несущих военные и другие подобные обязанности граждан. Хотя во всех *municipia*, как и в Риме, постепенно возникли аристократии богатых и знатных граждан, которые монополизировали общественные должности, в них все же в достаточной мере сохранялся, в отличие от сельского общества, особенно периода феодализма, дух ассоциации. Выживание таких городских общин составляло важную отличительную особенность предсовременной Европы, если сравнивать ее с любым восточным обществом, находившимся на приблизительно такой же стадии развития<sup>22</sup>.

---

<sup>20</sup> *Maitland F.W.* The constitutional history of England. Cambridge (Eng.): Cambridge Univ. Press, 1908.

<sup>21</sup> *Morrall I.B.* Political thought in Mediaeval Times. N.Y.: Harper, 1962.

<sup>22</sup> *Weber M.* The city. N.Y.: Free Press, 1958. [Вебер М. Город// Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.]

## СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОБЩЕСТВО

То, что период развития и перехода от конца Средневековья к первым новообразованиям общества, вступившего на путь модернизации, был длительным и неровным, во многом объясняется тем, что в средневековом обществе прихотливо сочетались черты, благоприятствующие этому процессу, с такими, которые в основе своей были несовместимы с современностью и становились очагами сопротивления переходу к ней. Рассмотренное в качестве «типа» социального устройства феодальное общество резко противоположно более развитым типам — как тем, что предшествовали ему, так и тем, что пришли ему на смену. Оно характеризовалось кардинальным отступлением почти от всех элементов развитого римского общества к более архаичным формам. Однако, как только была достигнута точка максимальной регрессии, быстро началось выздоровление и динамичное продвижение вперед. Ключевым моментом в этом развитии было то, что феодализм — продукт попятного движения — получил лишь вторичную легитимизацию. Хотя лояльности феодального типа и были, несомненно, романтизированы и получили, фактически, церковное благословение, это признание носило условный и ограниченный характер. В целом же они оказались довольно легко уязвимы со стороны иных притязаний, которые могли появиться и раньше, и позже их и которые были глубже укоренены в культуре с достаточно высокорационализированными ключевыми компонентами.

Начиная с XI в. в обществе стали утверждаться элементы, способные породить первичную легитимизацию, иницируя процесс дифференциации и связанные с ним изменения, которые в конце концов привели к созданию современного структурного типа. Общее *направление* этой эволюции определялось достижениями в рамках «структурных мостов», о которых уже было сказано выше: это основная ориентация западного христианства, относительная функциональная обособленность организационной структуры церкви, территориальный принцип политического подданства, высокий статус римской правовой системы и принцип ассоциации, лежащий в основе городских общин.

Дробление социальной организации Римской империи постепенно вело к созданию в высшей степени децентрализованного, локализованного и утратившего структурную дифференцированность типа общества, обычно именуемого «феодализмом»<sup>23</sup>. Общей тен-

---

<sup>23</sup> Наиболее авторитетным и полезным для социологического анализа, всеохватывающим источником может служить книга М. Блока: *Bloch M. Feudal society*. Chicago, 1961. [Блок М. Феодальное общество//Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973.]

денцией феодального развития было уничтожение универсалистской основы порядка и замена ее партикуляристскими связями, изначально «племенного» или местного характера. Попутно старые элементы относительного равенства индивидуальных членов ассоциаций уступали место, по крайней мере на уровне основных политических и юридических прав, размытым иерархическим отношениям, базирующимся на неравенстве взаимных обязательств вассального подчинения, покровительства и служения.

Феодальные иерархические отношения начинались как «договорные», когда вассал, давая присягу на верность, соглашался служить господину в обмен на его покровительство и иные привилегии<sup>24</sup>. На практике, однако, они быстро превратились в наследственные, так что только при отсутствии у вассала законного наследника его господин мог свободно распорядиться его феодалом и назначить преемником «нового человека». Для крестьян феодальная система устанавливала наследственную несвободу в виде института крепостничества. Полное признание законной наследственности статуса было, однако, и одним из признаков аристократии.

Вероятно, самой насущной повседневной проблемой в то время было обеспечение простой физической безопасности. Беспорядок, порожденный «варварским» нашествием, продолжался и дальше ввиду постоянных набегов (например, мусульман — на востоке и на юге, гуннов — на востоке и севере, скандинавов — на севере и на западе) и непрерывной междоусобицы как следствия политической раздробленности<sup>25</sup>. Поэтому военная функция получила преимущественное развитие, и военные средства противостояния насилию стали основой безопасности. Опираясь на мощные традиции античности, в светском обществе возвысилось военное сословие, закрепившее свое положение посредством иерархического института вассальной зависимости.

Однако с течением времени возможность поддерживать простые и ясные иерархические отношения становилась все более проблематичной. Они сделались настолько запутанными, что многие люди осуществляли свои феодальные права и обязанности в рамках сразу нескольких потенциально враждебных друг другу иерархий. Хотя ленные отношения, считавшиеся главными по отношению ко всем другим обязательствам, и были попыткой разрешить эту проблему, все же, скорее, они являлись знаком того, что

---

<sup>24</sup> *Ganshoff F.L. Feudalism. N.Y.: Harper, 1961.*

<sup>25</sup> *Ibid. Part I.*



институт королевской власти не феодализировался окончательно и постепенно восстанавливал свое верховенство<sup>26</sup>.

После XI в. территориальная организация государства, тесно связанная с монархическим принципом, стала уверенно набирать силу, хотя и не везде одинаково. В Европе постепенно увеличивалась плотность населения, росла экономическая организованность, возрастала физическая защищенность, все это в целом вело к сдвигу в принципах равновесия от феодальной организационной зависимости вассалов (с ее весьма хрупкими равновесием) к территориальному. Попутно совершалась важная кристаллизация института аристократии, который можно рассматривать как «компромисс» между феодальным и территориальным принципами организации<sup>27</sup>. В своих полностью раскрытых формах аристократия была явлением позднего Средневековья. На макросоциальном уровне она представляла собой фокус двухклассовой системы, из которой развился современный тип секулярной социальной стратификации национального государства.

С политической феодализацией раннего Средневековья тесно переплетался резкий экономический упадок. Ресурсная база общества становилась все более аграрной, обретая относительно устойчивую форму организации в виде института феодального землевладения. Поместье было относительно самодостаточным аграрным хозяйством с наследственно закрепленной за ним рабочей силой, зависевшей в своем легализованном статусе «несвободы» от феодала, обычно какого-то физического лица, но часто им выступала и какая-нибудь церковная корпорация — монастырь или соборный капитул. Функциональная размытость поместья отражалась в статусе землевладельца, который сочетал в себе роли собственника земли, политического лидера, военного предводителя, судьи и организатора хозяйственной жизни<sup>28</sup>. Такая диффузность вполне соответствовала манориальному поместью как средоточию гарантированной безопасности посреди феодального хаоса, но мешала ему стать организацией, способствующей осуществлению модернизации на местах. К такого типа организации гораздо ближе стояли города.

Можно утверждать, что в широком смысле социальная структура церкви была основным институциональным мостом между древним и современным (модернизованным) западным общест-

---

<sup>26</sup> Bloch M. Op. cit.

<sup>27</sup> Ibid.

<sup>28</sup> Ibid. Part V; Pirenne H. Economic and social history of Medieval Europe. N.Y.: Harvest, 1937. Part III.

вом. Но для того чтобы эффективно повлиять на эволюцию, церковь должна была в каких-то стратегически важных точках соединиться со светскими структурами. М. Вебер настаивал на том, что именно одну из таких стратегических точек представляла собой европейская городская община<sup>29</sup>. Что касается общенности к церкви, то социальные различия в рамках городских общин были в известном смысле приглушены, хотя и не уничтожены вовсе. Прежде всего это выражалось в том, что всем членам городской общины без всяких различий был открыт доступ к мессе<sup>30</sup>.

Какова природа религиозного компонента в городской организации, наиболее наглядно продемонстрировал кафедральный собор, который был не просто зданием, а институтом, в котором соединялись два уровня церковной организации — местонахождение епархиальной власти и средоточие кафедрального капитула, представляющего собой важный коллегиальный элемент церковной структуры<sup>31</sup>. Весьма значительное участие гильдий в финансировании капитулов и строительстве храмов указывает на то, что религиозная организация была тесно связана с экономической и политической жизнью набирающих силу городов.

Важнейшим явлением в развитии в городах ассоциаций секулярного типа стало возникновение городского варианта аристократии в виде патрициата — высшего слоя горожан, организованного в корпоративное целое. Отличительная особенность этих групп заключалась в самом принципе их организации, противоположном феодальному принципу иерархии<sup>32</sup>. Они были организованы в гильдии, среди которых наиболее заметное и влиятельное место занимали гильдии торговцев. Но сама каждая отдельная гильдия, следуя образцу полиса или *municipium*, была в основе своей *ассоциацией равных*<sup>33</sup>. Хотя в пределах одной городской общины существовали гильдии, находившиеся

---

<sup>29</sup> Weber M. The city.

<sup>30</sup> В сельской местности обычный порядок состоял в том, что хозяин поместья ходил к мессе в свою часовню, а простолюдины ходили в деревенскую церковь или в храмы близлежащего монастыря или города, если вообще посещали богослужения. Всякий мало-мальски благородный человек имел собственного духовника. В этой связи примечательно, что Фома Аквинский утверждал большую по сравнению с сельским пригодность городского образа жизни для воспитания христианской добродетели. См.: Troeltsch E. Op. cit. Vol. 2. P. 255.

<sup>31</sup> Southern R.W. The making of the Middle Ages. New Haven: Yale Univ. Press, 1953. P. 193–204.

<sup>32</sup> Bloch M. Op. cit. P. 416.

<sup>33</sup> Pirenne H. Early democracies in the low countries. N.Y.: Harper, 1963.

на разных уровнях престижа и власти, занимавшие неравные позиции в политической структуре города, и хотя сами города могли занимать различное место в более широких политических структурах феодального общества, все-таки городские общины представляли собой образчик организации, противоположный феодализму и созвучный основному направлению будущего развития<sup>34</sup>.

Вероятно, самые важные эволюционные события раннего Средневековья произошли в церкви — единственной достаточно всеобъемлющей структуре, чтобы оказать влияние на институциональное устройство по всей Европе. Поворотный момент наступил, возможно, в конце XI в., во времена папства Григория VII. В церкви к этому времени уже возобновился интерес к широким философско-теологическим темам, связанным с утверждением сугубо христианского свода знаний, который мог бы служить путеводителем на пути создания Христианского общества<sup>35</sup>. На горизонте вырисовывалось создание первого великого схоластического синтеза. Уже началось систематическое изучение канонического закона и светского римского права, и папа Григорий VII поддерживал эти начинания. На уровне социальной структуры, однако, решающим моментом было, по всей вероятности, настояние Григория на том, чтобы религиозная дисциплина в церкви в целом приближалась к монастырской, в сочетании с отстаиванием интересов церкви в миру<sup>36</sup>. Он и некоторые из его преемников возвели могущество церкви и ее структурную независимость на такие высоты, что противники такого положения говорили о преобладании церкви над секулярными структурами. Такое преобладание невозможно было вообразить в Византийской империи.

В некоторых отношениях главной новацией Григория VII было его требование безбрачия для *белого духовенства*<sup>37</sup>. В то время как в феодальной системе на смену более «личному» принципу феодальной верности стремительно шел принцип наследственности, он решительно изъяс из сферы действия последнее духовенство и особенно епископат. Каковой бы ни была мораль белого духовенства в области сексуальных отношений, у священников не могло быть законных наследников, а их приходы и должности не

---

<sup>34</sup> Pirenne H. Mediaeval cities. Princeton: Princeton Univ. Press, 1925. Ch.2 «Municipal institutions».

<sup>35</sup> Southern R.W. Op. cit.; Troeltsch E. Op. cit.

<sup>36</sup> Morrall J.B. Op. cit.

<sup>37</sup> Lea H.C. History of Sacerdotal Celibacy in the Cristian Church. N.Y.: Macmillan, 1907.

стали институционализированной наследственной функцией, как это произошло с институтами монархии и аристократии. Это положение не могло быть разрушено даже тем, что согласно распространенной практике высшее духовенство назначалось из числа аристократов. Хотя священнослужители, епископы и в общем-то папы в течение многих столетий избирались во многом с учетом их родовых связей, попытки узаконить такой порядок в основном отвергались, в то время как во множестве светских контекстов принцип наследственности все более укоренялся. Состояние напряженности между духовным универсализмом церкви и феодальным мирским партикуляризмом, которое проявлялось в организациях и религиозного, и мирского типа, послужило мощным противодействием против соскальзывания западного общества в удобный традиционализм.

## ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ

До сих пор речь шла о феодальном обществе в плане составляющих его структур безотносительно к их дифференцированному распространению по различным географическим ареалам европейской системы. Теперь остановимся на выяснении, насколько нынешняя дифференциация Европы как системы была предвосхищена в периоды, предшествующие началу модернизации, и рассмотрим для этого, как распределялись по территории Европы различные институциональные компоненты<sup>38</sup>.

Социальная среда европейской системы складывалась из ее отношений с соседними обществами, которые сильно различались в зависимости от их географического положения<sup>39</sup>. Социальная среда на северо-западе Европы не была проблемной, так как этот регион граничил с Атлантикой, которая в те времена не представляла собой зону сколько-нибудь значительных социальных и политических взаимообменов. На юге и востоке, однако, социальная среда была чрезвычайно важна. Испания на протяжении всего сре-

---

<sup>38</sup> Четкое описание этого распределения можно найти у М. Блока в цитируемом здесь сочинении. В его подходе впервые обозначена идея о том, что подобное дифференцированное распределение, с определенными оговорками насчет последующих изменений в ходе развития, может быть отнесено к временам, далеко предшествующим первым основным этапам развития современной системы, как они трактуются в последующих главах этой книги.

<sup>39</sup> См.: *Halecki O.* The limits and divisions of European history. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press, 1962. Хейлески описывает общий эволюционный ход социогеографической дифференциации в Европе.

дневкового периода была частично оккупирована маврами, а для восточного Средиземноморья в тот период решающее значение имели отношения с сарацинами. На юго-востоке лежала Византийская империя, к концу Средних веков оказавшаяся в руках турок, а к северо-востоку была область распространения православного христианства, в конце концов оформившаяся в Россию. Восточное пограничье было зоной борьбы и колеблющегося по религиозному и этническому направлениям равновесия. Поляки, чехи и хорваты стали в большинстве своем римскими католиками, в то время как русские и большая часть южных славян обратились в православие. В то же время от Австрии далее на север проходила неустойчивая граница между германскими и славянскими народами, не совпадавшая с религиозным разграничением. Стратегическим анклавом сразу к востоку от области германского заселения был венгерский этнос — осколок гуннского нашествия.

Таким образом, между восточным и западным пределами Европы существовала огромная разница относительно социальной среды этих мест — как в смысле физико-географических особенностей, так и по степени предшествующего проникновения римского влияния, и по последствиям раскола западной и восточной церквей. Существовали также серьезные различия между севером и югом, порождаемые наличием физического барьера в виде Альп и Пиренеев. Италия была местонахождением центра управления римско-католической церкви, но *никогда* — столицы Священной Римской империи. Хотя латинская культура, прежде всего через язык, проникла в Испанию, Францию и некоторые другие приграничные регионы, основной этнический состав трансальпийских обществ не был латинским.

Италия играла особую роль в становлении средневекового общества по двум главным причинам. Во-первых, в ней находился церковный престол и, следовательно, в наиболее концентрированном виде осуществлялось влияние церкви. Во-вторых, здесь наиболее прочно были укоренены римские институты, которые и смогли быстрее восстановиться после минимального периода развития феодализма.

В условиях Средневековья церковь переплеталась экономически и политически с секулярным обществом, конечно, гораздо теснее, чем в современную эпоху. Особенно важным аспектом вовлеченности церкви в мирские дела была прямая государственная юрисдикция пап над территорией, получившей название Папской области. В то же самое время общая децентрализация средневекового общества привела к тому, что городской компонент римского

наследия наиболее сильно проявился в Италии. К северу от Рима господствующей организационной формой в Италии стал город-государство. Высшие классы северных городских общин превратились в своего рода амальгаму укорененных в селе изначально феодальных аристократий и городских «патрициатов». И все-таки это были высшие классы *городского типа*; даже если их члены владели почти всеми сельскохозяйственными землями, они решительно отличались от феодальной аристократии Севера<sup>40</sup>. Такие условия сильно препятствовали появлению сначала преимущественно феодальной структуры, а позднее территориальных государств, выходящих по масштабам своей политической структуры за пределы того, что может контролироваться единым городским центром. Поскольку широкое применение римского права в секулярном обществе зависело от развития территориальных государств, то оно не достигло здесь расцвета вплоть до самых поздних времен. Подобно своим древним собратьям, городам-государствам античности, итальянские города не смогли отстоять свою политическую целостность в системе «больших держав». Тем не менее Италия на том этапе была, возможно, для европейского общества основной подсистемой сохранения и воспроизводства образца, главным рассадником последующих изменений и в светской, и в церковной культуре<sup>41</sup>.

Восточное пограничье было в целом наиболее феодализованной частью европейской системы, хотя здесь, особенно в Германии, сложились самобытные и весьма разнообразные формы организации<sup>42</sup>. К востоку от долины Рейна и к северо-востоку от Балтийского моря городской компонент постепенно ослабевал, снижаясь до самого низкого в Европе уровня. Экономические и культурные условия здесь безусловно были примитивнее, чем в других регионах, а близость границы заставляла делать упор на военные занятия. Феодальная структура и социальная стратификация — в целом более жестко иерархизованы, чем в западных регионах, что создавало основу для более авторитарных режимов. Иерархическая дифференциация и политическая власть занимали, таким образом, преимущественное положение по сравнению с экономикой и культурой. Сложившаяся в результате иерархическая политическая централизация создавала условия для своего рода накопления ресурсов политической эффективности, что имело важные последствия для будущего всей европейской сис-

---

<sup>40</sup> См.: *Schevill F. The Medici*. N.Y.: Harcourt, 1949.

<sup>41</sup> *Plumb J. H. The Italian Renaissance*. N.Y.: Harper, 1965. Ch. 10.

<sup>42</sup> *Bloch M. Op. cit.*

темы. Можно сказать, что области восточного приграничья играли в европейской системе роль адаптивной подсистемы, так как создавали организационные формы для ее защиты от угроз социополитического, а за ними и культурного характера.

Почва, на которой появились важнейшие социальные и политические инновации, находилась главным образом на северо-западе Европы. Значение Парижа как центра схоластической философии и университетов в Оксфорде и Кембридже состояло в том, что и то и другое было культурным новаторством. Этот же географический ареал дал два особенно ценных социальных новшества. Во-первых, Англия и Франция дали самые ранние образцы территориальных государств, отличных от феодальных, хотя в их развитии была и феодальная подоплека<sup>43</sup>. Во-вторых, здесь, на северо-западе империи, достигли расцвета городские общины, которые сосредоточились в основном вдоль долины Рейна — от Швейцарии до Северного моря.

Все это произошло во многом из-за организационной рыхлости империи. В связи с периферийным положением Англии и Франции их короли могли с ранних времен игнорировать свою подчиненность императору. Кроме того, многие городские общины на континенте стали «вольными городами» империи, получив существенные свободы от феодальных структур и от нарождающихся территориальных монархий<sup>44</sup>. Поскольку эти города обычно были и местонахождением кафедральных соборов, их позиция укреплялась союзом с церковью.

Процессы эти, имевшие первоначально центром Англию и Францию, составили первый этап дифференциации на пути становления современной формы социетального сообщества. Развитие вольных городов, во многом параллельное развитию городов Италии, послужило толчком для дальнейшей дифференциации экономики от политических структур и от социетального сообщества как такового.

Ни одна из этих форм структурной дифференциации не была совместима с преобладавшей в целом феодальной организацией. Самые первые короли территориальных государств были одновременно и королями в более позднем смысле этого слова и феодальными магнатами; теоретически они являлись знатнейшими вассалами императора Священной Римской империи, в то время как их «бароны» в свою очередь и главным образом были их феодальными вассалами. Феодальные сословия не просто вершили

---

<sup>43</sup> *Peit-Dutailis Ch.* The feudal monarchy in England and France. L.: Routledge, 1936.

<sup>44</sup> Даже в наши дни Гамбург и Бремен имеют статус вольных городов.

власть в своих феодах, но образовывали ядро социетального сообщества; они как бы по должности представляли собой наиболее престижный слой, одновременно являясь символическим фокусом общественной солидарности. Расходящаяся от них сеть феодальных связей составляла основу социальной структуры. «Нижние классы» вплетались в эту сеть через свой несвободный статус внутри поместья, напрямую принадлежа только своему господину и никому больше. Практически никакая гражданская администрация не доходила до уровня владельца манора, не говоря уж о его крепостных. Одним из первых исключений из этих правил была прерогатива короля по поддержанию «мира», нашедшая наиболее полное воплощение в английской судебной системе, через которую король мог вмешиваться в местные дела в случае серьезных преступлений или ссор между двумя феодалами<sup>45</sup>. С развитием феодализма вассальные отношения становились все разветвленней, и это вело к дальнейшему распространению королевского вмешательства и способствовало «национальной» интеграции<sup>46</sup>.

Система феодального баронства постепенно трансформировалась в то, что стало аристократией ранних современных обществ. В политическом отношении, быть может, самым решающим новшеством стало присвоение королевскими правительствами двух тесно связанных между собой прерогатив — во-первых, иметь военные подразделения, независимые от феодальных контингентов, подчиняющихся в первую очередь баронам, и, во-вторых, установить прямое налогообложение, минуя феодальных посредников. Преемники системы баронства остались тем не менее «социальным» классом с наиболее престижным статусом, непосредственно связанным с монархией в том смысле, что король всегда был «первым джентльменом» государства и главой аристократии. В результате этих перемен земельная собственность стала отрываться от статуса *землевладельца*, который предполагал политическую власть не только над землей, но и над людьми, но в то же время она оставалась основной экономической базой аристократии.

Там, где сил для установления государственного управления на больших территориях не доставало, бывало, что города становились полностью независимыми. Помимо того, что зона вольного города стала местом появления традиции политической независимости, препятствовавшей наступлению абсолютизма, она

---

<sup>45</sup> *Maitland F. W. Op. cit.*

<sup>46</sup> *Bloch M. Op. cit.*



также имела все условия для консолидации независимого социального слоя, главной лидерской, альтернативной по отношению к аристократии группы — буржуазии<sup>47</sup>. Экономическая база этой группы была сосредоточена не в землевладении, а в торговле и финансах. Хотя в городской структуре заметное место занимали и гильдии ремесленников, но торговые гильдии, особенно в наиболее значительных городах, обычно обладали большей влиятельностью.

По обе стороны Альп города стали главными центрами возникающей рыночной экономики; вероятно, самым существенным обстоятельством этого была их независимость как от недавно образовавшихся монархий в Англии и Франции, так и от господства империи. В рамках большой системы независимое положение группы рейнских городов не могло не укреплять позиции их собратьев в Англии и Франции. При определенных обстоятельствах и особенно в столичных городах возникали союзы между королями и буржуазией, составлявшие важный противовес земельной аристократии. Особенно это характерно для ситуации постфеодального времени.

В условиях относительной изоляции и сильной власти, установившейся на острове после норманнского завоевания, Англия достигла более высокой, чем на континенте, степени политической централизации. В то же время она не пошла по пути развития королевского абсолютизма благодаря солидарности новой аристократии, состоявшей из приближенных Вильгельма Завоевателя. Менее чем за полтора столетия бароны оказались способными на достаточно единые корпоративные действия, чтобы навязать своему королю Великую хартию вольностей<sup>48</sup>. Эта корпоративная солидарность в свою очередь была связана с условиями, которые способствовали образованию парламента. Все это вело к тому, что английская аристократия дальше и быстрее, чем любая другая, отходила от своих феодальных начал, завоеывая тем самым особенно значимые позиции власти и влияния в нарождающемся государстве.

По сравнению с Фландрией и некоторыми другими областями континента Англия долго оставалась экономически отсталой. Однако английская политическая структура создавала благоприятную почву для будущего экономического развития, поскольку мощь земельной аристократии в противостоянии королевской власти создавала для купечества ситуацию *tertius gaudens*. Таким

---

<sup>47</sup> *Pirenne H.* Early democracies in the low countries.

<sup>48</sup> *Maitland F.W.* Op. cit.

образом, в Англии подспудно вызревали ингредиенты для будущего синтеза всех изменений, направленных в сторону дифференциации.

## РЕНЕССАНС И РЕФОРМАЦИЯ

Ренессанс положил начало высокоразвитой секулярной культуре, выделившейся из бывшей до этого общей религиозной матрицы. Родиной Ренессанса была Италия, именно здесь произошло зарождение современных искусств и интеллектуальных дисциплин, включая смежную область правовой культуры. Действительно, даже сама теология испытала обратное воздействие новых элементов секулярной культуры, что позже кристаллизовалось в виде философии.

Культурные компоненты, составившие культуру Ренессанса, своими историческими корнями уходили не только в глубь Средних веков, но еще дальше — в античность. Сама античная культура, однако, не достигла такого же уровня дифференциации, так как оставалась религиозной в известном смысле, который не был характерен для западной культуры послесредневекового времени. Схоластическая философия — наиболее важный целостный компонент рационализированной средневековой культуры, — не скрывавшая своих классических корней, особенно явных в обращении томистов к Аристотелю, была тесно привязана к теологической системе мысли и не обладала культурной автономией, свойственной постренессансной мысли<sup>49</sup>.

Церковь в начале своего становления восприняла, а затем и развивала чрезвычайно важные элементы классической культуры. Эпоха Ренессанса ознаменовалась гигантским продвижением этого наследия, главным образом в направлении его секуляризации. В соответствии с нашей аналитической схемой этот процесс можно определить как дифференциацию, но поскольку он оставлял возможность для восприятия элементов, которые в прежней, менее дифференцированной культурной системе оказывались «неудобоваримыми», то он был также и процессом включения.

Отличительной чертой этого процесса является то, что он проходил *внутри* религиозных рамок<sup>50</sup>. Церковь и аристократия были самыми важными патронами нового искусства, в большей своей части посвященного религиозным сюжетам и украшению хра-

---

<sup>49</sup> Troeltsch E. Op. cit. Vol. 2; McIlwain C. H. Op. cit.

<sup>50</sup> Troeltsch E. Op. cit. Vol. 2.

мов, монастырей и других религиозных сооружений. Однако художники, а позднее и ученые все чаще рекрутировались из светских, а не из духовных кругов, а в развитии сознания своей корпоративной принадлежности и автономности (как мастеров своего дела) они далеко ушли от строителей и декораторов средневековых соборов<sup>51</sup>. Университеты еще не были особенно заметны, разве что в отдельных областях, например в юриспруденции. Тем не менее в этот период были сделаны гигантские шаги относительно вывода из-под опеки церкви ролевой деятельности любого мало-мальски профессионального специалиста в делах культуры. Хотя некоторые идеи позднего Ренессанса проникли в протестантские регионы только после Реформации, они при этом тоже не были открыто антирелигиозными, а воспринимались и распространялись в рамках религии.

Похоже, что Ренессанс начался с возрождения литературных стилей и интересов к латинской античности, особенно в светских сочинениях гуманистов<sup>52</sup>. Возвращенные к жизни сюжеты и темы немедленно оказали колоссальное влияние на изобразительное и пластическое искусство — архитектуру, живопись, скульптуру. Наука лишь позже достигла сравнимого уровня совершенства, в результате процессов как внутренней дифференциации, так и более общей дифференциации светской культуры из социальной матрицы. Например, Леонардо был мастером и в художественной, и в научной областях, тогда как Рафаэль не был ученым, а Г. Галилей — живописцем. Эта дифференциация, по всей вероятности, легла в основу многих проявлений современной культуры, так как новая наука, достигшая своей кульминации в XVII в. в лице И. Ньютона, стала точкой отсчета для первой великой волны современной философии. Эта философия в свою очередь послужила непосредственным фундаментом для развития комплекса светского знания, именуемого нами «интеллектуальными дисциплинами».

Искусство Ренессанса все больше обращалось к светским сюжетам, часто к сценам из классической мифологии (как во многих картинах Боттичелли), а также к пейзажам, портретам и т.п. Даже когда сюжеты были религиозными, в них просматривались новые светские мотивы. Без преувеличения можно сказать, что место центрального символа в искусстве итальянского Ренессан-

---

<sup>51</sup> См. о науке Ренессанса: *Ben-David J. The sociology of science*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1971.

<sup>52</sup> *Kristeller P.O. Renaissance thought: The classic, scholastic and humanist strains*. N.Y.: Harper, 1961.

са занимала мадонна с ребенком. В сугубо религиозном значении это был серьезный отход от таких сюжетов, как распятие Христа, мученичество святых и др. На первое место выходит и даже восславляется человеческая семья и особенно отношения матери и ребенка. Материнство стремились сделать всеобще привлекательным, изображая Марию красивой юной женщиной, несомненно любящей свое дитя. Разве этот символизм не отражает дальнейший сдвиг христианского сознания в направлении позитивного утверждения правильного, по его меркам, светского мироустройства?

По своим главным характеристикам Ренессанс был не движением к синтезу, а скорее периодом стремительных культурных инноваций. Столь внушительные изменения едва ли могли произойти без вовлечения в общий процесс самых высоких уровней культуры — философии и теологии. Эта мысль подтверждается динамическим характером и разнообразием схоластической философии. Хотя томизм стал основной формулой позднесредневекового синтеза, но продолжали существовать и многочисленные иные течения мысли. Может быть, самым значительным из них был номинализм, который, питаясь классической мыслью и темами, почерпнутыми из исламской философии, составил самую развитую ветвь схоластики. Он был более непосредственно, чем томизм, открыт для эмпирических изысканий и свободен от томистских усилий создать законченную христианскую картину мира<sup>53</sup>.

В широком разнообразии других сфер культурной деятельности Ренессанс произвел не только дифференциацию религиозного и светского, но и их взаимную интеграцию. Подобно тому как символ мадонны означал бóльшую вовлеченность в «дела земные», большее влияние приобрели новые течения в монашестве, в первую очередь ордена францисканцев и доминиканцев, проявлявшие повышенный интерес к благотворительности и интеллектуальным занятиям. Ученые труды ренессансных гуманистов и правоведов имели глубокие философские, а по сути и теологические подтексты, которые стали особенно заметны, когда первые великие достижения новой науки привлекли к себе внимание и потребовали истолкования. Осуждение Галилея церковью уж никак не назовешь демонстрацией простого безразличия к его работе. А проблемы, поднятые Галилеем, — никак не связанными с более ранними идеями флорентийца Н. Макиавелли, первого европейского «социального мыслителя», который стремился

---

<sup>53</sup> *McIlwain C.H. Op. cit.; Kristeller P.O. Op. cit.*

не обосновать заранее заданную религиозно-этическую точку зрения, а понять, как действительно устроено мирское общество.

Ренессанс родился в Италии и там достиг своего наивысшего развития. Однако очень рано такое же движение, наиболее проявившее себя в живописи и также перемежающееся со средневековой культурой, началось к северу от Альп. В Германии оно не имело таких высочайших достижений, как в Италии, но и здесь оно дало миру выдающихся художников — Кранаха, Дюрера и Хольбейна. Рано проникло оно и во Фландрию, где получило полнокровное развитие, и значительно позже — в Голландию, где продолжилось в период протестантизма и расцвело в полной мере в XVII в. Не только в Италии это культурное движение брало начало в социальной среде итальянских городов-государств. Его распространение на север также почти в точности совпадало с регионом вольных городских общин, концентрирующихся вдоль долины Рейна. Ничего подобного не происходило с изобразительным искусством в феодальных по преимуществу регионах, игравших ведущую роль в формировании крупных территориальных государств.

Реформация была эпохой еще более радикальных культурных перемен, глубоко повлиявшая на отношения между культурными системами и обществом. Главная культурная новация носила теологический характер и состояла в учении о том, что спасение достигается, по лютеранской версии, «одной только верой», а по кальвинистской версии предопределения, путем прямого общения индивидуальной человеческой души с Богом без участия *каких-либо* усилий со стороны человека. Это новшество лишало протестантскую церковь и ее духовенство «власти над райскими ключами», то есть посреднической миссии по обеспечению спасения через свершение святых таинств. Более того, «видимая» церковь — конкретный коллектив верующих и их духовных предводителей — стала мыслиться как чисто человеческое объединение. Качество святости, статус церкви как «мистического тела Христова» стали присваиваться только невидимой церкви, соединению *душ* во Христе<sup>54</sup>.

Человеческое общество не могло базироваться на основе двух, столь глубоко различных, как это утверждал томизм, по своему религиозному статусу пластов — церкви, *одновременно* божественной и человеческой, и чисто человеческого земного мира. Скорее, оно представляло собой единое общество, все члены которого

---

<sup>54</sup> McIlwain C.H. Op. cit.: Kristeller P. O. Op. cit.

были одновременно «телами» в своем качестве мирских существ и «душами» в своих взаимоотношениях с Богом. Такое понимание представляло собой гораздо более радикальную институционализацию индивидуалистических компонентов христианства, чем римский католицизм<sup>55</sup>. В нем содержались также глубокие эгалитарные тенденции, развитие которых, однако, потребовало длительного времени и осуществлялось очень неравномерно.

Дальнейшим следствием того, что духовенство было лишено своей сакральной силы, стало разрушение той части римско-католической традиции, которую принято было именовать «вера и мораль» и по вопросам которой видимая церковь взяла опекунов над всеми людьми. Хотя многие протестантские движения пытались сохранить церковное принуждение в нравственных вопросах, сам внутренний заряд протестантизма склонял к тому, чтобы считать их делом в конечном счете личной ответственности индивида. Точно так же в протестантизме потеряла свою легитимность самая важная в рамках средневековой церкви форма стратификации — противопоставление мирян и членов религиозных орденов. На человеческом уровне «образа жизни» все «призвания» получили равноценный религиозный статус, и на пути мирского призвания можно было достичь высочайших религиозных заслуг и совершенств<sup>56</sup>. Такая установка коснулась и брака; сам Лютер, как бы создавая символ этих перемен, покинул монастырь и женился на бывшей монахине.

Эти крупные сдвиги в отношениях между церковью и миром часто интерпретируются как серьезное ослабление религиозного начала в пользу мирских утех. Однако такой взгляд представляется ложным, поскольку Реформация в гораздо большей степени была движением за поднятие мирского общества на высочайший религиозный уровень. В делах религиозной веры, хотя и не в повседневной жизни, каждый человек был обязан вести себя, как монах, то есть руководствоваться прежде всего религиозными соображениями. Это был решающий поворот в начавшемся еще на ранних стадиях христианства процессе освящения вещей «от мира сего» религиозными ценностями и устроения «града человеческого» по образу Божьему<sup>57</sup>.

---

<sup>55</sup> Weber M. The protestant ethic and the spirit of capitalism. N.Y.: Cribner, 1958. [Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.]

<sup>56</sup> Ibid.

<sup>57</sup> Ibid.; Troeltsch E. Op. cit. Vol. 2; Troeltsch E. Protestantism and progress. Boston: Beacon, 1953; Parsons T. Christianity // International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y.: Macmillan, 1968.

Институционализация этого представления о стоящем на религиозных основаниях человеческом обществе содержала в себе возможность установления социетального сообщества корпоративного характера, наподобие самой церкви, особенно церкви в ее протестантском варианте, освобожденном от стратификации по римско-католическому образцу. Чтобы это могло осуществиться в масштабах крупных секулярных обществ, требовался иной способ и уровень политической интеграции, далеко превосходящий все те, что имели место в периоды Средневековья и Ренессанса. Реформации было суждено сыграть центральную роль в легитимизации некоторых наиболее важных новых территориальных монархий, в самом начале — немецких княжеств, с которыми Лютер вступал в союзы<sup>58</sup>. Эти союзы были, вероятно, не только необходимы для выживания самого движения, но и породили особый тип церковно-государственной организации, в которой смогли получить дальнейшее развитие некоторые существенные ингредиенты современного общества. В Англию Реформация пришла несколько иным способом, когда Генрих VIII обратился в протестантство и распахнул двери коренным преобразованиям в церкви и в ее отношениях с мирским обществом.

Там, где образовались протестантские *государственные церкви*, везде (кроме Англии) наблюдалась тенденция религиозного и политического консерватизма, особенно в лютеранстве, открыто вступившем в союзы с территориальными монархическими режимами. Кальвинистская ветвь была гораздо более заметно вовлеченной в широкие движения, ставящие на первый план независимость религиозных групп от политической власти<sup>59</sup>, что особенно явно проявилось в Соединенных Штатах. Эволюция американского протестантизма сделала и религиозно, и политически приемлемыми первые шаги на пути отделения церкви от государства.

---

<sup>58</sup> Elton G.R. Reformation Europe. Cleveland: Meridian, 1965.

<sup>59</sup> Важные исключения см.: Lobser J.J. Calvinism, equality, and inclusion//Max Weber on charisma/Ed. by S.N. Eisenstadt. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968.

## **ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ КОМПОНЕНТОВ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ**

---

Мы предпочли датировать зарождение системы современных обществ не XVIII веком, с его эволюцией в сторону «демократии» и индустриализации, а XVII веком, с его изменениями в устройстве социетального сообщества и в особенности в отношении религии к легитимизации общества.

После того как Реформация сотрясла религиозное единство западного христианского мира, появилось относительно устойчивое разделение примерно по оси север—юг. Вся Европа к югу от Альп осталась римско-католической; и римско-католический «полуостров» с Францией как его наиболее важной частью вторгся в Северную Европу. Протестантизм в Швейцарии оказался защищенным и гарантированным особым характером ее независимости. Хотя в начале XVII в. Вена была преимущественно протестантской, Габсбурги сумели «рекатолитизировать» Австрию, чему способствовала турецкая оккупация Венгрии, где были сильными позиции протестантизма.

По мере усиления религиозной борьбы происходила консолидация «южного пояса» политических образований. В XVI в. существовал союз двух наиболее важных государств, Австрии и Испании, под личным правлением императора из династии Габсбургов Карла V. «Середина» этой империи была под покровительством Королевства обеих Сицилий, непосредственно граничившего с Папской областью. Присутствие в Италии папства и проникновение в этот регион власти Габсбургов делали невозможным сколько-нибудь продолжительное и действительно независимое существование здесь городов-государств.

Контрреформация навязала особо тесное единение церкви и государства, наиболее ярко проявившееся в инквизиции. В противоположность «либеральным» тенденциям в позднесредневековом и ренессансном католицизме, контрреформаторская церковь сде-



лала упор на жесткую ортодоксию и авторитарную организацию. Союз гражданской власти с церковью, направленный на насильственное поддержание религиозного конформизма, способствовал расширению и консолидации власти центрального правительства. Насилие это предпринималось во имя Священной Римской империи, с ее особой религиозной легитимностью и божественно ниспосланным императором<sup>1</sup>. К этому времени политическая структура империи стала гораздо более интегрированной, чем в Средние века.

Тем не менее империя была уязвимой в том отношении, что в ее сердцевине находилась слабоорганизованная «германская нация»: население Австрии к тому времени было лишь частично германским, а корону в Венгрии и Богемии Габсбурги обрели через личную унию. Вестфальский договор, закончивший беспощадную Тридцатилетнюю войну, не только сделал независимыми от империи Голландию и Швейцарию, но и провел разграничительные религиозные линии *внутри* оставшихся в составе империи областей; многие германские князья выбрали для своих владений протестантизм, следуя формуле *cuius regio, eius religio*. В гораздо большей степени, чем отпадение от Рима Англии Генриха VIII, этот выбор подрывал легитимность прежней секулярной структуры христианского мира, поскольку империя прежде мыслилась как «мирская рука» римско-католической *системы*, обладающей единством. Договор представлял собой вынужденный компромисс, альтернативой которому могло быть лишь бесконечное продолжение крайне разрушительной войны. Как бы то ни было, он похоронил любые реалистичные надежды на восстановление римско-католической европейской системы<sup>2</sup>. В течение более чем трех последующих столетий области, наиболее тесно связанные с контрреформацией, оставались очагами самого упорного сопротивления многим процессам модернизации, цитаделью монархизма, аристократии и полубюрократических государств старого типа.

Хотя протестанты мечтали о том, чтобы возобладать во всем западном христианском мире, они скоро раскололись на различные ветви и никогда не смогли создать концепцию единства наподобие той, что была в средневековом римском католицизме<sup>3</sup>. Эта фрагментация способствовала развитию независимых территориальных монархий, имеющих в основе неустойчивую интеграцию

---

<sup>1</sup> Bryce J. The Holy Roman Empire. L.: Macmillan, 1904.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Troeltsch E. The social teachings of the Christian Churches. Vol. 2. N.Y.: Harper, 1960.

абсолютистских политических режимов и «национальных церквей»<sup>4</sup>. Однако в этой ситуации содержались и зародыши *внутреннего* религиозного плюрализма, который и охватил стремительно Англию и Голландию.

Исход борьбы между Реформацией и контрреформацией представлял собой двойной шаг в направлении плюрализации и дифференциации. Англо-голландский фланг оказался впереди, стал предвестником будущего. Развитие внутри империи выдвинуло на первый план проблему интеграции, частично *снимающей* жесткое разделение на протестантов и римских католиков. Многие истории современной Европы видят здесь лишь зашедший в тупик конфликт. Однако на римских католиков в протестантских государствах стала распространяться религиозная терпимость, и то же самое происходило в католических государствах по отношению к протестантам, хотя основополагающие принципы при этом в жертву не приносились.

Религиозная плюрализация была частью процесса дифференциации друг от друга культурной и социальной систем, в результате чего уменьшалась жесткость и углубленность их взаимопроникновения. Религиозная *легитимизация* секулярного общества сохранялась, но без того, чтобы государственная власть была обязана прямо осуществлять или силой навязывать религиозные цели.

Развитие секулярной культуры современного типа, с ее высоким уровнем дифференциации от общества в целом, имело важное значение для продолжающегося взаимопроникновения религии и общества. Центр этого развития в XVII в. сместился на север — в Англию и Голландию, но также во Францию и некоторые земли Германии. *Относительный* культурный упадок в сердце контрреформации стал очевидным после Г. Галилея. Важное культурное место Франции указывало на двусмысленный характер ее католицизма. И все-таки политически «реакционные» державы могли быть открыты секулярной культуре, как это было в Пруссии при Фридрихе Великом. В целом же на протяжении этого периода протестантизм был более созвучен секулярной культуре, чем римский католицизм.

Появление «суверенных» территориальных государств разделило Священную Римскую империю. Первыми в качестве таковых успешно утвердились Франция и Англия, которые во все времена представляли собой в лучшем случае лишь номинальные части империи, а затем последовало образование Испании, географи-

---

<sup>4</sup> Elton G.R. Reformation Europe, 1517–1559. Cleveland: Meridian. 1963.

чески представлявшей ее окраину. Потом на границе «германского» ареала появились Пруссия и Австрия, в результате чего центр тяжести империи сместился на восток. В областях, составлявших центр старой империи, множились, в значительной мере благодаря присоединению князей к Реформации, территориальные княжества<sup>5</sup>.

Такое развитие событий указывало все-таки на наличие у европейской системы определенного уровня взаимосвязанности, ибо все четыре ведущих политико-территориальных государства были пограничными элементами системы. И северо-западный ее треугольник, и Пиренейский полуостров были обращены к океану и участвовали в великой морской экспансии Европы. Полуостров был к тому же частично завоеван маврами, и эта оккупация, длившаяся почти до конца XV в., послужила питательной средой для воинствующего авторитаризма, присущего испанского католицизму<sup>6</sup>.

«Гравитация» империи на восток была связана со сложными условиями в тамошнем приграничье. Рубежи между германскими и славянскими народами были неустойчивы в течение столетий, и положение осложнилось еще до Реформации из-за противоречий между римско-католической и православной ветвями христианства. Венгрия, Богемия и Польша по этническому составу были не германскими территориями, но приняли католичество. Великой православной державой, особенно после падения Византии, стала Россия, остававшаяся на периферии западной системы. Германский порыв организовать, опекать, а при случае и подчинить себе западных славян реализовался в образовании Габсбургами совместно с Венгрией и Богемией неустойчивого многонационального (или ненационального) государства. Дальнейшее включение негерманских народов приграничья было осложнено турецкой экспансией; до конца XVII в. Османская империя оставалась здесь главной угрозой. Австрия же, таким образом, осуществляла защиту всей христианской Европы<sup>7</sup>.

Эти события на рубежах европейской системы «размыли» ее центр, особенно в раздробленной, «мелко государственной» (*Klein-staaterei*) Германии. Здесь не смогли развиваться крупные территориальные единицы, и хотя некоторые области, такие, как Саксония и Бавария, приблизились к такому статусу, многочисленные

---

<sup>5</sup> *Barraclough G.* The origins of modern Germany. N.Y.: Capricorn, 1963.

<sup>6</sup> *Castro A.* The structure of Spanish history. Princeton: Princeton Univ. Press, 1954.

<sup>7</sup> *Halecki O.* The limits and divisions of European history. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press, 1962.

другие «государства» оставались поистине крошечными. Однако эти княжества, как правило, поглощали вольные города империи. Независимость городской буржуазии была подорвана монархией, аристократией и чиновничеством, чему способствовали принесенные войнами дезорганизация и опустошение. Эта часть Европы, таким образом, отстала от северо-запада в своем экономическом развитии; здесь образовался вакуум власти, притягивающий властные амбиции более сильных держав<sup>8</sup>.

Мы намеренно всюду употребляли термин «территориальное», а не «национальное» государство. Только в Англии, Франции и, может быть, в Скандинавии наблюдалось приблизительное совпадение этнического сообщества и государственной организации. В Испании разношерстное местное население постепенно выработало общий язык, по крайней мере в среде высших классов. Пруссия стала более или менее чисто германской отчасти через германизацию крупных славянских этносов. Австрия была явно многоэтнической, включала многочисленные германские, славянские и венгерские группы. В Швейцарии сложилась особая, ограниченная форма многоэтнической политической интеграции и религиозного плюрализма. Мелкие германские государства поделили этническую «германскую нацию» на множество политических единиц, в результате чего Германия оказалась даже более расчлененной, чем Италия.

За исключением северо-запада, повсюду отсутствие совпадения между этническим составом и территориальной организацией мешало становлению либерализующихся обществ, опирающихся на независимые и сплоченные социетальные сообщества. Основные территориальные единицы либо были лишены этнического единства, необходимого для появления таких сообществ, либо включали в себя меньшинства из представителей более крупных этносов, от лица которых не могло выступать правительство этих территориальных образований. В такой зыбкой ситуации для властей особенно важной становилась какая-то форма фундаментальной религиозной легитимизации. Неуверенность их влекла за собой авторитаризм или «абсолютизм» и страх перед уступками в сторону народного участия в управлении. Народ этих государств состоял не из «граждан», а из «подданных».

Религиозный распад европейского общества и появление суверенных государств породили жесточайший кризис, достигший своей кульминации в XVII в. Вместо старой империи не появилось ни-

---

<sup>8</sup> Bryce J. Op. cit.; Barraclough G. Op. cit.

какого функционального эквивалента, международная система лишилась адекватного нормативного регулирования отношений между державами, и поэтому проблемы религиозной легитимизации стали очень серьезными<sup>9</sup>. Эта ситуация способствовала почти хроническому состоянию войны и препятствовала конструктивному употреблению политической власти, которое было бы возможно в случае более сплоченной коллективной системы.

## СЕВЕРО-ЗАПАД

Англия, Франция и Голландия, каждая своим путем, вышли на лидирующие позиции в системе держав XVII в. Независимость голландцев означала крупное поражение Испании. Пока австрийцы глубоко увязали в своем противостоянии туркам, гегемония на континенте перешла к французам. Англия хотя еще по-прежнему не играла заглавной роли на континентальной сцене, но на море превратилась за это столетие в ведущую морскую державу.

Эти три страны возглавили процесс модернизации на его ранней стадии. Различия в формах организации их социетальных обществ были огромные, но все они содержали значительные новации, ведущие к объединению в национальные государства. В особенности это относится к английской концепции национальной идентичности, послужившей основой для более четкой дифференциации социетального сообщества<sup>10</sup>. Эта дифференциация происходила по трем линиям — религиозной, политической и экономической — и во всех случаях предполагала нормативное обоснование. Решающую роль, таким образом, играли правовые новации, особенно те, которые способствовали раскрытию не бюрократического, а ассоциативного потенциала в структуре национального общества. Они были тесно связаны с возникновением парламентаризма и более развитых рыночных экономик.

### Религия и социетальное сообщество

Как было отмечено, Реформация лишила «видимую» церковь ее сакрального характера. Шаг за шагом по формуле *cuius regio, eius religio* возобладали тенденции установления над церковью более жесткого секулярного контроля, поскольку не существовало

---

<sup>9</sup> Bryce J. Op. cit.: Troeltsch E. Op. cit.

<sup>10</sup> См.: Kohn H. The idea of nationalism. N.Y.: Macmillan. 1961.

международной протестантской церкви, способной укрепить независимость местных церквей. Протестантские церкви становились обыкновенно государственными или «национальными», и политическая власть навязывала им конформное поведение.

Вторая, «пуританская» фаза Реформации, связанная с кальвинизмом в Англии и Голландии, привела к возникновению религиозного плюрализма внутри протестантизма и резкому контрасту в религиозной жизни этих кальвинистских стран с Пруссией, несколькими другими немецкими протестантскими княжествами и Скандинавией.

Совершившаяся в XVII в. в Англии дифференциация религиозной системы от социетального сообщества не могла бы произойти без самого серьезного участия в этом процессе политических сил. Долгий парламент, гражданская война, провозглашение республики, Реставрация и революция 1688 г. — все эти события были не просто политическими, но и определяли религиозное будущее Англии и еще многое другое. Религиозное развитие в Англии включало не только обращение монарха в протестантизм, но и расширение установившихся еще во времена Елизаветы границ религиозной терпимости<sup>11</sup>. Твердо установилась *политическая* легитимность религиозных диссидентов, и это предотвратило возврат к устанавливаемой властью и обладающей монополией на религиозную легитимность церкви. И далее, через диссидентство англиканская церковь оказалась открытой влияниям религиозных «левых», которые в условиях чистой системы «государственной церкви» были бы просто подавлены. Теперь же «евангелическое» крыло англиканской церкви получило возможность сыграть наиважнейшую роль в дальнейшем развитии Англии.

Интересно, что такому исходу способствовало продолжительное и суровое преследование в Англии католицизма<sup>12</sup>. Появление терпимости к католицизму в XVIII в. вполне могло бы повести ко вторичной реставрации династии Стюартов и, возможно, к серьезной попытке восстановления католицизма в Англии. Солидарность протестантского в своей основе социетального сообщества и относительная свобода от религиозных распри содействовали тому, что в стране реально произошло расширение избирательных прав. Если бы английские «правые» оказались перед необходимостью защищать не только монархию и аристократию, но и «подлинную церковь»,

---

<sup>11</sup> Jordan W.K. The development of religious toleration in England. 3 vols. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1932—1940.

<sup>12</sup> Закон об эмансипации католиков был принят только в 1830 г.

борьба могла бы быть более ожесточенной, чем была, особенно под влиянием Американской и Французской революций<sup>13</sup>.

Голландия XVII в. ушла в смысле веротерпимости значительно дальше Англии. Однако в длительной перспективе ее религиозное устройство оказалось менее устойчивым. В XIX в. в результате католического возрождения религиозные группы примерно одинаковой численности обрели «колonoобразную» структуру, и социетальное сообщество оказалось глубоко расколотым по религиозному признаку<sup>14</sup>. В Англии же, несмотря на существование теперь довольно многочисленного католического меньшинства, этой проблемы удалось в основном избежать.

Франция не смогла «разрешить» религиозную проблему в еще большей мере, чем Голландия. Исходом суровой борьбы периода Реформации здесь была победа католицизма и подавление протестантского движения. С тех пор протестантизм во Франции охватывал лишь небольшие, хотя и важные меньшинства. Слабость протестантизма, однако, не обеспечила уверенного положения и католической церкви. *Светский* антиклерикализм, основанный на идеях Просвещения XVIII в., стал главной политической темой революции<sup>15</sup>. Этот конфликт сохраняется во Франции до сегодняшних дней.

Французская модель сильно повлияла на характер религиозной легитимизации в других обществах нашего времени, особенно католических (включая Латинскую Америку), но и в Германии и Восточной Европе тоже. Кроме того, она внесла свой вклад в антирелигиозность социалистических движений, в первую очередь коммунистического.

В этих европейских моделях представлен определенный тип дифференциации социетального сообщества и религиозной системы, который в некоторых аспектах содержал альтернативные варианты по сравнению с английским образцом XVII в., достигшим наиболее зрелой формы в Соединенных Штатах. Англосаксонская модель зарождалась на основе некоторых западных религиозных традиций, вырабатывая в то же время такие виды социетальной солидарности, которые преодолевали исторически сложившиеся религиозные различия. В самом деле, здесь неуклонно расширял-

---

<sup>13</sup> См.: *Palmer R.R.* The age of the democratic revolution. 2 vols. Princeton: Princeton Univ. Press, 1959 and 1964.

<sup>14</sup> *Lipset S.M., Rokkan S.* Introduction//Cleavage structures, party systems and voter Alignment/Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. N.Y.: Free Press, 1968.

<sup>15</sup> См.: *Palmer R.R.* Op. cit.

ся диапазон религиозных приверженностей и солидарностей, совместимых с членством в социетальном сообществе. Что же касается светского антиклерикализма, особенно в его коммунистическом варианте, то он сохраняет близость формуле *cuius regio, eius religio*, подразумевающей, что «диссиденты» должны исключаться из социетального сообщества.

## Политика и социетальное сообщество

Социетальное сообщество, будучи главной зоной интеграции нормативной и коллективной структур, в которой сосредоточиваются ключевые ролевые обязательства и лояльности индивидов, всегда видело опору в первую очередь в религиозной легитимизации и в единстве в рамках четко структурированной политической власти. «Абсолютизм» представлял собой способ решения политических аспектов проблем солидарности, возникших в ходе событий послереформационного периода<sup>16</sup>. Здесь требовалось, однако, чтобы государство (обычно монархия) играло роль центрального символа, собирающего воедино лояльности подданных; значение этого символа усиливалось при наличии религиозного и этнического единства. В самом деле, религиозная и этническая принадлежности были теми основами, на которых в ранний период модернизации европейское общество поделилось на территориально-политические единицы<sup>17</sup>, а общим результатом было то, что государство и социетальное сообщество остались относительно недифференцированными. И все же в некоторых западных обществах при определенных условиях проявилась тенденция к такой дифференциации. Довольно рано и весьма решительно сделала шаг в этом направлении Англия, в отличие от Франции — «абсолютистского» государства, в котором правительство отождествлялось с социетальным сообществом.

В этническом отношении в Англии, как и во Франции, существовала проблема «кельтской окраины», но только в Ирландии серьезно осложняющим фактором стала религия. Ирландия, где в массовом порядке принадлежность людей к кельтской этнической группе совпадала с католическим вероисповеданием и с классовой и географической отдаленностью от Англии, стала той областью, где интеграция провалилась. Именно в критический период XVII в. Кромвель вел ожесточенные войны с ирланд-

---

<sup>16</sup> См.: *Beloff M.* The age of absolutism, 1660—1815. N.Y.: Harper, 1962.

<sup>17</sup> *Kohn H.* Op. cit.



цами, но католики-ирландцы так никогда и не интегрировались в Соединенное Королевство как часть единого социального сообщества. Уэльс, тоже преимущественно кельтский по этническому составу, имел менее благоприятные условия для сохранения своей независимости. Здесь также утвердился протестантизм, хотя и не столь категоричный, как в большей части Англии, в результате чего в основном снималась проблема религиозного раскола. У шотландцев выработалось несомненное этническое самосознание, но в религиозном плане они шарахались между католицизмом и более радикальным, чем собственно английский, протестантизмом. Шотландские Стюарты стали средоточием католической угрозы английским религиозным устоям. Но после того как утвердилась протестантская альтернатива, шотландское пресвитерианство стало важным элементом в плюралистической структуре британских протестантских деноминаций. Поэтому, несмотря на Ирландию, Британия достигла относительного этнического единства, что позволило ей допустить религиозный плюрализм в границах протестантизма<sup>18</sup>.

В рамках социального сообщества региональные и этнические различия пересекаются с «вертикальными» осями дифференциации по признакам власти, престижа, богатства. Точкой пересечения является географическое месторасположение центра социальной организации. В случае Британии — это Лондон.

Сложно устроенное общество нуждается в солидной стратификации, которая приобретает особую важность во времена значительных перемен. Инновационные процессы во многом зависят от того, с *какого рода* стратификацией мы имеем дело, и потому естественно ожидать, что в XVII в. можно обнаружить важные перемены в этой области. Действительно, трансформацию претерпели и наследница феодальных порядков — земельная аристократия, и городские патрициаты; менялись их отношения между собой и с другими группами населения.

Земельная аристократия была самым важным высшим сословием, своим престижем оказавшим поддержку модернизирующимся территориальным монархиям в раннюю пору их становления<sup>19</sup>. Монарх обычно был не только главой государства, но и «первым джентльменом» своего общества, вершиной сложно структурированной иерархии социального престижа. Аристократию можно представить в виде бесшовной сети родовых связей, «коллектива

---

<sup>18</sup> Kohn H. Op. cit.

<sup>19</sup> См.: Palmer R.R. Op. cit; Beloff M. Op. cit.

свойственников», образованного брачными связями и правилами, ограничивающими круг этих связей<sup>20</sup>.

Аристократические роды, как правило, были тесно связаны с местными структурами интересов, особенно с теми, что касались земли. Исторически, однако, земельная собственность имела статус некоего диффузного превосходства, предполагавшего не только владение землей, но и определенную степень политического, контроля и социального превосходства.

Появление ранних государств современного типа ограничило политическую власть существовавших на партикуляристской основе аристократических подгрупп, в особенности их автономную территориальную и военную юрисдикцию. Взамен они получили престижные позиции в структуре поддержки монархии<sup>21</sup>. Экономически эти позиции подкреплялись главным образом земельными владениями. В преимущественно сельских областях поэтому экономические элементы не выделялись резко из достаточно диффузной социальной структуры, вершиной которой была местная аристократия<sup>22</sup>.

В условиях феодализма вся аристократия Европы представляла собой в принципе единую «бесшовную сеть». Это единство, однако, оказалось несовместимым с разделением на национальные государства. Религиозные различия, порожденные Реформацией, создали препятствия для междовых браков и способствовали тому, что поддерживающая князя аристократия оставалась в пределах *eius religio*. Но проблема от этого не исчезла. В Англии со времени Тюдоров «иностранцы» династии были скорее правилом, чем исключением: шотландские Стюарты, голландский Оранский дом и немецкая Ганноверская династия. Если бы подобный космополитизм распространялся на всю аристократию, этнонациональная консолидация могла бы сильно пострадать. Важно поэтому, что два ведущих национальных государства, Англия и Франция, настолько разошлись между собой по линии религии и языка, что их аристократии стали коренным образом отличаться друг от друга и от других аристократий.

Наряду с «национализацией» аристократии одним из главных факторов, позволивших королевским правительствам установить свою власть над национальными социетальными сообществами,

---

<sup>20</sup> Концепция «коллектива свойственников» возникла в ходе обсуждений предмета с Ч.Д. Акерманом.

<sup>21</sup> *Palmer R.R. Op. cit.; Beloff M. Op. cit.*

<sup>22</sup> См.: *Moore B. (jr.) Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Boston: Beacon, 1966.*

была интеграция верховной политической власти с аристократией<sup>23</sup>. Возможность такой интеграции, в свою очередь, в огромной степени зависела от военной функции аристократий.

Процесс дифференциации государства и социетального сообщества также фокусировался на отношениях между монархией и аристократией, что выражалось в существовавшем между ними глубоком конфликте интересов. Политическая власть аристократии, институционализированная в *особом* аристократическом статусе, была сильно урезана. Но в целом властные позиции аристократии, как показывают примеры Англии и Франции, были в разных местах различными.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что во Франции в результате происшедшей дифференциации аристократии остался только ее социальный престиж. В общем и целом она лишилась не только политической власти, но и функции оказания на определенных условиях поддержки центральным властям и сколько-нибудь значительного влияния на государственную политику<sup>24</sup>. Знаком такой расстановки сил стал блестящий двор Версаля. Сосредоточение аристократии при дворе ослабило ее связи с местными сообществами, лишило ее власти на местах, что, в свою очередь, облегчило центральному правительству вмешательство в местные дела<sup>25</sup>.

Эти характеристики самым прямым образом относятся к старой, более «феодальной» аристократии — *noblesse d'épée* («дворянству шпаги»). Положение же новой аристократии, имеющей недавнее буржуазное происхождение и опирающейся на юридическое образование, способствовало интеграции аристократии и короны. Корпус юристов был тесно связан с монархией через систему государственных должностей, сочетавших в себе административные и юридические функции. Как судебные чиновники, французские юристы заняли место между монархией, с одной стороны, и старой аристократией и буржуазией — с другой. Через эти промежуточные круги, в частности посредством продажи должностей, осуществлялась довольно интенсивная вертикальная мобильность. В то же время те, кого эта мобильность поднимала наверх, старались обеспечить себе благородный статус и наследственно закрепить свои должности<sup>26</sup>.

---

<sup>23</sup> *Beloff M.* Op. cit.; *Wolf J.B.* The emergence of the great powers. N.Y.: Harper, 1962.

<sup>24</sup> *Ford F.L.* Robe and sword: The regrouping of the French aristocracy after Louis XIV. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1953.

<sup>25</sup> *Ibid.*

<sup>26</sup> *Palmer R.R.* Op. cit.

Экономически *noblesse de robe* («дворянство мантии») зависело прежде всего от короны как в получении различных, связанных с должностью привилегий, так и, в случае владения землей, в принуждении крестьян к выполнению феодальных повинностей. У него не было независимой экономической базы, сравнимой с той, которой обладало английское дворянство.

Церковь была плотно интегрирована в эту систему. В большей степени, чем в Англии, высшие церковные должности раздавались членам аристократических семей. К тому же здесь не было чего-то подобного английскому протестантскому нонконформизму. И это отсутствие способствовало тому, что революционная оппозиция старому режиму стала носить воинствующе антиклерикальный характер. *Noblesse* имело свое коллегиальное устройство в форме *parlements*. Однако, в противоположность британской парламентской системе, французские *parlements* были в значительно большей мере судебными и административными, чем законодательными, органами. К тому же не существовало центрального *parlement*, а была только целая сеть региональных *parlements*. *Parlement* Парижа был лишь первым среди равных и не имел такого исключительного положения, каким пользовался вестминстерский парламент в Англии.

Похоже, что лишение французской аристократии политической власти повлекло за собой ту амбивалентную роль, которую этот слой играл в XVIII в. С одной стороны, в ней развилась «снобистская» исключительность по отношению ко всем буржуазным элементам, многие из которых превосходили аристократов по своему политическому положению, богатству и воспитанию<sup>27</sup>. С другой стороны, она сыграла видную роль в поддержке модернизирующих культурных движений, особенно «философских», и таким образом внесла решающий вклад во французское Просвещение<sup>28</sup>. И то и другое сделало проблематичным положение французской аристократии как легитимной элиты социетального сообщества. Зависимость аристократии в том, что касалось ее социального престижа, от монархии сочеталась с отрывом от остального социетального сообщества (имеется в виду ее отстраненность от участия в управлении, а также ее представления о культурной «заурядности» простых людей). Вся структура монархии, две разновидности *noblesses* и церковь противопоставляли себя буржуазии и всем ос-

---

<sup>27</sup> Barber E. *The bourgeoisie in eighteenth century France*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1955.

<sup>28</sup> Palmer R.R. *Op. cit.*

тальным сословиям<sup>29</sup>, способствуя таким образом расколу французского общества, завершившемуся революционным взрывом.

Англия развивалась иным образом, так как начинала свое движение с симбиоза государства и аристократии. Монархия здесь, вместо того чтобы быть «укротителем» аристократии, стала ее «порождением». Исполнительная власть и социетальное сообщество прошли через процесс дифференциации, центром которого стало появление «системы поддержки»<sup>30</sup>, связавшей власть и социетальное сообщество. Ядром этой системы был парламент. В отличие от Франции, английский парламент к 1688 г. стоял на позициях «реальной власти».

Эта власть, однако, не означала «правления аристократии», то есть решения проблемы власти, прямо противоположного французскому. Во-первых, национальная аристократия была слишком разрозненной, чтобы на деле «править», и это была одна из причин, почему и Стюарты, и Кромвель настаивали на сильной исполнительной власти. В конце концов образовалась система управления, состоявшая из кабинета министров и возвышавшегося над ним конституционного монарха, который «царствует», но не правит. Во-вторых, следует помнить об особом характере британской аристократии. В Англии принцип первородства, подкрепленный майоратным наследованием, вел к тому, что поместья в течение поколений оставались нетронутыми, а между титулованной знатью и ее нетитулованной родней — «джентри», — которая могла включать и близких, и отдаленных родственников, образовалась непрерывная цепь социальных градаций. Эта система способствовала как вертикальной мобильности, то есть возможности проникновения в ряды аристократии, так и бесконечному распространению статуса «джентльмена» вниз, за пределы титулованной знати.

Статус джентри был формализован в виде палаты общин. Поскольку джентльменов было слишком много для того, чтобы палата общин могла быть просто общим собранием всего сословия, как это было с палатой лордов (в которую входили все пэры), она стала *представительным* органом<sup>31</sup>. По мере того как она стала играть все более важную роль по сравнению с палатой лордов, более

---

<sup>29</sup> См.: *Moore B.* Op. cit.; *Ford F.L.* Op. cit.

<sup>30</sup> *Parsons T.* The political aspects of social structure and process//Varieties of political theory/Ed. by D. Easton. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966. Переиздано в: *Politics and social structure.* N.Y.: Free Press, 1969. Ch. 13.

<sup>31</sup> *McIlwain C.H.* The High Court of Parliament. New Haven: Yale Univ. Press, 1910; *Maitland F.M.* The constitutional history of England. Cambridge Univ. Press, 1908.

важным становилось и различие между теми, кто реально осуществлял политическую власть, и их избирателями. Джентри как целое стало избирательной базой, а не составляющей частью управления.

В этот ранний период аристократия, как главный элемент социального сообщества, представляла собой и самый активный компонент системы поддержки правительства, оставаясь одновременно относительно независимой от государственной организации. Далее, представительное участие в управлении способствовало постепенному образованию партийной системы, при которой различные общественные элементы могли влиять на политику и выбор в исполнительную власть активных лидеров, в какой-то мере ответственных перед избирателями<sup>32</sup>.

Другой тип наследуемых привилегий принадлежал высшему городскому классу, основой которого была в первую очередь торговля. Поскольку господствующим в экономике того времени по-прежнему был сельскохозяйственный сектор, в ходе территориальной консолидации под монархическим правлением предпочтение отдавалось интересам землевладельцев, а верхние слои городов пользовались меньшим благорасположением. Именно поэтому районы с высокоразвитым городским хозяйством долго оставались не инкорпорированными в территориальные монархии, но отстаивали модель «вольного города».

Исключением была Голландия. В борьбе за независимость от Испании она превратилась в федерацию городских общин, возглавляемых купеческими группами. Однако она испытывала значительные трудности в интеграции своих сельских районов и в смысле сплоченности уступала своим соперникам. И все же в том, что ей удалось избежать социального господства земельной аристократии, она создала важный прецедент для будущего развития.

Срединная позиция Англии благоприятствовала нахождению синтеза. Представительный характер палаты общин обеспечил механизм для вовлечения в государственное управление важных буржуазных групп, и граница между ними и нетитулованным дворянством не стала такой жесткой, как во Франции<sup>33</sup>. Этой гибкости, в свою очередь, способствовала относительная плюралистичность политической системы, включавшей в себя корону, лондон-

---

<sup>32</sup> См.: *Namier L.* England in the age of the American revolution. L.: Macmillan, 1961.

<sup>33</sup> См.: *Foord A.I.* His Majesty's opposition 1714–1830. Oxford: Oxford Univ. Press, 1964.

ский Сити и аристократию, которая сама была разделена на титулованное дворянство и джентри.

Эта плюралистичность обеспечила сравнительную легкость включения в социетальное сообщество других новообразующихся элементов. Действительно, избирательное право постепенно расширялось сначала за счет представительства городов, а в XIX в. и за счет широких масс. К концу XVII в. Англия была относительно прочно интегрированным национальным государством с довольно плюралистической системой поддержки, что содействовало дальнейшей демократизации — демократизации постепенной, осуществляемой шаг за шагом, а не путем внезапных революционных перемен.

Эти политические условия основательно подкреплялись религиозным устройством Англии и развитием английского обычного права. После эпохи Ренессанса с его тяготением к римским традициям в правовых системах почти всех стран Европы были институционализированы универсалистские правовые принципы и широко распространенное представление о «власти закона» в противовес произволу власти. И все же в английском обычном праве были три взаимосвязанных между собой отличия<sup>34</sup>. Во-первых, это независимость судебной власти от короны, впервые проявившаяся в тяжбе верховного судьи Коука против Якова I, которая в конечном счете окончилась победой судьи<sup>35</sup>. Во-вторых, это узкокорпоративный характер юридической профессии, организованной вокруг так называемых судебных инн (четыре школ барристеров в Лондоне). В-третьих, это упор на юридическое оформление частных прав и интересов, иногда направленное против привилегий государства, иногда находящееся за пределами обычной сферы деятельности государственных ведомств<sup>36</sup>. У этого процесса было два аспекта. Один относился к «правам англичанина», которые включали судебное решение о законности ареста, право на справедливое судебное разбирательство с участием защиты, гарантированность жилища от произвольных обысков и далее вплоть до свободы слова, собраний и т.п. Другой аспект касался собственности и контракта — фундаментальных основ индустриальной революции. Выступление Коука против установленных королевской хартией «монопольей» имело

---

<sup>34</sup> См.: *Maitland F.W.* Op. cit.; *Maitland F.W.* English law and the Renaissance. Cambridge (Eng.): Cambridge Univ. Press, 1901.

<sup>35</sup> *Maitland F.W.* English law and the Renaissance; *McIlwain C.H.* Op. cit.; *Pound R.* The spirit of the common law. Boston: Beacon, 1963.

<sup>36</sup> *Pound R.* The spirit of the common law.

огромное значение. Это было правовое предвосхищение борьбы А. Смита с меркантилизмом.

Английские новации в области права существенным образом способствовали отделению государства от социетального сообщества. Закон переставал быть орудием государства и становился посредующей «прокладкой» между государством и обществом. Он должен был обслуживать государственные нужды, но одновременно был достаточно независимым, чтобы служить также и многообразным частным потребностям. Государство было тем самым поставлено в двойственную позицию, когда оно должно было определять и проводить в жизнь легально утвержденные ограничения своей собственной власти.

За юридической профессией утвердился промежуточный статус. Стало правилом, что судьи, даже те, что осуществляли судебные прерогативы палаты лордов, должны были быть профессиональными юристами. Судьи и адвокаты, составлявшие ядро юридической профессии, обслуживали главным образом секретных клиентов, среди которых могли быть и государственные учреждения.

Представители юридической профессии, включая судей, стали главными охранителями прав обычных людей, особенно «гражданских» прав<sup>37</sup> и прав на собственность, договор и иск<sup>38</sup>. Независимость суда и адвокатуры, по-видимому, сказалась на появлении второй основной ветви английской юридической профессии — института поверенных, лишенных привилегии выступления в суде, но служивших юридическими консультантами всевозможных организаций и групп. Через поверенных правовая система проникла в плюралистическую структуру групп по интересам, через судей и адвокатуру она поддерживала деликатные отношения с государством. Судебные иннсы во многом напоминали средневековые гильдии. Они сопротивлялись «упрощению» закона, происходившему на континенте, формализации университетского образования, назначению юристов из наиболее влиятельных групп на должности государственных служащих и системе экзаменов, гарантирующих компетентность.

Хотя судьи были государственными служащими, они были также и юристами, подготовленными для профессиональной деятельности

---

<sup>37</sup> См.: *Marshall T.H.* Class, citizenship and social development. Garden City; N.Y.: Anchor, 1965.

<sup>38</sup> В терминологии Э. Дюркгейма эти перемены означали возобладание «рес-титутционного» права над «репрессивным» (см.: *Durkheim E.* The division of labor in society. L.: Macmillan, 1933. [Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1990.]).



вне государственных сфер и *ответственными* за соблюдение традиций обычного права. Барристеры и поверенные хотя и занимались частной практикой, обладали также и публичными прерогативами и несли ответственность. К тому же особый статус приобрела состязательная система судопроизводства. В большей степени, чем на континенте, судопроизводство совершалось между частными сторонами, каждая из которых была представлена адвокатом, перед лицом судьи, а часто и присяжными, и в соответствии с *процессуальными* правилами. Судье выпадала роль не столько решающей инстанции, сколько высшего арбитра. Важно также, что судьи сами формировали свод законов, принимая решения и создавая прецеденты в достаточной степени независимо от королевских указов и постановлений парламента.

Английская система оставляла границы законодательства полностью открытыми, допуская временный консенсус там, где еще не произошла полная «легализация» правовой нормы и ее утверждение правительственной властью. Поэтому в системе действовали не только и не столько решения, принятые на высшем политическом уровне, сколько отсылки к коллективной солидарности, моральным стандартам и практическому смыслу.

Континентальная правовая система отличалась от английской, несмотря на общность происхождения и некоторые общие черты. Новые континентальные монархии склонялись к римской правовой традиции с ее акцентом на «унитарную» власть государства<sup>39</sup>. По этой традиции гражданское право имеет обыкновение становиться орудием государства через вовлечение наиболее влиятельных групп юридически подготовленных людей в государственную службу, часто в качестве ее ядра<sup>40</sup>. Гражданская администрация, таким образом, отделялась от военной, которая в основном оставалась в руках аристократии. Континентальные правовые системы обычно более адекватно, чем английская, обеспечивали эффективность государственной машины<sup>41</sup>, однако английская система делала возможным дальнейшее продвижение процессов дифференциации и интеграции государства и социального сообщества.

---

<sup>39</sup> См.: *Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.

<sup>40</sup> *Ford F.L. Op. cit.*

<sup>41</sup> Этот аспект особенно подчеркивался М. Вебером (см.: *Max Weber on law in economy and society*/Ed. by M. Rheinstein. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1954.

В экономическом развитии Англии XVI–XVII вв. центральное место принадлежало процессу огораживания и его сложным последствиям. Самым важным был рост товарного сельского хозяйства, ориентированного на рынок, в противоположность почти натуральному хозяйству средневекового типа, при котором продажа произведенной продукции ограничивалась близлежащими поселениями<sup>42</sup>. Разрыв со старой системой произошел главным образом в результате развития широкомасштабной экспортной торговли шерстью с Италией и Фландрией с их текстильной промышленностью. Увеличение поголовья овец требовало сокращения числа держателей земельных участков, так как овцеводство нуждалось в меньшем, чем земледелие, числе рабочих рук, а традиционная для манориального хозяйства система неогороженных полей сдерживала его развитие.

Многие представители джентри и даже титулованной знати активно поддерживали эти перемены, либо сами становясь фермерами-товаропроизводителями, либо сдавая землю в аренду товаропроизводителям. Светские собственники земель, ранее принадлежавших церкви и особенно распущенным монастырям, были менее консервативны в ведении своих хозяйств, чем церковь. Многие представители джентри участвовали, непосредственно или через своих агентов, в несельскохозяйственных экономических предприятиях, особенно в различных коммерческих начинаниях. К концу XVII в. этот общий процесс еще ни в коей мере не завершился, но в сочетании с другими, уже рассмотренными факторами он привел к двум крупным следствиям.

Во-первых, уменьшилась доля крестьян, державших землю на условиях индивидуальной аренды или даже бывших собственниками земли. Вместо них появились сельскохозяйственные рабочие<sup>43</sup>, а избыточное сельское население стало покидать свои места проживания и постепенно превращаться в городской рабочий класс. Появились новые проблемы обнищания и бродяжничества<sup>44</sup> как реакции на потерю устойчивого места в

---

<sup>42</sup> Polanyi K. The great transformation. N.Y.: Beacon, 1957.

<sup>43</sup> Эта ситуация нашла интересное отражение в том, что классические экономисты, в частности Д. Рикардо, в своем анализе в качестве парадигматического образца использовали товарное сельское хозяйство. В связи с теорией заработной платы обычно обсуждался сельскохозяйственный рабочий, нанимаемый фермером-товаропроизводителем.

<sup>44</sup> Polanyi K. Op. cit.

жизни и связанные с этим страдания. С этого момента важную роль начинают играть «законы о бедных». «Крестьянский класс» оказался достаточно ослабленным, поэтому в Англии его борьба за свои права и интересы не имела столь заметного значения, как во Франции<sup>45</sup>.

Во-вторых, класс землевладельцев претерпевал «дефеодализацию». Его экономические позиции все в большей мере зависели не от принудительных феодальных обязательств крестьянства, а от успеха собственных сельскохозяйственных и иных предприятий на рынке. Это повысило производительность сельского хозяйства и обеспечило аристократии большую экономическую гибкость, позволив вбирать в себя все большее число представителей торговли, а затем и промышленности<sup>46</sup>. Такое ослабление барьеров вело к появлению общих интересов и частичному слиянию с преимущественно городскими высшими классами, но все это отчасти за счет крестьянства.

Ситуация во Франции была почти противоположной. Там аристократия экономически зависела от монархии<sup>47</sup>. Благодаря независимости французской церкви от Рима корона широко контролировала назначения на церковные посты и использовала это, наряду с военными назначениями и продажей должностей, для укрепления лояльности влиятельных аристократических групп. Плюс к этому аристократия зависела от налоговых льгот и государственного принуждения крестьян к выполнению их обязательств<sup>48</sup>. Традиции французского сельского хозяйства не вели, таким образом, к реорганизации производства в интересах повышения его продуктивности. Крестьянство оставалось в относительно неизменном состоянии, чреватом острым конфликтом с классом землевладельцев, который при старом режиме помог укрепиться *объединению* монархии, аристократии и церкви<sup>49</sup> и толкнул крестьянство на поддержку революции, хотя при определенных обстоятельствах, как в Вандее, оно могло перевернуться и на другую сторону<sup>50</sup>. К тому же во Франции в поддержке старого режима были мало заинтересованы городские слои. В Голландии аристократия была

---

<sup>45</sup> Moore B. Op. cit.

<sup>46</sup> Ibid.

<sup>47</sup> Ford F.L. Op. cit.; Moore B. Op. cit.

<sup>48</sup> Moore B. Op. cit.; Lefebvre G. The coming of the French revolution. N.Y.: Vintage, 1960.

<sup>49</sup> Palmer R.R. Op. cit.

<sup>50</sup> Moore B. Op. cit.; Tilly Ch. The Vendée. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1964.

намного слабее, но наблюдались серьезные конфликты интересов между торговыми городскими слоями и сельским обществом «глубинки»<sup>51</sup>.

Экспорт шерсти способствовал поддержанию достигнутого Англией уровня коммерческой активности. Он укрепил интересы городских торговых кругов, сосредоточенных в Лондоне, который был одновременно столицей, торгово-финансовым центром и крупным портом. «Раздаточная система»<sup>52</sup>, налаженная между купцами-суконщиками и деревенскими прядильщиками и ткачами, позволяла обойти ограничения, устанавливаемые городскими гильдиями. Местные торговцы «авансировали» деревенских ткачей пряжей, забирали готовую ткань и отсылали ее лондонским купцам на экспорт. Эта система считалась еще одним связующим звеном между землевладельцами-джентри и верхними городскими слоями на основе общего экономического интереса.

Порождаемая этими экономическими переменами дифференциация была сродни той, что происходила между государством и социетальным сообществом. Средневековая дифференциация между городом и деревней была лишь частично экономической. В основе ее лежало различие между первичным, или «добывающим», производством (в первую очередь сельскохозяйственным) и торговлей и обрабатывающим производством (преимущественно ремеслами), и это предполагало разделение труда, но распространяло экономическую и другие функции *на все местное территориальное сообщество целиком*. Деревня была его составляющей по производству сельскохозяйственной продукции, соседний город — составляющей по производству готовых изделий. Такие функции, как управление, были централизованы и не могли равномерно распределяться между всеми небольшими составляющими таких сообществ.

В Англии «сквайры» издавна сосредоточили в своих руках большую толику местной власти, а джентри поставляли «общественных» лидеров для местного сообщества. В результате использования труда арендаторов, однако, произошла дифференциация их функций — функции общественных и политических лидеров отделились от функций производителей, при этом земля выступала как фактор производства. Когда фермы превратились в специализированные экономические предприятия, организационные формы использования сельскохозяйственных рабочих и арендаторов в

---

<sup>51</sup> Palmer R.R. Op. cit.

<sup>52</sup> Ibid.

чем-то стали ближе к системе занятости современного типа, чем к наследственной крепостной зависимости, а критерием успеха предприятия стала его эффективность в операциях на рынке. Через рынок землевладельцы устанавливали связи с группами, находящимися за пределами их сельских сообществ, особенно с купцами и предпринимателями — «раздатчиками» шерсти. Распространявшиеся таким образом специфически рыночные отношения не совпадали с отношениями другого рода, например с отношениями принадлежности к местному сообществу. И хотя участников экономической системы можно было самым общим образом поделить по их интересам на «сельскохозяйственную», «купеческую» и «промышленную» группы, все труднее становилось идентифицировать эти интересы с местным сообществом в целом, а не с дифференцированными элементами внутри этих сообществ.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наш главный тезис заключался в том, что к концу XVII в. Англия стала самым высокодифференцированным обществом в европейской системе, продвинувшимся в этом направлении дальше, чем какое-либо из прежде существовавших обществ. Взяв социетальное сообщество как основную точку отсчета, мы рассмотрели, как произошла его дифференциация от религии, государства и экономики.

Сначала традиционное для Европы слияние религии и государства с социетальным сообществом было подорвано протестантским движением с его значительной толерантностью и вероисповедальным плюрализмом. Не только английское государство было обязано предоставить основные права религиозным диссидентам, но и в социетальном сообществе гражданство уже не связывалось с традиционным религиозным конформизмом. Это разделение влекло за собой и новый способ интеграции, и дальнейшую дифференциацию, поскольку допускалось, что социетальное сообщество не ограничивалось только единоверцами короля (*eius religio*), но включало в себя также и протестантских неконформистов.

Эти перемены были связаны также с двумя сторонами процесса повышения уровня генерализации ценностей, происходившего в системе сохранения и воспроизводства образца в английском обществе. Во-первых, основой ценностного согласия должна была стать «мораль» как нечто более общее, чем любая из вероисповедальных позиций. Реформация и раскол в протестантизме стали угрозой со-

лидарности социетального сообщества. В Англии, однако, принадлежность к конкретным конфессиям не требовала морального консенсуса на уровне общества в целом. Во-вторых, возникла общая приверженность ценности рационального постижения мира, отчасти из-за практической полезности такой установки, но не только из-за нее. Не без определенных шероховатостей, но все же философия и наука, *как таковые*, — не только, например, англиканские философия и наука — стали считаться «хорошим делом» при поддержке всех наличных конфессий, включая даже римский католицизм.

С утверждением «национального» сообщества получили развитие два главных механизма для взаимной дифференциации социетального сообщества и государства. Один — это такой способ управления, в котором наиболее влиятельные элементы общества являются членами не правительственных структур, а представительных органов. Решающую роль здесь сыграла палата представителей. Вторым главным механизмом было право. Более чем какая-либо иная правовая система, английское право провело четкое различие статуса члена социетального сообщества, обладающего правами, которые государство обязано соблюдать, и статуса «подданного» короля как главы государства.

Эта дифференциация подкреплялась установлением в Англии особых отношений между аристократией и правительством. Аристократия, вместо того чтобы оставаться частью недифференцированной структуры управления без каких-либо шансов играть в ней решающую роль, стала активной политической *избирательной базой* для правительства. Позднее эта схема стала основой расширения избирательных прав, так что политическая составляющая гражданства распространялась на все более обширные группы населения<sup>53</sup>.

Укрепление обычного права и главенство парламента в системе управления были тесно связаны с пуританством и тем особым способом урегулирования религиозных распрей, который начал практиковаться в Англии<sup>54</sup>. В свободе вероисповедания и политическом плюрализме нашла выражение дифференциация социетального сообщества от религиозных объединений и от государства. Оба эти направления дифференциации подразумевали и одновременный процесс включения. Легитимный статус полноправного членства в социетальном сообществе предоставлялся религиозным диссидентам и политическим оппонентам, не согласным с находящимися при исполнении властями, при условии, что их оппо-

---

<sup>53</sup> Marshall T. Op. cit.

<sup>54</sup> См.: Little D. Religion, law, and order. N.Y.: Harper and Row, 1969.

зиция является «лояльной оппозицией». Правовая система как по своему нормативному содержанию, так и в силу своей структурной независимости выступала в качестве основного механизма, регулирующего пограничные отношения между этими дифференцировавшимися частями. Решающим обстоятельством было то, что право на религиозное и политическое несогласие получило *правовую* институционализацию. Англия никогда не прибегала к писаной конституции, чтобы формально ограничить парламентом «королевскую власть» как теоретически суверенную; судебные органы также никогда не наделялись полномочиями объявлять неконституционными постановления парламента. Тем не менее практика показала, что правовая институционализация «конституционных» ограничений власти государства действовала в основе своей эффективно, несмотря на тесную зависимость судов от государства в смысле правопринуждения.

Центральным моментом в дифференциации социетального общества и экономики была «коммерциализация» сельского хозяйства, особенно когда она затрагивала земельные интересы джентри. Обычно сельским сообществам была присуща недифференцированная аскриптивная структура, особенно сильно сопротивлявшаяся модернизации. Но ориентация английского сельского хозяйства на рынок породила коммерческий интерес, связавший сельские поселения с городами «горизонтально», вместо их «вертикальной» связи феодального типа с аристократической государственной иерархией, и тем самым была смягчена острота «крестьянской проблемы».

Параллельный процесс дифференциации в городах сломал патриархальный партикуляризм цеховой системы. Поскольку Англия была в целом менее урбанизирована, чем некоторые регионы континента, важно было, чтобы процесс дифференциации был поддержан со стороны влиятельных сельских слоев. Главные *институциональные* основы дифференцированной рыночной экономики были заложены в Англии задолго до появления технических изобретений и других новаций, связанных с промышленной революцией. Не менее важным было влияние пуританства, особенно среди проникнутого духом новаторства купечества, но также и среди джентри, многие из которых были пуритане.

Экономическая составляющая процесса развития Англии, по-видимому, также способствовала плюрализму в структуре сельских и городских сообществ. Совершившаяся в них дифференциация укрепила общность интересов, перекрывшую прежние различия. Это имело особую важность ввиду той политической власти, какой обладали землевладельческие классы. Экономическая диффе-

ренциация обеспечила основу, на которой будущие городские группы могли быть включены в единую систему солидарности. Сельско-городские конфликты в Англии не были такими острыми, как это было в последующие периоды в других странах. В сравнении с Францией конфликт между буржуазией и земельной аристократией носил более мягкий характер.

Процесс повышения уровня адаптивности был совершенно очевидным образом связан с экономическим развитием. Не только в Англии, но и во всем северо-западном треугольнике XVII век был временем значительного экономического прогресса. В каждой из политических единиц происходило «расширение рынка» как внутреннего, так и внешнего.

Хотя внутри общества, рассмотренного в виде социальной системы, адаптивная способность сфокусирована в экономической сфере, на нее влияет также развитие культурной и личностной систем. Что касается культуры, то наиболее заметным продвижением в этой области было общее развитие светской культуры, подчеркивающей познавательную рациональность в философии и науке. В Англии и Голландии эта тенденция была подкреплена ценностями аскетического протестантизма<sup>55</sup>. Хотя рост когнитивной и рациональной культуры еще не отразился на структуре общества, определенное воздействие он имел. После И. Ньютона и Дж. Локка, например, культурные лидеры уже не могли игнорировать значимость новой науки и философии для самых различных областей деятельности; они обрели новые ресурсы для повышения адаптивности.

Главное в том, что имело отношение к адаптивной способности личности, состояло во влиянии, которое оказал на мотивацию поведения личности протестантский аскетизм, названный М. Вебером «аскетизмом в миру». Он усиливал мотивацию на достижение в «земных призваниях». «Ситуация», наделяющая смыслом такое достижение, «определялась» с точки зрения культуры не как «потусторонняя», а как «посюсторонняя», ориентированная на построение достойного общества, а не только на спасение души по окончании земной жизни. Это была универалистская и новаторская ориентация в том смысле, что мандат на достижение предо-

---

<sup>55</sup> Прodelанный Р. Мертоном анализ отношений протестантизма и науки в Англии не «отвергнут» последующими исследованиями, а просто уточнен. См.: *Merton R.K. Science, technology and society in seventeenth century England*//Osiris. 1938. № 4; переиздана: *Social theory and social structure*. Ch. 18. Glencoe (Ill.): Free Press. 1957; см. также: *Ben-David J. The sociology of science*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1971.



ставлялся каждому человеку и выдавался не для увековечения традиции, а для построения нового «царства».

Поощрение такого типа личной ориентации имело неодинаковые последствия в разных областях. Где-то оно способствовало тяге к научному исследованию. В английском праве оно создало широкие предпосылки для утверждения определенного типа индивидуализма<sup>56</sup>. Но особенно оно коснулось через рыночные отношения экономической сферы. Произошло это не из-за того, как упорно твердят, что рынок распахнул двери «эгоистической выгоде» и «материализму». Скорее, это случилось потому, что рыночный механизм впервые создал широкий институциональный контекст, в рамках которого оказалось возможным высвободить индивидуальные достижения и заслуги из некой диффузной сети не имеющих отношения к делу связей. Рынок довел дифференциацию социальной структуры до такого предела, когда в значительно большей степени, чем когда-либо прежде, оказались возможными широкий выбор способов действия, оценка индивидуальных успехов и в каком-то смысле пропорциональное их вознаграждение. Эта возможность и представляется нам наиболее значимой в той связке, которая образовалась из протестантской этики индивидуального достижения и ее воплощения в рыночной деятельности, о чем писал в своих знаменитых трудах Вебер<sup>57</sup>.

---

<sup>56</sup> Little D. Op. cit.

<sup>57</sup> Связь между протестантскими религиозными ориентациями и современной экономической этикой давно находится в центре научной дискуссии. См. классические работы, в которых эта дискуссия нашла отражение: Weber M. The protestant ethic and the spirit of capitalism. N.Y.: Scribner, 1958. [Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма//Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.]; Tawney R.H. Religion and the rise of capitalism. N.Y.: Mentor, Books, 1947; Protestantism and capitalism/Ed. by R.W.Green. Boston: Health, 1959; Parsons T. Richard Henry Tawney//American Sociological Review. 1962. December.

## **КОНТРАПУНКТ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ: ЭПОХА РЕВОЛЮЦИЙ**

---

### **ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ**

Контрреформаторские общества решительно стремились «заморозить» процесс дифференциации, как указывалось в предыдущей главе, главным образом по причине тесных связей их политических режимов с находящейся в оборонительной позиции церковью. Сопrotивляться приходилось не только протестантизму, но и множеству модернизирующих тенденций, особенно тем, которые способствовали высвобождению универсалистски ориентированных элементов из структурного ядра, образуемого государством, аристократией и церковью. Среди этих элементов были представители «бизнеса», которые выступали за более широкое и более демократическое политическое участие, и «интеллектуальные» группы, которые к XVIII в. стали объектом подозрительности властей. В общеевропейской системе сердцевина контрреформации — итальянские государства и папство выполняли функцию сохранения и воспроизводства образца.

Самым воинствующим защитником дореформационных общественных порядков, часто выглядящим «большим католиком, чем папа», стала Испания. В своей социальной структуре Испания являла, может быть, лучший пример крупного общества, застывшего на ранней стадии модернизации. Во многих отношениях ее непреклонный традиционализм изолировал ее от остальной Европы<sup>1</sup>.

Австрия, целостность которой сохранялась благодаря междинастическим и межаристократическим бракам и верности римскому католицизму, резко отличалась от Испании в том, как она решала проблему этнического многообразия. Находясь вначале на

---

<sup>1</sup> *Castro A.* The structure of Spanish history. Princeton: Princeton Univ. Press. 1954.

позициях контрреформации, позже австрийские Габсбурги допустили ограниченный религиозный плюрализм, установленный Вестфальским миром 1648 г. Они, таким образом, отставали от духа времени, демонстрируя отсутствие интереса к национально-государственному строительству, но поддерживая и сохраняя большую политическую структуру, ставшую плюралистичной в этническом и религиозном отношениях, они играли важную интегративную роль<sup>2</sup>. То, что Австро-Венгерская империя в конечном счете распалась под воздействием центробежных националистических сил, не умаляет ее значения в продолжительный переходный период. Даже и на таком позднем этапе, как во времена Священного союза, Австрия была в Европе центром консервативного интеграционизма. К тому же она играла важную посредническую роль во вступлении России в европейскую систему, чему способствовал их общий конфликт с наполеоновской Францией.

Партикуляристский ареал Германии, несмотря на свое религиозное многообразие, напоминал центр контрреформации. Ее мелкие государства также находились в позиции самозащиты, испытывая постоянную угрозу поглощения со стороны своих более крупных соседей. Здесь, как и в итальянских государствах, значительные структурные инновации наталкивались на сопротивление<sup>3</sup>.

Роль Пруссии в европейской системе, обусловленная открытостью ее восточной границы, формировалась на основе особой разновидности протестантского образца. Правители из династии Гогенцоллернов обратились в кальвинизм, в то время как большинство населения исповедовало лютеранство. Из этого происходила особая форма протестантской «государственной церкви», в которой соединились оба эти элемента<sup>4</sup>. Кальвинизм, находясь в рамках активистской конфигурации аскетического протестантизма, постулировал общее верховенство в сообществе религиозной элиты, избранной по предопределению, ставя ее выше обычных верующих. Он был также в высшей степени коллективистским, так как считалось, что любая кальвинистская община наделена религиозно освященной миссией. Такая активистская, авторитарная и в то же время коллективистская ориентация очень подходила прусской монархии с ее пограничным местоположением, стремившейся к расширению своих территорий за счет славянских зе-

---

<sup>2</sup> Bryce J. The Holy Roman Empire. L.: Macmillan, 1904.

<sup>3</sup> Barraclough G. The origin of modern Germany. N.Y.: Capricorn, 1963.

<sup>4</sup> Kayzer Ch. Calvinism and German political life/Unpubl. doctoral dissertation. Radcliffe College. 1961.

мель. К тому же она прекрасно сочеталась с лютеранской установкой на признание за должным образом установленной властью законности ее функций по поддержанию порядка и пресечению беспорядков; такая конструкция могла выдержать почти любые перемены. Кальвинизм превосходно служил опирающемуся на силу правящему классу, а лютеранство — его подданным. Наряду с общей неустойчивостью, присущей любому меняющемуся пограничному сообществу, эта религиозная ситуация может отчасти объяснить достижения Пруссии в области рационализации военного и гражданского управления.

Подобно тому как это было в большей части континентальной Европы, организация Пруссии строилась вокруг земельной аристократии — юнкеров. Юнкеры не стали, как английские джентри, парламентской оппозицией королевскому абсолютизму; вместо этого они образовали опору монархии, особенно в своей военной роли. Однако, как и в Англии, они превратили свои поместья в коммерческие сельскохозяйственные предприятия, ориентированные на экспорт зерна. Эти изменения вместе с тем не затронули прежнюю жесткую классовую структуру, которая только укрепилась, когда сельских работников, мигрировавших в становящуюся промышленность, стали в больших количествах заменять работники из Польши<sup>5</sup>.

К началу XIX в. самые большие достижения Пруссии были связаны с эффективностью управления; в военной, а также и в гражданской бюрократической администрации она создала эталоны для всей Европы<sup>6</sup>. Безусловно, военные успехи Пруссии, учитывая ее размеры и ресурсы, сделали ее Спартой в тогдашней Европе. Все классы ее иерархически организованного населения пришли к принятию строгого понимания долга, во многом в духе Канта, но долга в основном в отношении государства. Государству удалось объединить относительно податливую, невысокого статуса группу — традиционно милитаризованное мелкопоместное дворянство — и не очень многочисленное или влиятельное, но весьма урбанистически ориентированное верхнее *Bürgertum* в эффективно действующую организацию<sup>7</sup>. Постепенно оно, вместо того чтобы

---

<sup>5</sup> См. обзор ранних веберовских исследований: *Bendix R. Max Weber: An intellectual portrait.* Garden City; N.Y.: Anchor, 1962; *Bendix R. Nation-building and citizenship.* N.Y.: Willy. 1964. Ch. 4, 6.

<sup>6</sup> *Rosenberg H. Bureaucracy, aristocracy and autocracy: The Prussian experience, 1660—1815.* Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1958.

<sup>7</sup> *Ibid.*

жить под угрозой со стороны распространившихся в германском мире «либерально-националистических» движений, использовало их в своих целях, что наглядно отразилось в карьере Бисмарка.

Эффективность Пруссии как суверенного государства обеспечила ей возможность расширить свое политическое господство на другие территории. Она установила контроль практически над всей Северной Германией, предвосхищая отстранение Австрии от лидерства в объединении Германии. Когда в 1871 г. была создана Германская империя, она включила в себя римско-католическое меньшинство (которое составляло тем не менее почти треть населения), в прямую противоположность Вестфальскому миру 1648 г., когда старая римско-католическая империя вобрала протестантское меньшинство<sup>8</sup>. Однако прусская экспансия в другие части Германии породила серьезные напряжения внутри социального сообщества, религиозное многообразие которого еще не было должным образом организовано в виде какой-то плюралистической структуры.

Почти совпадая по времени с прусской экспансией, в новой Германии началась вторая, главная фаза промышленной революции. Политическое возвышение имперской Германии вначале не опиралось на какие-либо крупные экономические достижения, выходящие за пределы того, что было присуще на ранней стадии модернизации всей Европе вообще. Крупные перемены происходили здесь на удивление медленно<sup>9</sup>, если учитывать, как долго уже перед глазами находился британский пример. К тому же эти перемены происходили не на основной территории прусского господства, а на территориях вдоль Рейна, которые в целом были более католическими, чем протестантскими<sup>10</sup>.

До распространения промышленной революции на континент Англия, Пруссия и Франция находились на острие перемен. В процессе дифференциации европейской системы как целого первенство в развитии целедостиженческой функции следует признать за европейским северо-западом, поскольку именно здесь возникали наиболее важные новые институты и дифференцированные структуры. Эти процессы повышали адаптивную способность системы, особенно в экономическом смысле и заметнее всего в Англии.

---

<sup>8</sup> Barraclough G. Op. cit.

<sup>9</sup> См.: Landes D. The rise of capitalism. N.Y.: Macmillan, 1966.

<sup>10</sup> См.: Baum R. Values and uneven political development in Imperial Germany: Unpubl. doctoral dissertation. Harvard University, 1967.

В этот же период первенство в развитии более общей адаптивной функции оставалось за Пруссией. Она стала самым важным стабилизирующим фактором на открытой восточной границе Европы. Кроме того, она была пионером в развитии инструментально-эффективной коллективной организации, то есть такого обобщенного ресурса, который в дальнейшем стал использоваться во всех функциональных сферах современных обществ.

## ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Конец XVIII в. ознаменовался началом двух процессов развития, характерных для перехода от ранних форм западной «современности» к тем, что откристаллизовались в середине XX в. Эти процессы обычно называют промышленной и демократической революциями. Первая началась в Великобритании, а вторая разразилась во Франции в 1789 г.

Эти события в северо-западной части Европы венчали собой главные тенденции начальной модернизации. Как всякие крупные структурные изменения, они вновь породили напряжения в местах своего возникновения и еще большие при их распространении в менее подготовленные регионы.

Главное направление развития после Реформации, в рамках утвердившейся активистской системы ценностей, было сосредоточено на адаптивных и интегративных возможностях общества, что подразумевало более высокие уровни дифференциации и органической солидарности в дюркгеймовском смысле этого слова. Промышленная революция была частью этой тенденции, поскольку мощный рост экономической производительности повлек за собой колоссальный сдвиг в разделении труда в социальном смысле этого понятия. Как уже подчеркивалось, такие прорывы в области дифференциации порождают функциональную необходимость появления новых интегративных структур и механизмов. Демократическая революция касалась главным образом интегративных сторон общественного устройства; она артикулировала политический смысл членства в социетальном сообществе и тем самым проблемы оправдания имущественного неравенства и, что более важно, неравенства политических прав и привилегий.

В промышленной революции нас в первую очередь интересуют не технические и узкоэкономические аспекты, а сопутствующие изменения в социальной структуре. Хотя надо заметить, что технические новшества имели экономические последствия революционного свойства. Они сделали возможными громадную эко-

номии затрат, понижение цен и появление множества новых продуктов<sup>11</sup>. В Англии этот процесс начался в хлопчатобумажном производстве и распространялся на «более тяжелые» отрасли, на континенте же и в Соединенных Штатах этот процесс в основном совпал с распространением железных дорог<sup>12</sup>.

Структурным ключом к промышленной революции является расширение рыночной системы и соответствующая ему дифференциация в экономическом секторе социальной структуры. В самой рыночной системе, однако, никакой внезапной революции не совершалось, она формировалась в результате долгой и непрерывной эволюции. Заметное процветание Англии и Голландии в особенности, но и Франции в том числе, еще до появления изобретений, несомненно, было результатом развития рыночных систем в этих странах, что, в свою очередь, зависело от наличия политической и правовой безопасности, а также юридической практики, основанной на собственности и контракте, которые благоприятствовали становлению коммерческого предпринимательства. Английское и голландское процветание было, кроме прочего, следствием относительно слабого давления государства на экономические ресурсы при отсутствии многочисленных постоянных армий и отсутствия у аристократии резко негативного отношения к «торгашеству», характерного для большинства стран континента.

До промышленной революции самым развитым сектором рыночной системы была торговля готовыми изделиями, особенно предметами роскоши<sup>13</sup>. Самым важным исключением в Англии было производство на экспорт сначала шерсти, а затем и шерстяных тканей. В некоторых регионах важным рыночным продуктом было зерно, но большая часть продовольственных продуктов и предметов широкого потребления попадала только на местные рынки, если вообще на них попадала. Типичным был обмен выращенной в данной местности продукции на ремесленные изделия ближайшего «рыночного» городка<sup>14</sup>.

Имея промышленность в качестве своей сердцевины, рыночная система могла распространяться в нескольких направлениях. От готового продукта она могла двигаться «назад», к более ранним

---

<sup>11</sup> На эту тему существует огромная литература. Тщательный и чрезвычайно поучительный разбор см.: *Landes D.* Op. cit.

<sup>12</sup> *Clapham J. H.* Economic development of France and Germany, 1815–1914. Cambridge (Mass.): Cambridge Univ. Press, 1963.

<sup>13</sup> См.: *Weber M.* General economic history. N.Y.: Adelphy, 1927; *Idem.* The theory of social and economic organization. Glencoe (Ill.): Free Press, 1947.

<sup>14</sup> *Polanyi K.* The great transformation. Boston: Beacon, 1957.

стадиям производственного процесса и в конечном счете к производству «факторов производства». Существовали также разнообразные промежуточные изделия наподобие некрашеного сукна, скупавшегося суконщиками у ткачей. Потребовалось развитие транспортных и торгово-посреднических услуг для пространственно разделенных производителей и потребителей. Сырье, первичная обработка и сама земля стали все более вовлекаться в систему рыночных отношений.

Для нас, однако, особый интерес представляют собой рынки двух других «факторов» — капитала и труда. Первый вступил в новую стадию развития в эпоху Ренессанса, симптомом чего были религиозные распри вокруг вопроса о моральности «ростовщичества»<sup>15</sup>. Задолго до промышленной революции в значительных масштабах существовали денежные займы, организованные в разного рода денежные рынки, уже тогда отчасти «международные». Существовали и компании, куда можно было вложить деньги, не обременяясь определенными узами партнерства. В конце XVII в. в Англии появились зачатки центрального банка, что было признаком ее определенной экономической зрелости.

Тем не менее в ходе промышленной революции финансовые рынки умножились численно и поднялись на новый уровень организации. Эти процессы, однако, достигли кульминации лишь в середине XIX в., когда в Англии и в большинстве американских штатов были приняты общие законы об акционерных компаниях и корпорациях<sup>16</sup> и были учреждены организованные рынки ценных бумаг. Одним из главных преимуществ немецкой промышленности в конце XIX в., когда она опередила английскую промышленность, было превосходство в организации и в предпринимательском духе ее системы инвестиционных банков<sup>17</sup>.

Расширившиеся финансовые рынки предоставили в распоряжение растущей и усложняющейся экономической системы более гибкие приспособительные механизмы. Все более и более деньги перерастали свою функцию средства обмена и мерила стоимости и превращались в первостепенный контролирующий механизм всего экономического процесса. Контролирующая функция денег использовалась для влияния на размещение ресурсов в рыночных

---

<sup>15</sup> Nelson B. The idea of usury: From tribal brotherhood to universal otherhood. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1969.

<sup>16</sup> Анализ этих юридических документов см.: Hurst J. W. Law and the conditions of freedom. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1956.

<sup>17</sup> Landes D. Op. cit.



условиях. И что еще важнее, возникшая при этом новая зависимость кредитования от крупномасштабных финансовых институтов породила некий встроенный в систему механизм экономического роста.

Развертывание производственной «цепочки» было очень важно для реального производства, в особенности в связи с процессом интеграции и стабилизации экономики как целого. Все возрастающая доля ресурсов уходила на первичные и промежуточные стадии всего производственного цикла — от обработки сырья до получения конечного продукта.

В этой связи особенно важным направлением было развитие *обобщенных* физических приспособлений. Транспортные средства, такие, как железные дороги, редко могли бы быть экономически выгодными, если бы ограничивались транспортировкой какого-то одного продукта. Но, будучи однажды построены для связи между данными пунктами, они могли использоваться для многих назначений. Аналогичные соображения относятся и к снабжению энергией. Паровой двигатель был одной из главных инноваций начала промышленной революции; электроэнергия и двигатель внутреннего сгорания появились позднее. Все это обеспечило новые возможности в плане источников энергии, передачи на расстояние энергии и топлива и нахождения новых способов их использования. Наконец, развитие производства «машин для изготовления машин», то есть машиностроения, также способствовало развитию техники во многих различных отраслях<sup>18</sup>.

Эти технологические сдвиги находились в тесной взаимозависимости с изменениями в социальной организации производственного процесса, в особенности в области труда как фактора производства. Критическое значение здесь имела дифференциация труда (или, в более строгих терминах, услуг) из диффузной матрицы жизнедеятельности вообще, в которой он до этого находился. Эта дифференциация включала выделение комплекса «работа—роль» из семейного домашнего хозяйства, а также возрастание «трудо-вой мобильности» — готовности семейных единиц откликаться на новые возможности трудоустройства переменой места жительства и обучением новым профессиям. Эти перемены глубоко затронули структуру семьи и местных сообществ. Многие особенности современной системы родства, основанной на элементарных семьях, постепенно возникали на протяжении XIX в. И индустриальное общество стало урбанизованным до такой степени, какая никогда ранее не наблюдалась в истории.

---

<sup>18</sup> Landes D. Op. cit.

Эти процессы утвердили то, что социологи называют ролью в *системе занятости*, конкретным образом зависящей от статуса индивида в нанимающей организации, структурно отличной от семейного домашнего хозяйства<sup>19</sup>. Обычно нанимающая организация использует только одного представителя из семейного хозяйства; у нее есть свои помещения, дисциплинарные установления, иерархии подчинения и собственность, отдельные от семейных хозяйств. В типичном случае нанятое лицо получает (в зависимости от своего статуса в организации и качества исполнения роли) денежное вознаграждение, обеспечивающее его семье доступ на рынок потребительских товаров. Нанимающая организация реализует свой продукт через рынок и платит своим работникам зарплату или жалованье, в то время как крестьянин или ремесленник продавал свои собственные продукты. Организация, таким образом, выступает посредником между работником и потребительским рынком.

Распространение ролей в системе занятости способствовало расширению диапазона потребительских рынков ввиду зависимости потребителей от денежных доходов. Но в этой связи важно и знаменитое изречение А. Смита: «Разделение труда зависит от емкости рынка» — растущее разделение труда делало возможным увеличение производительности труда и повышение уровня жизни всего населения.

На фабриках распределение ролей в шкале занятости происходило обычно снизу вверх. Первыми наемниками были не имевшие собственности фабричные наемные рабочие текстильной промышленности. Управление основывалось на собственности. В роли собственника, по обыкновению, выступала группа родственников, которая организовывала производство, изыскивала капитал, строила фабрики, нанимала рабочих, надзидала за ними и реализовала продукцию на рынке. Ранняя «капиталистическая» промышленная фирма представляла собой, таким образом, «двухклассовую систему», состоявшую из наследственных собственников, с одной стороны, и наемных трудящихся — с другой<sup>20</sup>. Эта система была структурной базой для марксистской теории «классового конфликта» в капиталистическом обществе, в которой предполагалось, что собственность и организационные полномочия всегда совмещены.

Далее надо обсудить проблему, давно служившую источником недоразумений, главным образом по причинам идеологического

---

<sup>19</sup> *Smelser N.J. Social change in the industrial revolution. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1959.*

<sup>20</sup> См.: *Bendix R. World and authority in industry. N.Y.: Wiley, 1956.*

свойства. Промышленная революция совершилась в условиях системы «свободного предпринимательства», и очень похоже, что *породить* ее не могла никакая кардинально иная система. Более того, мы утверждаем, что экономика свободного предпринимательства, а не социализм, в смысле государственного управления всей экономикой, остается главным направлением эволюции. Однако частное экономическое предприятие и государственная организация экономических процессов не есть нечто соотносящееся по принципу «нулевой суммы» — увеличение в одном не обязательно требует соответствующего уменьшения другого. Как показал Э. Дюркгейм<sup>21</sup>, высокоразвитая экономика свободного предпринимательства, если сравнивать ее с более примитивными формами экономической организации, нуждается в более сильной, а не в более ограниченной государственной структуре.

Универсалистская правовая система, центральный компонент любого индустриального общества, не может существовать без сильного государства. К тому же самой экономике, как и другим составляющим общества, требуются все более сложные регулирующие функции, например, для контроля за циклическими кризисами, какие сотрясали экономику ранних промышленных обществ.

Государство и экономика взаимозависимы. Государство нуждается в налогооблагаемой базе, которая увеличивается по мере роста производительности труда и мобильности ресурсов в развитой рыночной системе. Опять-таки государство, будучи участником на рынке труда, выигрывает от мобильности трудовых ресурсов.

Эта взаимозависимость включает взаимообмен денег и власти между рыночной системой и системой формальной организации. Не только государство, но и такие частные организации, как фирмы, участвуют в системе власти, и, наоборот, государство является участником рыночной системы. От государства, помимо того, что оно обеспечивает общую институционализацию собственности и контракта, зависит и власть частных фирм (в двух существенно важных отношениях). Во-первых, корпорация как юридическое лицо, по крайней мере частично, есть результат «делегирования» публичной власти на основании гласно выдаваемого государством и допускающего отзыв учредительного документа. Этой передачей власти *легитимизируется* пользование ею внутри корпоративных организаций<sup>22</sup>. Во-вторых, современная экономика в своей капи-

---

<sup>21</sup> Durkheim E. The division of labour in society. N.Y.: Macmillan, 1933. [Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1990.]

<sup>22</sup> Hurst J.W. Op. cit.

тализации зависит от кредитного механизма. Предоставление кредита предполагает использование кредитными учреждениями, особенно банками, власти. Они делают доступными заемщикам средства, которыми сами не «владеют», и связывают себя договорами о принудительном юридическом взыскании. Эта принудительность обеспечивает доверие, необходимое в долговременных кредитных сделках, где неизбежно присутствует инвестиционный риск, связанный с тем, что затраты могут «окупиться» лишь по прошествии длительного времени.

Таким образом, в современном обществе недоразвитость системы власти крайне пагубна для экономики, а недоразвитость денежной и рыночной систем крайне вредна для политической организации.

## ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Демократическая революция была частью процесса дифференциации политической подсистемы и социетального сообщества. Как и любой процесс дифференциации, она породил интеграционные проблемы и там, где увенчалась успехом, новые механизмы интеграции.

В европейских обществах центральным пунктом этих проблем было наличие в социетальном сообществе известной степени народной поддержки государству и правительству. Начиналось все с представлений о простых народных массах как о «подданных» монарха, с почти аскриптивной (естественно заданной) обязанностью подчиняться его власти, которую часто объявляли берущей начало от Бога<sup>23</sup>. Хотя в Англии монополия короны на государственную власть пала уже в XVII в. (как и в Голландии, но несколько другим путем), однако политический режим Англии был далек от того, чтобы называться «демократическим»; скорее, он был крайне аристократическим.

Интеллектуальные споры периода Просвещения высветили внутренние противоречия территориальных монархий континента, усугубленные существованием зримых примеров Англии и Голландии<sup>24</sup>. Особенно остро это чувствовалось во Франции, которая

---

<sup>23</sup> *Allen J.W.* A history of political thought in the sixteenth century. N.Y.: Barnes and Noble, 1960.

<sup>24</sup> *Palmer R.R.* The age of democratic revolution. 2 vols. Princeton: Princeton Univ. Press, 1959.

дальше ушла в развитии национально-этнических основ общества, но при этом сохраняла старорежимный абсолютизм общества. «Простые» люди, включая и многих из верхушки буржуазии, оставались «подданными», в то время как аристократия, тесно сотрудничавшая с короной, укрепляла свои привилегии. Такое развитие событий вело ко все большему отождествлению с государством той части социетального сообщества, с которой «следовало считаться», в то время как подданные, непричастные к правительству и его аристократическому обрамлению, оттеснялись на позиции сомнительной принадлежности к национальному сообществу. Как почти везде на континенте, центральное правительство, усиленное контрреформацией, навязывало свои претензии на неограниченную власть. Традиция охраняемых законом прав была на континенте гораздо слабее, чем в Англии.

В условиях высокого уровня национального самосознания Французская революция потребовала создания сообщества, которое включало бы всех французов и аннулировало особый статус *привилегированных*. Центральной идеей было *гражданство*, требование принадлежности к сообществу *всего целиком* населения<sup>25</sup>.

Знаменитый лозунг революции — *Liberté, Egalité, Fraternité* — воплощал эту новую идею сообщества. *Liberté* и *Egalité* символизировали два основных объекта недовольства: политический авторитаризм и привилегии; *Fraternité* относилось к более широкому контексту принадлежности, будучи исконным символом общества.

В конце XVIII и в XIX в. символ свободы имел два различных понимания<sup>26</sup>. Одно преобладало в Англии, где А. Смит отстаивал экономическую свободу, особенно в противоположность государственному контролю, связанному с меркантилизмом. Другое было распространено во Франции, где самым влиятельным сочинителем был Ж.Ж. Руссо. Здесь на первый план выходила свобода социетального сообщества, «народа» в противопоставлении государству. Проблемы свободы народа в указанном смысле и свободы индивида четко не различались, особенно в области политики. Тирания режима — вот что должно было быть уничтожено. Диктаторские наклонности революции проявились только после того, как был сломлен, по крайней мере на время, старый режим.

Еще более тонка проблема равенства. Если свобода мыслилась преимущественно в терминах сбрасывания ограничений, то под ра-

---

<sup>25</sup> Palmer R.R. The age of democratic revolution. 2 vols.; см. также: Bendix R. National building and citizenship.

<sup>26</sup> См.: Bailyn B. The ideological origins of the American revolution. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1967.

венством неизбежно подразумевались *позитивно* оцениваемые отношения между единицами взаимодействия. Те, кто претендует на равенство, не могут на законном основании отказывать в равенстве другим. Если в контексте свободы злом являются незаконные ограничения, то в контексте равенства зло — это незаконная *дискриминация*. По идеологии равенства часто незаконными оказываются любые статусные и функциональные различия, особенно иерархического свойства. Но социальные системы нуждаются в разных видах и степенях социальной дифференциации по двум направлениям — качественному разделению труда (в дюркгеймовском смысле) и иерархии.

Французская революция, выделяя оба мотива — свободу и равенство, была нацелена не только против политической власти, но и против частично стоявшей особняком системы аристократических привилегий. Напряженность возрастала из-за присущей старому режиму тесной связи *noblesse de robe* с монархией и старой аристократией, так что «народ» поднялся *против* «привилегированных», которые прочно отождествлялись с правительством. Имело место колоссальное идеологическое преувеличение социальной безответственности и легкомысленности европейской аристократии, которые она могла себе позволить за счет народа. Проблема «привилегий» на деле сводилась к вопросу о наследственной передаче статуса, что противоречило критериям личного достижения, равенства или того и другого вместе. Французской революцией был поставлен вопрос о том, может ли привилегия быть значимым *вознаграждением* или даже получить легитимизацию на инструментальных основах, если не доказано, что не возможен никакой другой способ институционализации лидерства, достойного доверия. Наступление на принцип привилегий во время Французской революции возглавлялось высшей буржуазией, многие представители которой были богаче большинства аристократов, и если формально не признавались могущественными, то в практических делах государства, возможно, были гораздо влиятельнее их.

В Англии аристократия, включавшая в себя джентри, имела более «частный» характер и менее отождествлялась с режимом. На деле реформаторские движения часто возглавлялись аристократами, и «французский» вариант — аристократия против буржуазии — сколько-нибудь заметно здесь не проявился.

Революционная идея равенства применительно к различиям инструментального порядка и к иерархическим параметрам социального статуса подчеркивала принцип *равенства возможностей*. В той мере, в какой была институционализована эта нарождающаяся ценностная конфигурация, главным критерием приемле-

мости различных ценностно значимых статусов стали личные достижения и способности к таким достижениям. Обретение статуса или его сохранение в условиях конкуренции могло оцениваться как награда за заметный вклад в деятельность социальной системы. Такое понимание социального статуса легло в основу главного нормативного содержания промышленной революции.

Однако основной удар Французской революции был направлен против наследственных аристократических привилегий и за статусное равенство для всех членов общества, что следует отличать от равенства возможностей, хотя между ними и существует взаимозависимость. Характер привилегий при старом режиме разделял социальное сообщество на два основных статусных слоя. «Простые люди» были «гражданами второго сорта», лишенными в силу своего наследственного статуса доступа к привилегиям, которыми пользовалась аристократия, особенно в том, что касалось освобождения от налогов<sup>27</sup>.

Маршалл проанализировал проблему равенства членства в обществе как состоящую из трех наиболее важных компонентов — гражданского, политического и социального<sup>28</sup>. Французская революция касалась только первых двух, третий же вышел на первый план только в середине XIX в.

«Гражданский» компонент включает гарантии того, что может быть названо «естественными правами» — в формулировке Дж. Локка, то есть гарантии «жизни, свободы и собственности». Они были во всех подробностях и деталях описаны во французской Декларации прав человека и в американском Билле о правах. Революционное движение во Франции вдохновлялось тем фактом, что английская и американская законодательные системы уже институционализировали многие из этих прав. Понятие «равенства перед законом» относится к гражданскому компоненту равенства всех членов, если в нем содержатся и процедурные, и содержательные гарантии. Здесь под «законом» понимается не только то, что подлежит защите в судах, но и самые общие установки общественного нормативного порядка.

«Политический» компонент гражданства сосредоточен вокруг проблем демократических выборов. Хотя принцип равенства граждан в «окончательном» голосовании при избрании правителей восходит ко временам древнегреческих полисов, Французская рево-

---

<sup>27</sup> См.: *Bailyn B.* The ideological origins of the American revolution. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1967.

<sup>28</sup> *Marshall T.H.* Class, citizenship and social developments. Garden City. N.Y.: Anchor, 1965.

люция впервые применила его в обществе гораздо большего масштаба и распространила на весь народ. В современном государственном устройстве прямое равное участие всех граждан в управлении невозможно. Поэтому развитие происходило в направлении *представительных институтов*, в которых проблема политического равенства фокусируется на отборе высшего руководства, как правило, посредством участия в той или иной избирательной системе. Устройство этих институтов может иметь важные отличия<sup>29</sup>, например между «президентским» или «парламентским» способами управления или между «республикой» или «конституционной» монархией.

Несмотря на такого рода различия, все европейские политические системы, исключая коммунистические страны, но включая многие заокеанские государства, имеющие европейские корни, такие, как Соединенные Штаты и многие члены Британского Содружества, выработали принципиально общую конструкцию<sup>30</sup>. В этой конструкции присутствуют два вида равенства и два контекстуальных свойства.

Первый вид равенства — это всеобщее избирательное право. Всеобщее избирательное право для взрослых стало общей тенденцией; в большинстве западных стран оно было распространено на женщин в начале нынешнего столетия. Сегодня его лишены только несовершеннолетние, лица без гражданства и небольшие группы лиц, частично лишенных прав. Другим видом равенства стало устранение *разновесности* голосов. Исторически различные системы придавали голосам различный вес, и делалось это явно, как в прусской системе сословного голосования, или неявно, как в Соединенных Штатах при неравномерном делении на округа. Тем не менее прослеживается четкая тенденция к установлению принципа «один гражданин — один голос» как в смысле доступа к голосованию, так и в смысле веса каждого голоса при определении итогов выборов.

Первое контекстуальное свойство политической системы европейского типа — это наличие комплекса формальных избирательных процедур, включая правила, определяющие предоставление права голоса, и правила «подсчета» голосов. Последние имеют решающую важность в установлении *обязательного* отношения

---

<sup>29</sup> См.: Lipset S. M., Rokkan S. Introduction//Cleavage structures, party systems, and voter alignment/Ed. By S. M. Lipset, S. Rokkan. N. Y.: Free Press, 1965.

<sup>30</sup> Rokkan S. Mass suffrage, secret voting, and political participation//European Journal of Sociology. 1961. P. 132–152.



между индивидуальным выбором голосующего и воздействием множества таких выборов на исход голосования. Вторым контекстуальным моментом демократического развития является тайна голосования, означающая дальнейшую дифференциацию государства и социетального сообщества, поскольку охраняет независимость участия индивида в том и в другом. Она защищает индивида от давления не только со стороны обладающих более высоким статусом (например, работодателей), но и со стороны равных по статусу (например, других рядовых членов профсоюза)<sup>31</sup>. Благодаря такому «барьеру» обеспечивается политическая плюрализация общества и создается препятствие единодушному «блоковому» голосованию (например, голосованию всех членов профсоюзов за социалистов или другие «левые» партии), а также поддерживается меньшинство внутри любой сформированной по интересу группы (религиозной, этнической или локальной), поскольку оно получает возможность голосовать отлично от большинства. Такая структура увеличивает гибкость сообщества и возможность воздействовать (сдерживать или подталкивать) на правительство как на ответственный перед сообществом орган, осуществляющий перемены.

В определенном смысле «социальный» компонент гражданства является наиболее фундаментальным из всех трех<sup>32</sup>. Некая форма равенства социальных условий как составная часть «общественной справедливости» была одной из главных тем западной истории, начиная с Французской революции, но в институциональном отношении она получила развитие значительно позже. Представляется, что полное раскрытие этой темы должно произойти с устранением неравенств, связанных с государственным абсолютизмом и аристократией, когда возникли новые напряженности между тем, что диктовалось принципом равенства возможностей, и тем, что вытекало из принципа равенства в принадлежности к сообществу. Центральным принципом здесь, может быть, является то, что члены общества должны иметь не просто формальные, но реальные возможности конкурировать с другими членами, причем с достаточными шансами на успех, а тем, кто по естественным причинам не могут быть участниками состязательного комплекса, полное членство в сообществе не предоставляется. Поэтому делаются всяческие послабления для тех, кто, подобно детям, по естественным причинам не способны участвовать в конкуренции; для тех, кто, подобно малообразованным беднякам, не по своей вине

---

<sup>31</sup> Rokkan S. Op. cit.

<sup>32</sup> См.: Marshall T.H. Op. cit.

испытывают серьезные затруднения и, чтобы конкурировать, должны получать «помощь»; и для тех, кто, подобно престарелым, нуждаются в поддержке. К тому же у конкурентной системы должен быть «нижний порог», определяющий стандарт «благополучия», на который *претендуют* все члены общества и который понимается как «право» жить на уровне этого стандарта, а не как «благотворительность».

Третий революционный девиз — *Fraternité* — подразумевал синтез двух других на более высоком нормативном уровне. В определенном смысле он был окончательным воплощением идеалов Реформации в секулярном обществе. Провозглашенное в них солидарное социальное сообщество не могло быть двухклассовой системой в любом из средневековых воплощений, таких, как церковь и государство, священнослужители и миряне или аристократы и простолюдины. Оно должно быть *единым* сообществом. Его членов следовало считать не только свободными и равными в означенных выше смыслах, но и связанными общей национальной, автономной солидарностью. Такому социальному сообществу надлежало быть дифференцированным от государства в качестве более высокого начала, осуществляющего легитимный контроль над государством. Но степень его дифференцированности была все еще далека от современного уровня, особенно в том, что касалось полной плюрализации.

Французское общество в течение XIX в. институционализировало демократическую конструкцию социального сообщества, но далеко не в полном объеме и не в необратимой форме<sup>33</sup>. Французские правые вплоть до нынешнего столетия упорно цеплялись за образцы старого режима. Они возглавили несколько «экспериментов» по восстановлению монархии и де-факто сумели сохранить социальный престиж для аристократии, а также сильные, хотя и оспариваемые, позиции для государственной католической церкви. Эта конфликтная ситуация внутри Франции усугублялась тем, что на большей части континента сохранялись старые порядки, несмотря на распространение революционных новшеств, особенно благодаря наполеоновским завоеваниям.

Хотя Англия ушла гораздо дальше в процессе плюрализации, что было тесно связано с ее ведущей ролью в промышленной революции, радикальные прорывы в сторону демократизации здесь отсутствовали и расширение избирательных прав шло постепенно

---

<sup>33</sup> См.: *Hoffmann S. Paradoxes of the French political community//Hoffmann S. et al. In research of France. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press. 1963.*

начиная с 1832 г. В течение всего XIX в. аристократия сохраняла в английском обществе сильные позиции, хотя она была и менее «закостенелой», чем в большинстве стран континента, и представляла собой меньшее препятствие для плюралистической дифференциации и постепенной демократизации<sup>34</sup>.

Борьба вокруг демократизации была главным элементом европейских социальных конфликтов XIX в. Наполеон в определенных отношениях был наследником революции. Реставрация «легитимизма» Священным союзом была направлена не только против французского «империализма», но и против революционных идей. Показательно, что его крушение в 1848 г. началось во Франции, но приобрело особую интенсивность на восточных окраинах европейской системы.

На протяжении всего XIX столетия лидерство в европейской системе сохранялось за ее северо-восточным сектором, где вызревали все наиболее острые «диалектические» противоречия между английским и французским подходами. Оба подхода были необходимы для нарождающегося синтеза — в одном подчеркивалась экономическая производительность и плюрализация социальной структуры, в другом — демократизация государства-нации, национализм и новый тип социетального сообщества.

Однако важные процессы шли и в других, менее развитых регионах. Серьезный возмущающий эффект в европейской системе произвело появление имперской Германии. Она в полной мере воспользовалась потенциалом как промышленной революции, так и недемократического, «авторитарного» государства, в то время как Франция и Англия были недостаточно сильными и объединенными, чтобы противостоять новой силе путем подлинного синтетизирования составных элементов современного общества.

В это же время на европейскую систему пала тень «колоссов» Востока и Запада. Сыграв решающую роль в победе над Наполеоном и став одним из главных участников решений Венского конгресса и гарантом меттерниховской системы, на сцену основных событий в европейской системе вышла Россия. К началу первой мировой войны недвусмысленно возросло значение для «системы» Соединенных Штатов.

---

<sup>34</sup> Marshall T.H. Op. cit.

## **НОВОЕ ЛИДИРУЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И НОВЕЙШАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ**

---

Промышленная и демократическая революции были частью великого преобразования, в ходе которого шаг за шагом сдавались институциональные бастионы социальной системы, находящейся на начальной стадии модернизации. Европейские монархии выжили только там, где они стали конституционными. Аристократия все еще подает признаки жизни, но главным образом в неформальных компонентах стратификационных систем, нигде не являясь центральным элементом структуры. Все еще существуют государственные церкви, но только на такой менее модернизированной периферии, какую представляют собой Испания и Португалия, где еще сохраняются строгие ограничения религиозной свободы. Общая тенденция состоит в движении к вероисповедальному плюрализму и отделению церкви от государства, хотя в коммунистических странах здесь существуют особые проблемы. Промышленная революция сместила центр организации экономической жизни из сельского хозяйства, из торговли и ремесел небольших городских поселений и раздвинула рынки.

В итоге при наступлении эпохи современности в ее «зрелых» формах настолько ослабились аскриптивные рамки, заданные монархией, аристократией, государственными церквями и экономикой, ограниченной родственными и локальными связями, что эти рамки перестали оказывать решающее влияние. Напротив, все возрастающе важными становились некоторые характерные для современной системы элементы, в какой-то степени уже получившие развитие к XVIII в. В первую очередь это относится к универсалистской правовой системе и светской культуре, распространившейся по всему западному миру благодаря Просвещению. В ходе дальнейшей модернизации политических сторон социального сообщества выделялись принцип добровольной ассоциации, национализм, гражданство и представительность власти. В сфере

экономики произошла дифференциация рынков по факторам производства, прежде всего появился рынок труда. Трудовые услуги, предполагающие «занятость», все в большей мере стали оказываться через нанимающие организации, структурно выделившиеся из домашних хозяйств. Появились новые модели эффективной организации специализированных функций, такие, как администрация (государственная и военная) и рыночная экономика. Демократическая революция непосредственным образом стимулировала развитие первой, промышленная революция — второй. Вебер предвидел, что на каком-то последующем этапе эти две модели должны слиться в виде бюрократизации капиталистической экономики<sup>1</sup>. Они, однако, начали сливаться и в других контекстах, а именно в том, что эффективность, свойственная современной системе, имеет в своей основе связи типа добровольных ассоциаций.

Мы уже видели, что структурный образец, характерный для современности, изначально сформировался на северо-западе Европы, а на северо-востоке ее — в Пруссии — некоторое время спустя возникла вторичная модель. Поразительно сходным оказался ход событий на следующей основной фазе модернизации. Соединенным Штатам, «первой новой державе», довелось играть роль, примерно сопоставимую с ролью Англии XVII в.<sup>2</sup> Америка была благоприятной почвой и для демократической, и для промышленной революций, а также для более тесного их соединения, чем это было возможно в Европе. Ко времени приезда А. Токвиля здесь уже был достигнут синтез французской и английской революций. Соединенные Штаты были таким «демократическим» обществом, о каком мечтали все, за исключением разве что французских отъявленных революционных радикалов, а по уровню индустриализации они превзошли Англию. Поэтому в нашем последующем изложении мы сосредоточимся на Соединенных Штатах.

## СТРУКТУРА СОЦИЕТАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

За изменениями, обозначенными в предыдущих разделах книги, стояли специфичные религиозное устройство и социетальное сообщество. В Соединенных Штатах сложились условия для дальнейшего отхода от основных аскриптивных институтов раннесо-

---

<sup>1</sup> *Weber M.* The theory of social and economic organization. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1947.

<sup>2</sup> *Lipset S.M.* The first new nation. N.Y.: Basic Books, 1963.

временного общества: монархии с ее «подданными», а не гражданами; аристократии; государственной церкви; экономики, работающей на местный рынок и на основе минимального разделения труда; этнически определенного социетального сообщества, или «нации».

Американская территория была первоначально заселена одной определенной группой мигрантов. Это были «нонконформисты», не столько спасавшиеся от преследований, сколько искавшие большей религиозной независимости, чем у себя на родине<sup>3</sup>. В большинстве своем они придерживались пуританских убеждений, которые М. Вебер считал ядром «аскетического» протестантизма. В разных колониях, однако, они подразделялись на множество течений и сект.

В ранний период, и особенно в конгрегационистском Массачусетсе, каждая из многочисленных колоний учреждала свою собственную церковь. Но при этом шло распространение (решающая его фаза произошла накануне Войны за независимость<sup>4</sup>) представлений о церкви как о добровольной ассоциации верующих, хотя в Массачусетсе полное разгосударствление произошло лишь поколение спустя. Религиозный плюрализм взятых в целом тринадцати колоний и рациональная в духе Просвещения культурная атмосфера создали условия для принятия первой поправки к конституции, предписывавшей (впервые со времени институционализации христианства в Римской империи) отделение церкви от государства<sup>5</sup>.

Религиозный плюрализм, выражавшийся в различиях между колониями, быстро превратился в плюрализм внутри колоний, в противоположность принципу *cuius regio, eius religio*. Этот плюрализм способствовал созданию обстановки веротерпимости, а в конце концов и полному включению непротестантских элементов, в особенности очень крупного католического меньшинства и относительно немногочисленного, но влиятельного иудаистского<sup>6</sup>. В недавнее время это включение получило символическое выражение

---

<sup>3</sup> *Miller P.* Errand into the wilderness. N.Y.: Harper, 1964.

<sup>4</sup> *Ibid.*; См.: *Loubser J.J.* The development of religious liberty in Massachusetts/ Unpubl. doctoral dissertation. Harvard University, 1964; *Heimert A.* Religion and the American mind: From the great awakening to the revolution. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1966.

<sup>5</sup> *Miller P.* The life of the mind in America: From the revolution to the Civil War. N.Y.: Harcourt, 1965.

<sup>6</sup> *Herberg W.* Protestant, Catholic, Jew. Garden City; N.Y.: Anchor, 1960; *Parsons T.* Some comments on the pattern of religious organization in the United States// *Parsons T.* Structure and process in modern societies. N.Y.: Free Press, 1960.

в избрании на президентский пост католика Дж. Ф. Кеннеди. Таким образом, американское общество пошло дальше Англии и Голландии в дифференциации организованной религии от социального сообщества, и это имело много важных последствий. В частности, сформировавшаяся в XIX в. общественная система образования была системой светского образования. Вокруг этой проблемы никогда не возникала, как во Франции, серьезная политическая борьба.

Параллельные изменения произошли и в этническом составе, то есть в еще одной исторической опоре «национальной» идентичности. Долгое время Соединенные Штаты были англосаксонским обществом, которое терпимо относилось к своим членам другой этнической принадлежности и обеспечивало им юридические права, но избегало полного их включения в свой состав. Проблема эта обострилась в период примерно с 1890 г. до начала первой мировой войны, когда в страну прибыло несколько волн эмигрантов-неанглосаксов из Южной и Восточной Европы, преимущественно католиков и иудеев<sup>7</sup>. Хотя процесс включения в нынешнем веке все еще не завершился, но социальное сообщество уже стало этнически плюралистическим.

На ранней стадии включения по-прежнему находятся негры. Основная масса негритянского населения до наших дней была социально и географически сегрегирована на сельскохозяйственном Юге — регионе, еще со времен Гражданской войны значительно изолированном от остального американского общества. Только в самое последнее время Юг претерпел стремительную «модернизацию» благодаря включению в общество и массовой миграции негров в города Севера и Запада. Все это стимулировало дальнейшее углубление этого процесса, что порождало острые противоречия. Но несмотря на это, со значительной долей уверенности можно прогнозировать, что в долговременной перспективе следует ожидать успешного включения негритянского населения в американское социальное сообщество<sup>8</sup>.

Одной из причин, почему американское общество стало уходить от самоидентификации в виде белого англосаксонского протестантского сообщества, было то, что эта формула — «БАПС» никогда и никоим образом не была абсолютной. Не только ирландцы говорили на английском, к тому же среди англосаксов было

---

<sup>7</sup> *Handlin O.* The uprooted. N.Y.: Grosset & Dunlap, 1951.

<sup>8</sup> *Parsons T.* Full citizenship of the Negro American?//The Negro American/Ed.by T. Parsons. Boston: Houghton-Mifflin, 1966.

много католиков, так же как среди негров — много протестантов. Плюрализму также способствовала социализация новых иммигрантских групп в духе более общих ценностей всего американского сообщества.

Совершенно ясно, что подобные тенденции открывали возможность устранения нестабильности, порождаемой этническим национализмом, и обеспечения надлежащего разграничения социального сообщества и государства. Но полиэтническим системам присуща одна особая трудность. Поскольку решающим признаком этнической принадлежности является язык, то право каждой этнической группы плюралистического сообщества пользоваться своим языком может стать причиной разрушительных внутренних противоречий, как это видно в конфликтах между валлонами и фламандцами в Бельгии и между англичанами и французами в Канаде<sup>9</sup>. Там, где язык одной этнической группы становится языком всего сообщества, для членов других групп это может служить источником серьезной напряженности. Тем не менее в единстве языка имеются колоссальные преимущества. Успешное принятие единого языка всем многоэтническим сообществом зависит, вероятно, от двух главных факторов. Во-первых, от того, каким приоритетом пользуется этническая группа, чей язык становится языком всей страны. Во-вторых, от числа конкурирующих языков; если их много, это способствует назначению одного из них на роль «официального». В двух известных «сверхдержавах» XX в. их социальные сообщества вышли за пределы простых этнических оснований и приняли единый язык.

Первоначальными поселенцами на американской территории были англоязычные колонисты из Великобритании. Другие языковые группы были небольшими и географически локализованными: голландцы проживали в Нью-Йорке, французы — на отдаленных заставах и в Луизиане, испанцы — во Флориде и на юго-западе. Никто из них не мог претендовать на то, чтобы навязать свой язык американскому обществу в целом в качестве второго языка. Первой крупной этнически отличной группой иммигрантов были католики-ирландцы, говорившие на английском (кельтский был романтическим пережитком, а не реальным языком ирландских иммигрантов). По мере того как стали прибывать группы неанглоязычных католиков, ирландцы оказывали на них давление в сторону ассимиляции в англоязычное сообщество, противясь, в частности, созданию иноязычных приходских школ. Дей-

---

<sup>9</sup> Kohn H. The idea of nationalism. N.Y.: Macmillan, 1961.



ствительно, трудно вообразить, как могли бы обеспечиваться общие интересы католиков, если бы католическая популяция была расколота на языковые группы.

Протестантские иммигранты (например, скандинавы) обычно ассимилировались довольно легко, и язык здесь не был значительным препятствием. Евреи в больших количествах стали переселяться довольно поздно, и они не привносили с собой какой-либо один из основных европейских языков. К тому же их численность никогда не превышала пяти процентов от всего населения. Таким образом, Соединенные Штаты сохранили английский язык как общий язык всего социетального сообщества без того, чтобы у людей возникало чувство, что им «навязана» англосаксонская гегемония.

В результате в Соединенных Штатах успешно установилось довольно хорошо интегрированное социетальное сообщество на основах, не являющихся по преимуществу этническими или религиозными. Несмотря на разнообразие своего населения, страна избежала борьбы этнолингвистических или религиозных сообществ за политическую независимость или «равные права» в таких масштабах, которые могли бы подорвать сплоченность объединяющего всех единого сообщества.

Важное и в чем-то параллельное развитие претерпела американская модель аскриптивной стратификации, в особенности по сравнению с европейскими моделями, типичным представителем которых была аристократия. Американское же население было поголовно неаристократическим по происхождению, а местная аристократия здесь не сложилась<sup>10</sup>. К тому же значительная доля людей, принадлежавших к высшим по происхождению слоям, покинула страну во время Американской революции. Конституцией было запрещено присвоение титулов, а такие факторы, как земельная собственность и богатство, не получили законного признания в качестве критериев для доступа к правительственным должностям и власти. Хотя американское общество внутренне всегда делилось на классы, оно никогда не страдало от пережитков аристократии и крепостничества, так долго сохранявшихся в Европе; что-то близкое европейской ситуации проявилось на Юге. Более богатые и лучше образованные группы были шире представлены в правительстве, но при этом всегда присутствовало и настойчивое популистское давление, имелись также относительно высокая политическая мобильность и продвижение с помощью нажитого богатства, а позднее — образования.

---

<sup>10</sup> *Rossiter C. Seed time of the republic. N.Y.: Harcourt, 1953.*

Так, американское общество без сколько-нибудь заметных революционных потрясений рассталось с традицией аристократизма. В нем также отсутствовало наследие европейского крестьянства. По мере развития индустриального рабочего класса в нем никогда не вызревало что-либо подобное европейскому уровню «классового сознания», во многом благодаря отсутствию аристократических и крестьянских элементов<sup>11</sup>.

Американская система также далеко ушла вперед в дифференциации государства и социетального сообщества. Для такой дифференциации необходимо, чтобы право на замещение должностей было освобождено от аскриптивных моментов, от привязки к монархии и аристократии, и связано с принципом достижения. Далее, власть должна быть ограничена легально определенными полномочиями должности так, чтобы частные прерогативы, имущественные интересы и тому подобное были строго отделены от должностных. Наконец, принцип выборности требует, чтобы должностные лица зависели от поддержки избирателей; потеря должности в результате поражения на выборах является здесь неизбежным риском. Одним из первостепенных механизмов порождения и поддержания такой дифференциации стала независимость правовой системы от исполнительной и законодательной ветвей власти.

Связь между государством и стратификацией сообщества развилась в еще одном механизме. Обретя независимость, нация выбрала республиканскую форму правления (с тщательно проработанными предосторожностями против абсолютизма)<sup>12</sup>, связанную с социетальным сообществом посредством избирательного права. Хотя поначалу это право было ограничено, в основном имущественным цензом, оно быстро расширилось и относительно рано, в начале XIX в., стало всеобщим правом для мужчин, за исключением негров. Высшая государственная власть всюду была передана избираемым должностным лицам — президенту и членам Конгресса, губернаторам штатов и членам местных законодательных органов. Единственным исключением было назначение федеральных (а затем все чаще и штатных) судей, причем ожидалось или формально оговаривалось, что это должны быть профессиональные юристы.

Вскоре сложилась отчетливо соревновательная партийная система, основанная на участии в политике широких сегментов со-

---

<sup>11</sup> Hartz L. The liberal tradition in America. N.Y.: Harcourt, 1955.

<sup>12</sup> Rossiter C. Op. cit.; Jensen M. The articles of confederation. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1940.

циетального сообщества<sup>13</sup>. Она была относительно текучей, ориентированной на плюралистическую структуру «групп интересов», а не на устойчивые солидарности регионального, религиозного, этнического или классового типа, более характерные для Европы.

Социетальное сообщество должно соотноситься не только с религиозной и политической системами, но и с экономикой. В Соединенных Штатах факторы производства, включая землю и труд, были относительно свободны от аскриптивной зависимости и федеральная конституция гарантировала беспрепятственное перемещение трудовых ресурсов и передачу прав собственности на землю из штата в штат. Такая свобода способствовала достижению высокой степени разделения труда и развитию расширяющейся рыночной системы. Тем самым были подорваны виды экономической деятельности с локальной и традиционной ориентацией и аскриптивные общинные структуры, в рамках которых они протекали, что имело важные последствия для стратификационной системы; по мере того как эта система укоренялась в структуре занятости, она продвигалась к универсализму и открытой классовой структуре, но никак не к радикальному эгалитаризму.

Возникшее в результате всех этих процессов американское социетальное сообщество было в первую очередь построено на принципе *добровольной ассоциации*. Эта характерная черта обусловлена определенными особенностями ценностной системы. Универсализм, в раннесовременную эпоху наиболее «чисто» проявившийся в этике аскетического протестантизма, оказал сильное и продолжительное «ценностное давление», склонявшее сообщество к включению в себя иноверия, которое к настоящему времени охватило весь иудео-христианский мир и начинает распространяться за его пределы. Конечно, будь момент включения единственным, он мог бы привести просто к некой статичной универсалистской веротерпимости. Однако его дополняла активистская убежденность в возможности построения хорошего общества в соответствии с волей Божьей, именно эта приверженность лежит в основе стремления овладеть всей социальной средой в полном объеме путем расширения территорий, роста экономики, накопления знаний и т.д. *Соединение* этих двух компонентов имеет самое прямое отношение к той преимущественной важности, какую имеет принцип добровольной ассоциации в современной социальной структуре с такими наиболее заметными ее чертами, как политическая и «социальная» демократия.

---

<sup>13</sup> *Chambers W.N.* Political parties in a new nation. 1776–1809. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1963; *McCormick R. P.* The second American party system. Chapel Hill: Univ. of North California Press, 1966.

В Соединенных Штатах значение принципа ассоциации было усилено за счет постепенного освобождения от таких структурообразующих аскриптивных образований, как этническая группа и социальный класс. На раннесовременной стадии наиболее важной основой сообщества в Европе была этнонациональная принадлежность. Однако по всей Европе совпадение между этнической принадлежностью и территориальным принципом ее организации не было полным. Этноцентрический «национализм» поэтому не стал адекватной заменой религии как основы социетальной солидарности, хотя важность его возрастала по мере «секуляризации» и включения религиозного многообразия в рамки единой политической юрисдикции.

Наиболее значимой новой основой для включения в социетальное сообщество стало *гражданство*, получившее развитие в тесной связи с демократической революцией<sup>14</sup>. Гражданство представляет собой отход от этнической общности с ее мощным тяготением к национализму и даже «расизму», являющейся жестким аскриптивным критерием принадлежности. Взамен пришло определение принадлежности в универсалистских терминах, которое неизбежно должно содержать отсылку на добровольное «принятие гражданства», хотя, вероятно, никакое социетальное сообщество не может быть чисто добровольной ассоциацией<sup>15</sup>. Институционализация доступа к гражданству через *натурализацию*, независимо от этнического происхождения индивидов, знаменует решительный разрыв с императивом членства по этническому признаку.

Становление американской модели гражданства в общих чертах проходило по тому пути, который описан Т. Маршаллом в отношении Великобритании, где все начиналось с собственно «гражданского», в его терминологии, компонента, за которым следовало развитие «политического» и «социального» компонентов. «Социальный» компонент в Америке хотя и запаздывал по сравнению с основными европейскими обществами, в нашем столетии вышел на новый уровень благодаря общественной системе образования, социальному обеспечению, политике всеобщего благосостояния, страхованию, профсоюзным льготам и другим подобным мерам. Нынешняя озабоченность проблемой бедности означает новый этап его совершенствования. Говоря в целом, структурные очертания «граждан-

---

<sup>14</sup> Marshall T.H. Class, citizenship and social development. Garden City; N.Y.: Anchor, 1965.

<sup>15</sup> См.: Deutsch K.W. Nationalism and social communication. Cambridge (Mass.): M.L.T. Press, 1953.

ства» в новом социетальном сообществе завершены, хотя еще и не полностью институционализированы. Существует две взаимоусиливающие точки напряженности, само присутствие которых указывает на необходимость новых структур: раса и бедность. В этом направлении прежде всего надо активизировать процессы включения и повышения уровня адаптивной способности.

В стабильном социетальном сообществе, столь радикально, как это произошло в американском обществе, покончившем с религиозным и этническим единообразием, на центральное место выходит высокоразвитая правовая система. Пуританская традиция и Просвещение создали основательные предпосылки для писаной конституции, в которой слышны сильные отзвуки идей Завета и общественного договора<sup>16</sup>. Индивидуалистический страх перед авторитаризмом непосредственно выразился в принципе разделения властей<sup>17</sup>. Федеральная структура была практически неизбежной в условиях правовой разделенности колоний. Все три обстоятельства способствовали развитию правовых форм и учреждений, управляющих правовые функции. Многие из создателей конституции имели юридическое образование. И пусть они и создали только один Верховный суд, не определив четко ни характеристики, необходимые для назначения на пост судьи, ни круг полномочий суда, все же основы для особо важного места правового порядка были ими заложены.

Но отцы-основатели не совсем ясно предвидели три важных последствия своего деяния. Первое — это важность юридического посредничества в урегулировании конфликтов между ветвями федеральной власти, между штатами, а также между штатами и федеральным правительством. Второе — это принятие и дальнейшее развитие английского обычного права, в результате чего началось размножение «изготовленных судьями» законов. Наконец, произошла широкая экспансия и профессионализация юридической практики. В отличие от правовых систем континентальной Европы, организация юридической профессии в Англии не предназначалась для исполнения государственных функций, хотя представители ее и участвуют свободно в политике<sup>18</sup>.

---

<sup>16</sup> См.: *Corwin E.S.* The «Higher Law»: Background of American constitution law. Ithaca: N.Y.: Cornell Univ. Press, 1955.

<sup>17</sup> *Bailyn B.* General Introduction//Pamphlets of the American Revolution. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1965.

<sup>18</sup> *Pound R.* The spirit of the common law. Boston: Beacon, 1963; *Hurst J.W.* Law and the conditions of freedom. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1956.

Поскольку американское государство оказалось крайне децентрализованным из-за разделения властей и федерального самоуправления штатов, юридические институты сыграли особенно важную роль в смягчении местной автономии, представляющей столь критическую силу во всех раннесовременных обществах. Наиболее ярким примером здесь может служить недавняя реинтеграция в общенациональный контекст американского Юга.

В конституционных принципах делался непреклонный упор на универсалистские критерии гражданства. Эти критерии подвергались весьма последовательной эволюции как по линии их конкретизации, так и по линии генерализации, все это в тесном единстве с эволюцией правовой системы, в особенности в том, что касается вклада федеральной судебной власти в виде интерпретации законов. Одним из последствий этого было давление в направлении все более широкого включения в сообщество различных категорий населения, самым драматическим примером чего могут служить негры.

На более общем уровне в том, что Маршалл назвал «собственно гражданским» компонентом гражданства, существует имеющая важное значение двойственность, особенно заметная в Соединенных Штатах ввиду особой склонности этой страны полагаться на писаную конституцию. Одна сторона дела — это знакомые всем права и обязанности гражданина в том виде, в каком они были сформулированы в ходе развития права. Этот аспект, конечно, охватывает широкую область, и определенные принципы «равенства перед законом» дают себя знать почти всюду. За ним, однако, стоят более общие принципы, впервые воплощенные в Билле о правах, а затем расширенные в поправках к конституции и судебных толкованиях; особенно важный этап такого расширения состоялся в недавнее время. В этом комплексе содержится усиливающаяся с течением времени эгалитарная установка, которая подчеркивает основополагающее равенство прав граждан на защиту, на определенные свободы, на определенный уровень жизнеобеспечения, на равные возможности, и особенно в том, что касается доступа к образованию и профессиональному совершенствованию. По правде говоря, кажется, не будет ошибкой назвать новое социетальное сообщество, по меньшей мере в самом общем виде, обществом равных. Отступления от эгалитарного принципа должны иметь оправдание либо в неспособности полноценного участия, как в случае малолетних детей, либо в компетентности высочайшего уровня и, следовательно, в особом вкладе в благосостояние всего общества.

## РЕВОЛЮЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ И НОВЕЙШАЯ СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Недавняя революция в образовании имеет такое же значение, какую имели промышленная и демократическая революции. «Дитя» Просвещения — образование имеет главной целью усвоение интеллектуальных дисциплин, берущих начало в секулярной философии и сгруппированных в виде естественных, гуманитарных и социальных наук. Эти светские дисциплины были институционализированы в «академической» системе, то есть в системе высшего образования, основанной на университетах. Университеты являются центрами не только обучения, но и систематического приобретения новых знаний посредством исследовательской работы. В сравнении со своими средневековыми и раннесовременными предшественниками, университет наших дней выполняет все виды деятельности в небывалых объемах<sup>19</sup>.

Одной из черт этой новой революции является распространение начального образования. До начала XIX в. в любом достаточно многочисленном обществе даже элементарная грамотность не выходила за пределы небольшого элитарного круга. Попытка дать образование *всему* населению стала радикальным прорывом. Формальное образование в учебных заведениях насчитывает долгую историю, но до образовательной революции оно охватывало лишь небольшую долю в каждом поколении и продолжительность его была гораздо меньше, чем в наши дни. Революция поэтому означала колоссальный сдвиг в сторону равенства возможностей. В каждом последующем поколении постоянно уменьшается число людей, лишенных возможности получить образование, необходимое для достижения различных статусов и в сфере занятости, и в стиле жизни. Особенно заметным сдвигом в этом направлении было распространение совместного обучения для лиц обоего пола.

В то же самое время система образования по необходимости является избирательной. Различия во врожденных способностях к умственной работе, в семейных ориентациях и индивидуальных мотивациях означают, что разными будут и уровни получаемого образования, и сравнительные успехи учащихся. Этот фактор стал отчетливо проступать в том, что сегодня принято называть «меритократией», которая, сколь бы ни была она совместима с идеалами

---

<sup>19</sup> Ben-David J. The sociology of science. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1971; Parsons T., Platt G.M. Some considerations on the American academic profession//Minerva. 1968. Vol. 6. № 4. P. 497–593.

равенства возможностей, привносит-таки новые, весьма существенные формы неравенства в современную социальную систему.

Одной из главных черт революции в образовании было последовательное повышение уровня образованности населения за пределы элементарной грамотности. Критический момент был достигнут, когда «отсев» не закончивших среднюю школу стал рассматриваться как проблема — как порождение людей, чьи статусные характеристики не обеспечивают им полноправное членство в социальном сообществе. Вдобавок все больше людей вовлекалось в высшее образование. В относительно стабильной ситуации Европы конца XIX в. высшее образование было доступно небольшой элитарной группе, никогда не превышавшей пяти процентов от своей возрастной когорты. Соединенные Штаты решительно порвали с этими пределами; доля получающих какое-либо высшее образование среди молодежи составляет около сорока процентов, и эта цифра постоянно растет.

Неуклонно набирает силу творческо-новаторская функция образовательной системы. На ранних этапах промышленной революции «изобретения» были в подавляющем большинстве случаев делом рук «практиков». Прикладная наука не оказывала серьезного воздействия на технику вплоть до конца XIX в. Ныне же техника стала в высшей степени зависимой от «отдачи» научных исследований, охватывающих широчайший спектр естественных наук — от ядерной физики до генетики, а также социальные или «поведенческие» науки, и в первую очередь, разумеется, экономику и некоторые отрасли психологии. Социальные науки делят с естественными науками заслуги в разработке некоторых поразительных новшеств в исследовательских методах. Например, математическая статистика и компьютерная технология облегчают объективное исследование крупных популяций и расширяют диапазон возможностей эмпирических подходов<sup>20</sup>.

То, что в социальном развитии Соединенных Штатов возобладал принцип добровольной *ассоциации*, предопределило раннее наступление революции в образовании и ее небывалый по сравнению с любым другим обществом размах. Революция же в свою очередь укрепила принцип ассоциации главным образом через свое воздействие на системы стратификации и занятости. Некоторые аскриптивные элементы в системе стратификации были основательно подорваны.

---

<sup>20</sup> См.: *Brooks H. Scientific concepts and cultural change//Science and Culture/Ed. by G. Holton. Boston: Beacon, 1966.*



Конечно, принцип наследования уступал свои позиции медленно и не полностью. Пока сохраняют свое значение родственные и семейные связи, он, вероятно, и не может быть полностью устранен. Семейная солидарность предполагает, что дети с самых ранних лет делят с родителями все выгоды и невзгоды их положения, а в более широком мире награды за компетентность столь высоки, что неизбежно возникает стремление увековечить достигнутый статус в последующих поколениях<sup>21</sup>. Но все это сильно отличается от наследственных привилегий в прямом смысле этого слова.

XX век открыл новую стадию перехода от наследственно аскриптивной к полностью неаскриптивной стратификации. Каждая из первых двух революций породила идеологию, воплощавшую стремление определенных групп к достижению неаскриптивного статуса. Идеология промышленной революции возвысила «преследование индивидами собственных интересов» (тем самым и интересов семьи) во имя улучшения своего материального положения. Идеальным участником этой конкурентной системы был «самостоятельно пробившийся человек», сумевший соединить свои врожденные способности с возможностями, открываемыми конкурентной рыночной системой. Провозглашалось, что наибольший успех принадлежит самым способным. С демократической революцией ассоциировалась идеология политического равенства всех граждан в противоположность аскриптивному неравенству системы привилегий, аристократии и государственного абсолютизма.

Идеологическая дилемма «капитализм или социализм» глубоко уходит корнями в оба понятия, каждое из которых исходило из неприемлемости аристократической системы. Капиталистическая альтернатива подчеркивала, во-первых, свободу от аскриптивного прошлого, затем защиту от государственного «вмешательства». Социалистическая альтернатива предлагала мобилизацию государственной мощи для установления всеобщего равенства при почти полном игнорировании условий эффективного функционирования экономики (хотя в Советском Союзе уделяется огромное внимание экономическому росту и развитию оборонной мощи\*) и эффективности государства в иных отношениях. Обеим системам

---

<sup>21</sup> *Parsons T. A revised analytical approach to the theory of social stratification// Parsons T. Essays in sociological theory. N.Y.: Free Press, 1954.*

\* Здесь и далее у Т. Парсонса речь идет о Советском Союзе до 1970 г. — *Прим. ред.*

не удалось опереться на адекватные концепции социального общества и условий, необходимых для поддержания их внутренней солидарности<sup>22</sup>.

Главное в новой фазе образовательной революции, которая в определенном смысле синтезирует мотивы промышленной и демократической революций, — это равенство возможностей и гражданское равенство. Теперь уже не подразумевается, что существует «врожденная способность» индивида достигать *справедливого* положения непосредственно через рыночную конкуренцию. Вместо этого признается, что стратификация по способностям должна быть опосредована целым комплексом различных стадий, которые проходит индивид в процессе своей социализации. Все в большей мере создаются условия для того, чтобы имеющие худшие начальные позиции могли преуспеть с помощью отбора, регулируемого в невиданных доньше масштабах универсалистскими нормами.

«Утопизм» полного политического равенства смягчается с помощью структур, располагающихся между «абсолютным» индивидом и высшим коллективом — национальным сообществом. Эти структуры не исключают неравенства как такового, они даже легитимизируют какие-то его формы, но при этом тяготеют к минимизации аскриптивной заданности такого неравенства или произвола в том, как они создаются. Люди «обучаются» и отбираются в соответствии с *социализированной* способностью к выполнению ответственных ролей, требующих высокого уровня компетентности и влекущих за собой высокий уровень вознаграждений, включая доход, политическое влияние и, в несколько меньшей мере, власть.

Образование является одним из особенно важных факторов в общей стратификации как в социалистической, так и в свободно предпринимательской разновидностях современной системы<sup>23</sup>. Будущие изменения будут отправляться от этой модели, а не обходить ее. Они не смогут основываться на относительно «чистых» экономических критериях отбора, на навязывании политической властью «монотонного» равенства или на посылке, что такое равенство возникнет «спонтанно», если только устранить определенные препятствия, что по сути своей повторяло бы романтические идеи XVIII столетия о добродетельности «естественного человека».

---

<sup>22</sup> См.: Marshall T.H. Op. cit.

<sup>23</sup> См.: Bendix R., Lipset S.M. Class, status, and power. N.Y.: Free Press, 1965.

Образовательная революция оказывает глубокое и все возрастающее воздействие на общественную структуру занятости, в особенности в направлении общего повышения адаптационной способности общества. Чрезвычайно значима здесь возрастающая важность «свободных профессий». В социологической литературе принято рассматривать профессиональные роли работников в контексте «бюрократии», когда подчеркивается иерархическая организация и «линейная» подчиненность. Профессиональный компонент, однако, более эффективно институционализируется во взаимодействиях другого рода — в «коллегиальной» форме *ассоциации*, членство в которой является не просто добровольным участием, но одновременно и «работой» с ее профессиональными ролями<sup>24</sup>.

Профессиональный комплекс уходит корнями в античную древность и Средние века, особенно там, где речь идет о деятельности священнослужителей, юристов и медиков. Новый этап начался, когда во главу угла в конце XIX в. была поставлена научная компетентность сначала в юриспруденции и в «научной медицине», а затем во многих отраслях инженерного дела и прикладных наук, а равно и в областях социально-поведенческого цикла.

Требуемой для профессиональной деятельности компетентности, как правило, достигают только с помощью продвинутого формального образования, которое сосредоточено сегодня в академических условиях. Современный университет поэтому стал замковым камнем профессиональной арки. Профессия в самом чистом виде — это академическая профессия, профессия поиска и передачи знаний. Она окружена кольцом профессий, посвященных приложению знаний к задачам общественного порядка (право), здоровья (медицина), эффективности государственных и частных организаций (администрация), эффективного использования ресурсов вне социальной среды (технология) и т.д.<sup>25</sup>

Таким образом, революция в образовании через развитие академического комплекса и каналов практического применения научных разработок дала старт преобразованию всей структуры современного общества. Сверх всего она уменьшает важность двух главных объектов идеологического внимания — рынка и бюрократической организации. На передний план выдвигается организация по принципу ассоциации, особенно в ее коллегиальной форме.

---

<sup>24</sup> См.: *Parsons T. Professions//International Encyclopedia of the Social Sciences*. N.Y.: Macmillan, 1968.

<sup>25</sup> *Ibid.*

## ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБРАЗЦА И СОЦИЕТАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Как мы объяснили выше, воспроизводство образца является одной из четырех основных функциональных потребностей любого общества (или иной системы действия). Мы определяем ее, во-первых, как поддержание основного образца институционализированных в обществе ценностей и, во-вторых, как оформление и поддержание надлежащих мотивационных обязательств индивидов перед обществом. Прослеженные нами преобразования в религиозной и образовательной сферах представляют собой крупный сдвиг в американской системе сохранения образца.

Если сравнивать плюрализацию американского религиозного комплекса, увенчавшуюся включением больших непротестантских групп, с тем, как действовала старая государственная церковь, то в каком-то смысле ее можно рассматривать как процесс дальнейшей «секуляризации». Поскольку ценности общества уходят своими корнями в религию, одним из возможных последствий плюрализации религии является разрушение морального или ценностного консенсуса. В Соединенных Штатах, однако, такого разрушения в общем не произошло. Гораздо важнее оказался процесс поднятия уровня *генерализации* ценностей. В основе своей моральное единство сохранилось, но моральные ценности теперь определялись на более абстрактном уровне, чем в европейских обществах, где было институционализировано религиозное единообразие. Эти высокообобщенные ценности через конкретизацию применяются в многочисленных структурных контекстах, необходимых современному обществу. Таким образом, мы настаиваем на том, что американское общество и другие современные общества, хотя и несколько иным путем, сохранили прочные моральные устои, пережившие религиозный плюрализм и секуляризацию и даже укрепившиеся благодаря им.

Нынешняя социальная структура характеризуется особым рода интеграцией с культурной системой. В некотором смысле современность началась с разделения присущей Средневековью слитности общества с религией, в результате чего стали возможными Ренессанс и Реформация. С тех пор социетальная *система* претерпела целый ряд «деклараций независимости», освобождающих ее от пристального культурного и тем более религиозного «надзора». Эта независимость успешно осуществлялась в трех главных направлениях — в направлении установления правового порядка, впервые институционализированного в Англии XVII в.; национально-политического порядка, в первую очередь в предреволюцион-

ной Франции; и рыночно-экономического порядка, утверждавшегося вслед за промышленной революцией.

На новейшей стадии развития актуализируется изначальное значение культурных элементов. В фокусе, однако, находится уже не религия, а светские «интеллектуальные дисциплины» и, может быть, в особом смысле «искусства», независимо от того, называются ли они «изящными» или нет. Если на ранней стадии модернизации на подъеме была философия, то в XX в. это место заняла «точная наука», прежде всего из-за своего проникновения в области социальных и поведенческих наук и даже в гуманитарную область. Образовательная революция создала механизмы, посредством которых новые культурные стандарты, главным образом те, что воплощены в интеллектуальных дисциплинах, институционализируются таким образом, что частично замещают традиционную религию.

Эта новая конфигурация не свободна от напряжений. В отличие от прошлого века, когда острые столкновения стимулировались проникновением дарвинизма в дела религиозные, в последнее время было относительно мало религиозных волнений, связанных с наукой. Большая озабоченность, однако, проявлялась относительно «культуры», преимущественно искусства и некоторых аспектов философии; одной из тем этой озабоченности стало распространившееся в обществе «аристократическое» презрение к «массовой культуре», описанное такими деятелями, как Т. С. Элиот, Д. Макдональд и Х. Ортега-и-Гассет. Да и заботы внутри самой религии совсем иные, непохожие на характерную для XIX в. борьбу с наукой. Одна из таких забот — экуменизм, столь широко провозглашаемый «либералами», и в особенности сдвиги в католичестве, инициированные папой Иоанном XXIII и вторым Ватиканским собором. Другая — новый скептицизм относительно всякой традиционной и организованной религии, проявившийся в атеистической ветви экзистенциализма (Ж.П. Сартр)<sup>26</sup> и в концепции «Бог умер» внутри протестантизма.

Похоже, что отчуждение интеллектуалов является в первую очередь проявлением напряжения, порождаемого повышением уровня «генерализации ценностей». Ценностная конкретность некоторых старых символических систем препятствовала установлению *морального* консенсуса, который на уровне высших социальных ценностей мог иметь скорее интегрирующее, нежели раз-

---

<sup>26</sup> См.: Crozier M. The cultural revolution: Notes on the changes in the intellectual climate in France//A new Europe?/Ed. by S. R. Graubard. Boston: Beacon, 1966.

деляющее воздействие. Мы называем сопротивление генерализации ценностей «фундаментализмом». Он заметно проявлялся в религиозных контекстах, часто тесно связанных с крайним социальным консерватизмом, таким, как у голландских кальвинистов в Южной Африке. Фактически фашистские движения XX в. в целом были в этом смысле фундаменталистскими. Можно говорить о фундаментализме крайних левых — от коммунистической партии на определенных этапах до сегодняшних новых левых.

Происходили также крупные изменения в механизмах создания и поддержания в членах общества надлежащих мотивационных установок, что является второй главной задачей функции воспроизводства образца. Некоторые из этих изменений коснулись семьи<sup>27</sup>. Дифференциация между организациями, где протекает работа, и домашними хозяйствами вывела экономически продуктивную деятельность за пределы дома. По многим причинам этот сдвиг сработал в направлении изоляции нуклеарной семьи, состоящей из супружеской пары и несовершеннолетних детей. Кормилец семьи, обычно взрослый мужчина, вовлечен в мир профессиональной занятости, где его оценивают прежде всего по его работе. Такая оценка несовместима со статусными системами кровно-родственного или этнического свойства с аскриптивно закрепленными позициями индивидов и семейств.

Изоляция не предполагает полного разрыва связей с более широким кругом родственников, особенно с семьями супругов, которые обычно очень важны. Однако нуклеарная семья обретает все большую независимость во всем, что касается собственности, общественного статуса и даже религиозных обязательств и этнических обычаев. Наиболее значимым показателем такой независимости служит сокращение числа организованных родителями браков, что резко контрастирует с практикой преимущества родовой солидарности, соблюдавшейся и в крестьянских, и в аристократических слоях.

Зависимость семьи и в смысле дохода, и в смысле статуса от заработков по месту работы поощряет мобильность в выборе места жительства. Излюбленным типом жилья стало жилище на одну семью, снимаемое или купленное в собственность. Географическая мобильность ведет к ослаблению не только родственных связей, но и определенных связей типа *Gemeinschaft*. Акцент смещается в сторону замкнутой частной жизни и не очень тесных отношений с соседями.

---

<sup>27</sup> *Parsons T. The kinship system of the contemporary United States//Essays in sociological theory. N.Y.: Free Press, 1954.*

Эти перемены повысили значение семьи как источника эмоциональной устойчивости для ее членов, исполняющих другие роли в обществе. В современных условиях оказались подорванными другие диффузные эмоциональные отношения, а в некоторых аспектах члены семьи стали испытывать усиливающиеся стрессы вне дома из-за груза обязанностей, возложенных на них на работе и в учебном заведении. Поэтому общее направление процесса идет в сторону дифференциации, при которой семья сосредоточивается на функции сохранения образца в том, что касается ее членов, а другие функции исключаются.

В результате большие нагрузки выпадают на долю домохозяек, которые должны становиться все более самостоятельными в выполнении своих обязательств перед мужьями и детьми. К тому же роль женщины претерпела серьезные изменения, символизируемые получением избирательного права и участием в образовании и трудовой деятельности.

И в этом контексте революция в образовании имела важные последствия. Во все возрастающей степени социализация в аспекте, связанном с успехами во внесемейных ролях, осуществляется в образовательных институтах, которые отделены от семьи. Все больше система образования, а не семья служит непосредственным поставщиком трудовых ресурсов в экономику. Точно так же образовательная система, а не система родства все более определяет место индивидов в системе стратификации.

Здесь мы можем рискнуть дать более общую, чем до сих пор, интерпретацию образовательной революции. Две революции сформировали эпоху, называемую ранней современностью: *промышленная*, в ходе которой дифференцировались экономическая и политическая системы и установились новые связи между ними, и *демократическая*, которая привела к аналогичным изменениям в отношениях между политической системой и социальным сообществом. Можно предположить, что революция в образовании стала высшей точкой подобных изменений в отношениях между социальным сообществом и системой сохранения и воспроизводства образца, а также между ним и культурной системой. Мы проследили множество этапов дифференциации социального сообщества и системы сохранения образца, в особенности развитие нормативного порядка и определение социального сообщества, не увязанное напрямую с религией. *Образовательная* революция — это дальнейший шаг в направлении секуляризации. В ней, однако, присутствуют важные интегративные механизмы, в том числе средства институционализации светской культуры. Кроме того, в ней отражается все возрастаю-

щий акцент на социализированные способности как основание для полного членства в социетальном сообществе и для распределения новых членов в стратификационной системе<sup>28</sup>.

## ПОЛИТИКА И СОЦИЕТАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Дифференциация социетального сообщества и политической системы более всего касается государственного управления, но может рассматриваться и в более широком аналитическом контексте как «политический фактор» в коллективном целедостижении безотносительно к тому, какой коллектив берется за точку отсчета<sup>29</sup>.

Важнейшее в развитии рассматриваемого здесь взаимоотношения состоит в том, что политическая функция сосредоточивается в особом типа роли, называемой должностью, выборной или назначаемой, что в целом коррелируется с двумя типами коллективов — ассоциативным или бюрократическим, а также в институте гражданства. Когда выборная должность является дополнением к гражданству, а государство дифференцировано от социетального сообщества, то члены этого сообщества (и по большей части ее территориальных подразделений) становятся *электоратом*. Через избирательное право они являются высшим источником официальной власти в рамках, заданных конституцией, и конечными получателями (индивидуально, в группах или как сообщество в целом) благ, проистекающих из вклада государства в функционирование сообщества<sup>30</sup>. Выборная должность, наделенная властью принимать и проводить в жизнь обязательные для коллектива решения, представляет собой, таким образом, сердцевину лидерской функции. На уровне крупных обществ мобилизация поддержки как для избрания, так и для принятия решений осуществляется через политические партии, играющие роль посредника между государственным руководством и многочисленными «группами интересов» в электорате<sup>31</sup>.

---

<sup>28</sup> *Parsons T., Platt G.M. Higher education, changing socialization and contemporary student dissent//Aging and society/Ed. by M. Riley et al. N.Y.: Russell Sage, 1971.*

<sup>29</sup> См.: *Parsons T. The political aspect of social structure and process//Varieties of political theory/Ed. by D. Easton. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966; переиздано: Parsons T. Politics and social structure. N.Y.: Free Press, 1969. Полезны и другие статьи в последнем сборнике.*

<sup>30</sup> *Ibid.*

<sup>31</sup> *Parsons T. Voting and the equilibrium of the American political system: On the concept of political power//Parsons T. Politics and social structure. N.Y.: Free Press, 1969. И, конечно, огромное множество другой литературы.*



Служба на выборной должности обычно не является постоянной работой и редко приближается к роли, свойственной должностям в системе «занятости». В устойчивых демократиях, однако, имеется, как правило, слой относительно «профессиональных» политиков, стремящихся занять выборные должности или помочь тем, кто на них претендует, как это делают, например, партийные активисты. В Соединенных Штатах этот слой увеличен благодаря федерализму и децентрализации местного управления<sup>32</sup>. Кроме того, для тех, кто посвятил себя политической карьере, важно наличие обеспеченного тыла в виде назначаемой должности или в частном секторе (например, в юридической практике), что гарантирует работу и достаток. В целом демократиям насущно необходим какой-то функциональный эквивалент аристократии для создания своего руководящему слою надежной базы.

В зависимости от величины и сложности общества в нем развивается разветвленная система государственных учреждений, при этом не нарушается определенное равновесие между «политическим» (выборным) и бюрократическим компонентами управления.

Все, что относится к демократической политической системе как коллективу типа ассоциации, остается, с поправками для каждого отдельного случая, в основном верным и для других объединений подобного типа, распространившихся в современных обществах. Проблемы ассоциаций бывают различными в соответствии с их размером, сложностью, интересами и внутренними конфликтами. Но всегда критической для них является проблема обеспечения руководству, несмотря на все эти внутренние противоречия, достаточно независимого положения.

Выбор между централизацией, увеличивающей эффективность коллектива, и децентрализацией, обеспечивающей «представительность», свободу выражения и отстаивание группами своих интересов, — это общая дилемма всех демократических ассоциаций<sup>33</sup>. С этой дилеммой связано то обстоятельство, что присоединение к коллективному начинанию дает преимущества по сравнению с действием «в одиночку». Говоря обобщенно, институционализация принципа ассоциации коррелируется с плюрализацией общества. Когда коллектив выполняет функции ассоциации, а власть в нем сугубо диктаторская, то можно предположить, что на пути ее полной институционализации возникнут сильные препятствия.

---

<sup>32</sup> См.: Key V.O. Politics, parties, and pressure groups. N.Y.: Rowell, 1964.

<sup>33</sup> См.: Party systems and voter alignments/Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. N.Y.: Free Press, 1967, особенно Введение.

Другим показателем неполной институционализации является ситуация, когда индивиды и группы настаивают на своих особых «правах», используя разные методы — от организованного протеста до обструкции. В самом деле, когда речь идет о существенных интересах, оптимальное функционирование сложной демократической ассоциации предполагает тонкое балансирование многих факторов.

Хотя представительная демократия проявила себя как относительно дееспособный механизм на государственном уровне при определенных условиях, а также в некоторых частных ассоциациях, но все же ясно, что ее нельзя распространить на все виды организации. В представительной демократии выборный компонент может быть привязан к бюрократической организации в виде «небюрократической верхушки», важность которой подчеркивал М. Вебер<sup>34</sup>. Другой вариант выполнения этой роли представляет собой надзорный совет фидуциарного типа — институт, характерный не только для некоммерческих организаций, но в последнее время становящийся главным управляющим органом в больших частных деловых корпорациях.

Бюрократическая организация характеризуется преобладанием назначаемых должностей, акцентом на эффективность в достижении коллективных целей, употреблением власти для координации осуществления принятых наверху планов и строгой иерархической структурой. Однако внутри такой организации применимы и критерии, связанные с выборными должностями, такие, как подчинение универсалистским нормам и разделение частной и официальной сфер<sup>35</sup>. Распространение бюрократии и в общественной, и в частной сферах является знаменем позднего этапа модернизации. В Европе XIX в. происходило расширение государственной службы, но она с трудом освобождалась от аристократических связей как в Англии и Франции, так и в Пруссии, правда в несколько меньшей степени. В Соединенных Штатах эта тенденция встретила сильное противодействие со стороны «системы дележа добычи» и демократического популизма<sup>36</sup>.

Вероятно, возникновение элементов бюрократии происходило если не в самой сердцевине государственного управления, то где-

---

<sup>34</sup> См.: *Weber M. Theory of social and economic organization*. Glencoe (Ill.): Free Press, 1947. P. 324.

<sup>35</sup> Ibid.

<sup>36</sup> Классическое изложение этого вопроса см.: *Ostrogorski M. Democracy and the party system in the United States*. N.Y.: Macmillan, 1912.

то рядом. В промышленности же они возникали на начальных стадиях производственного цикла, связанных с наймом работников, в то время как то, что мы теперь называем «менеджерскими» и «техническими» функциями, вместе с имуществом находилось в руках собственников на основе аскриптивного принципа. Эта ситуация претерпела перемены, главным образом благодаря отделению собственности от «контроля», или от активного менеджмента, которое произошло в крупных корпорациях во второй половине нынешнего столетия<sup>37</sup>. Хотя собственники все еще обладают некоторой властью в надзорном смысле, например в подборе менеджеров и в вопросах общей стратегии, управление организуется преимущественно с помощью наемных работников, мало зависящих или совсем не зависящих от прав личной собственности или от наследственных структур, в которых права собственников институционализированы. В последнее время высшее управление все больше профессионализируется по мере того, как все большую важность приобретают специальная квалификация и формальное образование. Компетентность уже не является делом «простого здравого смысла» или диплома об окончании «академии по набиванию шишек».

Сочетание расширения демократической революции и дифференциации современных обществ стало, как и в других контекстах, основным источником для формирования новых свобод и адаптивных способностей, но одновременно и для появления новых напряжений, связанных с интеграцией. Новый этап, являющийся предметом рассмотрения в данной главе, озаглавлен в Соединенных Штатах и в других наиболее модернизированных обществах завершением универсализации избирательного права по каждому избирательному округу. Произошло также заметное распространение модели равного членства и власти в широком диапазоне частных ассоциаций, хотя, каковы будут масштабы этого процесса, например, в таких организациях, как университеты, покажет время.

В то же время увеличение масштабов и бремени коллективной ответственности, которое несут на себе системы типа ассоциаций, усилило потребность в эффективном и ответственном лидерстве, которое, как представляется, не может быть обеспечено без существенной концентрации власти. Конечно, одним из фундаментальных средств удовлетворения этой потребности является админи-

---

<sup>37</sup> *Berle A.A., Means G.C. The modern corporation and private property. N.Y.: Commerce Clearing House, 1952.*

стративная бюрократия, но в организациях бюрократического типа остро встает проблема отчетности, и современный способ разрешения этой проблемы состоит в том, чтобы сделать бюрократию ответственной в конечном счете перед электоратом, а более непосредственным образом — перед выборными должностными лицами в политической системе. В американской государственной системе, в частности, таким образом построены отношения исполнительной и законодательной ветвей власти. Такое решение проблемы, безусловно, связано с предоставлением колоссальной власти выборным должностным лицам — президенту и губернаторам штатов, а также членам Конгресса и законодательных собраний штатов. Они в свою очередь подотчетны избирателям через систему выборов, которая — с принятой здесь точки зрения — может рассматриваться как средство для регулирования неизбежной напряженности между эгалитарным основанием прав граждан и их участия в делах общества, с одной стороны, и чисто функциональными моментами, вытекающими из необходимости обеспечения эффективности коллективного действия — с другой.

Профессионалы также все больше привлекаются к работе в бизнесе, в других областях «частного сектора» и в государственных организациях. Профессиональная компетентность обычно не организуется по принципу «линейного подчинения» или даже по «рационально-легальной» схеме. Эта особенность видоизменила как публичные, так и частные «бюрократические» организации, ослабив в них элементы линейного подчинения и придав им более ассоциативный характер, поскольку существенно важно обеспечивать сотрудничество специалистов, не прибегая к простому применению власти<sup>38</sup>. Поэтому большая часть современной «бюрократии» граничит с «коллегиальным» типа устройством<sup>39</sup>. Эта «коллегиальная модель», меняющая бюрократию в направлении ассоциативного устройства, состоит в том, что роли членов в ней являются одновременно ролями работников; участие является «штатной работой». Коллегиальные обязанности не могут предписываться таким же образом, как это делает линейно организованная власть в преимущественно бюрократических организациях. Но не являются они и периферийными, выполняемыми от случая к случаю, как это имеет место в более широком круге добровольных ассо-

---

<sup>38</sup> *Parsons T. Structure and process in modern societies. Ch. 1, 2.*

<sup>39</sup> Примечательно, что вопрос о «коллегиальности», в отличие от папского монархизма, занял по инициативе второго Ватиканского собора важное место в римско-католической церкви.

циаций, включая политическую часть гражданства; «штатный избиратель» выглядел бы в плюралистической политической системе крайне нелепо; хотя что-то в этом роде, может быть, годится для описания членства в коммунистической партии.

Возможно, сегодня коллегиальная модель наиболее полно институционализирована в академическом мире, который, вопреки многим утверждениям, не поддается бюрократизации<sup>40</sup>, несмотря на беспрецедентное расширение сферы высшего образования, происшедшее в последнее время. Действительное равенство коллег на факультете или в отделении находится в постоянном и резком контрасте с бюрократической иерархией. Другой отличительной особенностью коллегиальной структуры является выборность в отличие от назначения сверху. Большинство современных академических систем «назначения» основаны на сложном балансе: надзорные инстанции (например, попечительские советы) обычно принимают «окончательные» решения, в то время как коллеги осуществляют контроль на важных этапах отбора кандидатур. Навязывание назначенца, открыто неприемлемого для его будущих коллег, в академических институтах высокого уровня практически не существует. Профессора избирают своих коллег если не прямо, то по крайней мере косвенно<sup>41</sup>.

Многие организации, ставшие синонимами бюрократии, подверглись многосторонней «коллективизации». Современное государство не является преимущественно бюрократическим не только потому, что оно «демократизировалось» благодаря выборности должностей и ответственности перед общественностью, но и потому, что его внутренняя структура стала в значительной степени коллегиальной, особенно его «исполнительная ветвь». Добавим к этому, что прогрессирующее ослабление контроля владельцев над экономическими организациями имело результатом не только бюрократизацию, хотя последняя и получила широкое распространение в крупных организациях. При возрастающем значении научных технологий промышленность стала все больше нуждаться в профессионалах с академической подготовкой не только по причине их непосредственного вклада в производственный процесс,

---

<sup>40</sup> *Parsons T., Platt G.M. Op. cit.*

<sup>41</sup> Для некоторых целей нужно рассматривать третий процесс достижения «штатного» членства, а именно «наем». Здесь предполагается голый экономический контекст, подход к услугам приглашаемого как к «товару». Современные системы занятости, отчасти под влиянием профсоюзов, освобождаются от подобной экономической неразборчивости, за редким и постоянно сокращающимся исключением меньшинства.

но и из-за их влияния на организационную структуру. В самое последнее время отмечено широкомасштабное привлечение в промышленность ученых-исследователей наряду с инженерами, и такой же параллельный процесс осуществился в таких областях, как здравоохранение и образование.

## ЭКОНОМИКА И СОЦИЕТАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

В период новейшей истории экономика значительно отделилась от классической модели, очерченной в «капиталистической» идеологии XIX в. Она подвержена не только *институциональному* контролю, особенно правовому регулированию, основанному на законодательстве о контракте и собственности, но и целому комплексу ограничений со стороны государственной ценовой политики, олигополистической практики бизнеса и коллективных договоров с профсоюзами, если перечислить лишь некоторые из них. Происходит также существенное перераспределение ресурсов, главным образом через использование налоговых поступлений для субсидирования отдельных коллективов и определенных видов деятельности, которое выходит за пределы основных функций государства; диапазон этого процесса простирается от поддержки немущих до финансирования научно-исследовательской деятельности.

Тем не менее рыночная система остается автономной и дифференцированной подсистемой американского общества<sup>42</sup>. Жесткое противопоставление системы «свободного предпринимательства» (с минимальным социальным и государственным контролем) и «социализма» (с государственной собственностью и контролем за всеми основными средствами производства) оказалось нереалистичным. Нарождающаяся модель соответствует общей современной тенденции к структурной дифференциации и плюрализации. В обществах, в широком смысле причисляемых к обществам со «свободно-предпринимательской» экономикой, только арьергард правого политического крыла, сопротивляющийся любым модификациям основного принципа столетней давности — принципа *laissez faire*, стал бы серьезно оспаривать это утверждение. В самом деле, нестабильность, присущая даже приблизительным вариантам «чистой» капиталистической системы, как ее представляют себе и сторонники, и социалистические противники,

---

<sup>42</sup> *Parsons T., Smelser N.J. Economy and society. N.Y.: Free Press, 1956.*

является убедительной причиной тому, чтобы считать прожитый в XIX в. этап модернизации переходным.

На переломе столетий Соединенные Штаты превзошли Англию, а затем и Германию по количественным показателям экономического роста. Это стремительное развитие было обусловлено рядом причин. На момент получения независимости население страны составляло менее четырех миллионов человек, большинство которого проживало на атлантическом побережье, но имело возможность для относительно беспрепятственного продвижения на запад. Отчасти из-за британского господства на море французская и испанская «империалистическая» деятельность в обеих Америках довольно быстро угасла. Это позволило Соединенным Штатам мирным путем присоединить Флориду и Луизиану; несколько позже дальнейшая территориальная экспансия встретила лишь слабое сопротивление Мексики, и все это создало условия для роста населения и обеспечило страну колоссальными экономическими ресурсами всех видов. Расширение обжитых территорий способствовало в том числе и либеральной иммиграционной политике, которая гарантировала приток рабочей силы, необходимой для индустриализации.

Развитие денежных, банковских и кредитных институтов, опирающихся на «коммерческие банки», было стремительным и всеохватным, хотя в XIX в. эти инструменты отличались очень большой неустойчивостью. Благодаря банковской системе средство обращения стало в основном безналичным (наличность составляет лишь малую его часть), именно в таком безналичном виде проводились операции с кредитами, корпоративными ценными бумагами и даже с государственным долгом<sup>43</sup>. Кредитная система способствует постоянным новациям в экономике, подобно тому как современная академическая система способствует «когнитивному новаторству». Никакое другое общество не может соперничать с Соединенными Штатами в «монетаризации» экономической жизни, особенно в использовании банков и кредитных инструментов.

Американскую модель капитализма отличают две особенности. Первая — это массовое производство, начинателем которого была компания «Форд мотор». Поскольку массовое производство по необходимости ориентировано на крупные потребительские рынки, преимущественно внутренние, вскоре пришло понимание

---

<sup>43</sup> *Keynes J.M. The general theory of employment, interest, and money. L.: Macmillan, 1936. [Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.]*

того, что прибыль зависит не только от завоевания фирмой «доли рынка», но и от совокупной покупательной способности населения, его общего дохода. Проводившаяся Г. Фордом политика высоких зарплат, вводившаяся им вовсе не под давлением профсоюзов, означала поворот от трудоемкого к капиталоемкому производству. А результатом этого стало непрерывное сокращение рабочей силы, занятой в *непосредственном производстве*, при том, что объем производства становился неизмеримо большим. Соответственно возросла занятость среди «белых воротничков» и в сфере «услуг»<sup>44</sup>. Вторая особенность родилась в Германии, но получила наибольшее развитие в Соединенных Штатах. Она состоит в установлении связи между научным знанием и производством. Из химических и электротехнических отраслей это перешло во множество других. Пожалуй, наиболее далеко на сегодняшний день ушла в этом направлении электроника, тесно связанная с кибернетикой и обработкой информации.

Экономическому росту способствовала также американская правовая система. Конституцией были запрещены таможенные тарифы и ограничения на передвижение людей между штатами в те времена, когда Европа была глубоко разделена внутренними и межгосударственными тарифами. Правовые принципы, регулирующие отношения собственности и договорные отношения, были заимствованы у Англии, но затем существенно доработаны, главным образом путем судебных решений<sup>45</sup>. Позднее американские юристы проложили путь развитию частных корпораций, заложив правовые основы для дифференциации собственности и профессионального управления.

В американском обществе довольно рано институционализировалась система занятости, основанная больше на найме, чем на собственности, и вместе с индустриализацией и урбанизацией она получила широкое распространение. Произошла дифференциация между домашними хозяйствами и нанимающими работников организациями, главным образом деловыми фирмами, хотя относится это и к работе в государственных учреждениях и некоммерческом частном секторе. На ранних этапах модернизации «наемничество» на работу обычно ограничивалось «работным людом» на самых низких этажах в иерархии занятости. Со временем наем на работу и, соответственно, рынок труда сдвинулись на более высо-

---

<sup>44</sup> Smelser N.J. The sociology of economic life. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1964.

<sup>45</sup> Hurst J.W. Law and the conditions of freedom.



кие этажи; сегодня через процедуру найма в качестве исполнителей (менеджеров и администраторов) и профессионалов проходят большинство из тех, кто раньше были собственниками. Это существенно важное структурное преобразование обычно полностью упускается из виду при сравнении капитализма и социализма<sup>46</sup>.

На этапе развитой современности, когда резко сократилась доля сельскохозяйственного труда, главный вклад взрослых мужчин в функционирование всего общества осуществляется, за редким исключением, на их «рабочих местах». Резко активизировалось участие в трудовой деятельности женщин, особенно замужних.

Некоторые виды человеческой деятельности не поддаются превращению в «наемный труд». Похоже, что в них отражены размытые, диффузные интересы, которым угрожает присущая системе занятости специализация. Такая диффузность происходит из нескольких источников. Семья и домашнее хозяйство играют центральную роль как для личности индивида, так и для его физиологического организма. Исторически культура была сопряжена с исполнением религиозных функций, но в современном мире основные характеристики ее задаются деятелями искусств, которые упорно сопротивляются ремесленной «профессионализации». На уровне социальной системы, если оставить в стороне роль политика, которую мы уже обсудили, имеется множество и государственных, и частных «фидуциарных» ролей, вроде «попечителей» в организациях, не являющихся исключительно «коммерческими». Для отдельного гражданина, однако, его фидуциарная функция по отношению к «общественным интересам» выделяется в отдельные нерегулярные роли, такие, как роль избирателя или добровольного участника коммуникационных процессов или ассоциаций, которые соответствуют его взглядам. Многие категории людей под давлением психологических и иных факторов настолько «вовлекаются» в такую деятельность, что «борьба за идею» становится для них важнее «работы» и семьи. В современном обществе такого рода давление усугубляется непрерывно происходящими в нем глобальными переменами и сопровождающими их конфликтами. Больше того, достижение таких конкретных целей, как материальный достаток и довольно высокий уровень жизни, открывает широкие возможности для дальнейшего их повышения, с чем связаны сильные эмоции. В социально-психологических терминах наше время есть время беспрецедентных переживаний, связанных с «относительным обнищанием».

---

<sup>46</sup> *Parsons T. Structure and process in modern societies.*

В любом современном обществе видное место принадлежит профсоюзному движению. Структурно оно имеет корни в «нише» между домашним хозяйством и рабочим местом, образовавшейся в результате расширения системы найма. Лидерами движения становились не самые обездоленные рабочие, а обладающие достаточно высоким социальным статусом и квалификацией, так что в определенных отношениях оно стало наследником ремесленных цехов. Силу же свою это движение черпало в рядах работников физического труда и было ориентировано на их защиту, на улучшение их материального положения и статуса. Влияние профсоюзов распределялось неравномерно в среде самых неквалифицированных рабочих или «белых воротничков».

В Соединенных Штатах, особенно со времен «нового курса», профсоюзное движение набрало значительную мощь в промышленности, не создав при этом базы для политического социалистического движения, как это имело место с конца XIX в. в большей части Европы. Эта особенность Соединенных Штатов отражает высокую степень «демократизации», которой американское общество уже достигло к этому времени, включая возможности экономической и социальной мобильности.

В мире занятости происходило общее и непрерывное развитие. В структуре современной рабочей силы все меньшее место занимает неквалифицированный труд. Историки промышленной революции долгое время рассматривали рост физического объема производства, вложения денежного капитала и численность занятых в промышленности как взаимозаменяемые показатели роста производства, исходя из того, что между этими показателями существует тесная связь. Но ситуация изменилась. По сравнению с 20-ми годами XX в. валовой продукт обрабатывающей промышленности Соединенных Штатов увеличился во много раз, число же занятых в ней осталось почти на том же уровне, а доля используемой в ней рабочей силы существенно упала.

Это падение является, главным образом, результатом «механизации», в наши дни сливающейся с «автоматизацией», и совершенствования организации, что породило «технологическую безработицу», как это было в трагической истории с ручными ткачами в начале XIX в. Все более ограниченными становились возможности найти работу для тех, кто не обладал достаточной квалификацией по определенной специальности. Это обстоятельство, однако, привело не к перманентному росту уровня безработицы, а к общему повышению качества рабочей силы в результате переобучения. Во второй трети нынешнего столетия, на раннем этапе массового и конвейерного производства большое преимуще-

щество получил «полуквалифицированный» труд, часто в ущерб старым квалифицированным мастерам. Теперь возрастает потребность в более высоком уровне общей подготовки, предполагающей не столько овладение узкими навыками, сколько образование в объеме средней школы.

Развитие системы «найма» и сопутствующий этому акцент на качестве исполнения подорвали значимость аскриптивных критериев отбора. Хотя «дискриминация», связанная с родственной принадлежностью, этническим происхождением, религией, расой и т.п., чрезвычайно живуча, но представляется, что в настоящее время существует долгосрочная устойчивая и эффективная переориентация в сторону оценки работников при приеме на работу на основании преимущественно универсалистских критериев<sup>47</sup>, а значит, и в случаях приема в члены какой-либо организации или использования возможностей для самореализации.

Распределение дохода между домохозяйствами носит сложный характер. Наиболее важный фактор здесь — рынок труда, отражающий различный спрос на разные виды услуг. Независимая собственность неуклонно утрачивала свое значение, особенно в сельском хозяйстве. Зарплаты и жалованья, наряду с такими формами дохода, как комиссионные вознаграждения, в широком смысле зависят от компетентности и ответственности, соответствующих определенным ролям в системе наемного труда, которые, в свою очередь, все больше зависят от уровня полученного образования. И тут надо помнить, что благодаря постоянно увеличивающейся финансовой помощи высшему образованию оно становится доступным не только детям состоятельных родителей.

Изменения в шкале доходов, определяемой спросом на те или иные виды занятости (часть этого спроса, как в случае научных специалистов, субсидируется), происходят на обоих ее концах. Во всех современных обществах с помощью «трансфертов» (как называют эти выплаты экономисты), включая всевозможные «вспомоществования», страхование по старости, пособия по безработице, бесплатное медицинское обслуживание, жилье с низкой квартплатой и другие подобные меры, поддерживается жизненный уровень низкооплачиваемых групп населения. «Нижний предел», за который, как считается, не должна опускаться ни одна сколь угодно значительная категория людей, определяет минимальное

---

<sup>47</sup> *Parsons T. A reduced analytical approach to the theory of social stratification; Parsons T. Equality and inequality in modern society//Sociological Inquiry. 1970. Vol. 40. № 2.*

содержание «социального» компонента, входящего в понимание современного гражданства<sup>48</sup>. Не все здесь гладко, как показывает существующая сегодня в Соединенных Штатах озабоченность проблемой бедности. Однако определение такого нижнего предела характерно в XX в. для всех индустриальных обществ. К тому же трансфертные выплаты сочетаются с мерами, призванными помогать лицам с ограниченной трудоспособностью «найти себя», в наиболее очевидном случае через систему всеобщего бесплатного образования. Наконец, материальное положение так называемого рабочего класса значительно улучшилось благодаря тому, что, в большой мере под давлением профсоюзов, выросли зарплаты и увеличились «дополнительные льготы».

Рынок исторически сложился как классическое сосредоточение конкурентного индивидуализма, институционализировавшегося в стопроцентном ожидании того, что участие в конкуренции ведет к успеху одних и провалу других. В большинстве теорий капитализма поэтому рассматривались только гарантии справедливых условий конкуренции, принципа равенства возможностей. У проблемы равновесия между стартовым равенством и дифференцированным успехом, разрабатывавшейся начиная с XVIII в., есть много граней. Одним из немаловажных явлений здесь была возрастающая дифференциация между положением фирмы на шкале успеха и должностным или профессиональным статусом индивида, занятого в делах этой фирмы.

Социализм, как мы отмечали, стремится выстроить жесткую альтернативу «свободному предпринимательству» рыночной экономики, выступая за концентрацию контроля за всеми основными факторами производства в руках правительства. Свидетельством того, что эта альтернатива не является единственной, может служить рассмотренное чуть выше установление во всех «индустриальных» странах того или иного нижнего предела дохода и благосостояния, относящегося ко всем участникам экономического процесса. Ниже мы остановимся на некоторых механизмах, поиную противодействующих наиболее крайним проявлениям неравенства. Мы, следовательно, полагаем, что речь здесь снова идет об основной интегративной «проблеме» — о сбалансировании эгалитарного компонента современных ценностей и тех компонентов «достижительного комплекса», которые порождают в социальном сообществе иерархию статусов. Более общие аспекты этой проблемы мы кратко прокомментируем в конце главы.

---

<sup>48</sup> Marshall T. Op. cit.

На другом конце шкалы находится осязаемый доход от собственности. В очень большой степени этот доход отделился от реального управления собственностью. Сельская земельная собственность — главная политэкономическая база аристократии на ранней стадии модернизации — утратила свое значение. На самой последней стадии упало, хотя и не так радикально, значение и собственнических начал в бизнесе. Наиболее важная форма собственности состоит теперь из подвижных, легко реализуемых на рынке денежных активов, типичным примером которых являются корпоративные и государственные ценные бумаги. По расчетам, в Соединенных Штатах доход от собственности составляет чуть больше двадцати процентов в структуре «личных» доходов, и эта доля, как кажется, не меняется сколько-нибудь заметным образом уже в течение одного или нескольких поколений<sup>49</sup>. Значительная часть такой собственности существует в виде средств, выключенных из текущего потребления, например индивидуальных страховых вкладов. Изменились также масштабы отчислений доходов от собственности институциональным, а не индивидуальным владельцам — фондам, колледжам и университетам, больницам, разного рода благотворительным и спонсорским организациям.

Хотя доход от собственности плотно сконцентрирован в зажиточных слоях, участие в его подвижных формах получило более широкое распространение, чем на ранних стадиях свободно-предпринимательских обществ, особенно в верхней части среднего класса. Сосредоточение состояний в руках богатых существенно сдерживается за счет прогрессивного налогообложения доходов и имущества. В целом на позднем этапе развития современных обществ распределение доходов гораздо равномернее, чем это было на ранних этапах или наблюдается в большинстве нынешних «развивающихся» обществ. Сказанное о доходах, вероятно, не менее верно в отношении возможностей, особенно после того, как высшее образование стало доступным для постоянно увеличивающейся части в каждой возрастной когорте. И хотя долгосрочная стабильность сложившейся сейчас модели не гарантирована, все же наиболее вероятным направлением ее развития будет нарастающее равенство.

Широко практикуемая критика в адрес правящих классов современного общества весьма любопытно переплетается в многоголосьи. С одной стороны, их обвиняют в том, что они «слишком расслабились», с другой — в том, что они излишне поглощены «узкими» интересами своей работы. Хотя все подобные обвинения

---

<sup>49</sup> Labor in a changing America/Ed. by W. Haber. N.Y.: Basic Books, 1966.

внушают подозрение, последнее кажется более близким к истине. Профессионализация менеджерской работы и включение ее в систему наемного труда повлекли за собой колоссальное повышение требовательности к уровню образования, квалификации и качеству выполняемой работы, что требует от работников высокой мотивации, направленной на достижение цели. На ранних стадиях нашего социального развития такого рода мотивация, скорее всего, не была широко распространенной. Сегодня, несмотря на определенное сокращение официального рабочего времени и, может быть, некоторое ослабление усилий в отдельных видах труда, сознание долга в выполнении своих трудовых обязанностей находится на высоком уровне. Очень похоже, что оно все время росло, особенно на верхних этажах системы занятости. В современном обществе высококвалифицированные работники, находящиеся на этих этажах, не только не образуют «праздный класс», но в массе своей являют собой наиболее интенсивно «трудящиеся» группы в человеческой истории. Парадоксально, но так называемый эксплуатируемый рабочий класс гораздо ближе продвинулся к тому, чтобы стать праздным классом современного общества. Тяжелый труд верхних групп состоит не в мускульных усилиях и не в строгом соблюдении жесткой дисциплины, а в решении трудных, часто головоломных проблем и в ответственности за избранные методы их преодоления.

Был достигнут общий подъем потребления продуктов питания, одежды, достигнуто улучшение жилищных условий и других составляющих уровня жизни. Сегодня в развитых странах только в низшей, незначительной по численности прослойке бедноты наблюдаются такие *крайние* лишения, как голод, низкая продолжительность жизни, лохмотья вместо одежды, которые характерны для большинства сегодняшних «слаборазвитых» стран. Эта проблема совершенно очевидно относится к другому разряду, нежели проблема распространения наркомании и других аналогичных «социальных патологий».

Произошло также общее повышение экспрессивных стандартов, что видно по растущему потреблению «культурных продуктов» и по связанному с ним уровню эстетического вкуса в домашней обстановке, питании и пр. (включая участие в публичных развлечениях). Несмотря на то что изначально обездоленные или изолированные группы часто порождали эстетические нелепости, которые другие, более взрослые и благополучные группы непременно подвергали осмеянию, представляется, что в современных обществах, более чем когда-либо прежде, «утонченные» вкусы становятся достоянием все более широких слоев населения. Эти вещи, однако, трудно поддаются точной оценке. С одной стороны, воз-

росшее потребление встречает осуждение «пуритан», видящих в нем признак «расслабленности» нынешнего поколения. С другой стороны, романтики, идеализирующие *Gemeinschaft*, утверждают, что модернизация повсеместно испортила вкусы простых людей.

Другой неизменной темой при обсуждении уровня жизни в «обществах изобилия» является борьба за статус посредством «показного потребления», разновидности которого включают не только сногшибательные балы и дворцы старой аристократии, но и теperешние скромные стремления «не отстать от Джонсов». Определенная степень такой соревновательности, вероятно, неизбежна, когда в обществе институционализированы универсалистские нормы и нормы целедостижения. И все-таки похоже, что с упадком аристократии значение различий в индивидуальном потреблении уменьшилось. Например, Белый дом хоть и не хижина, но далеко не Версаль. Особняки времен «позолоченного века» на Пятой авеню в Нью-Йорке и в Ньюпорте либо исчезают, либо отдаются в «общественное» пользование; сходные тенденции отмечаются в Европе. По всей вероятности, в большинстве современных стран «буржуазная» показуха стала не такой вызывающей и очевидной, какой была в XVIII и XIX столетиях, хотя некоторые виды «роскоши» стали достоянием значительно более широких слоев. Поскольку «показное потребление» не ново и почти наверняка все реже встречается в своих крайних проявлениях, трудно усматривать в сегодняшнем потреблении предметов роскоши один из главных симптомов упадка современного общества<sup>50</sup>.

Сопутствующим процессом является «капитализация предметов длительного пользования», включая жилье и такие вещи, как центральное отопление, «домашняя техника» и обстановка. Важной частью образа жизни в эпоху современности является также «приватность»: сегодня само собой разумеющимся стало наличие «собственной комнаты» для супругов и для каждого члена семьи, кроме совсем маленьких детей.

Подобные процессы являются частично следствием, частично причиной важного изменения в классовой структуре — сокращения «класса прислуги». В начале нынешнего века в типичном доме «среднего класса» обязательно был один «живущий» слуга, а в домах «верхнего среднего класса» имелся довольно значительный штат прислуги. Сегодня такой штат имеется только у очень богатых, причем,

---

<sup>50</sup> П. Миллер показал, что у американцев в XVII и XVIII вв. было ровно такое же пристрастие к декадентской роскоши, как и сейчас (см.: *Miller P. Nature's nation. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1967*).

как правило, в силу их должностного положения. В домашнем хозяйстве верхнего среднего класса обычно обходятся «уборщицей», приходящей один-два раза в неделю, и сиделками при детях.

Это связано с двумя моментами. Во-первых, современная промышленность становится все более капиталоемкой, превращая труд в дефицитный и потому все более дорогой фактор, откуда и идет общее повышение уровня жизни. Во-вторых, возрастающий эгалитаризм сделал постыдным статус слуги<sup>51</sup>, так что работа на фабриках и в магазинах все более предпочитается домашнему услужению.

Для замужней женщины, принадлежащей к среднему классу, такой ход событий не обошелся без потерь. Лишенная помощи в ведении домашнего хозяйства, испытывающая все возрастающие нагрузки в отношении эмоционального регулирования семейных отношений, а также в более широких сферах гражданства и занятости, она полагается на целый арсенал новейшей домашней техники, переставшей быть просто баловством и капризом.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Созданный в Соединенных Штатах новый тип социетального сообщества более, чем любой другой, взятый в отдельности фактор, оправдывает наше утверждение о том, что эта страна заняла место лидера на позднейшем этапе модернизации. Мы предположили, что равенство возможностей, на чем делает акцент социализм, было достигнуто в достаточно высокой степени именно здесь. Этот результат связан с наличием рыночной системы, прочного правового порядка, относительно независимого от государства, и «государства-нации», свободного от контроля со стороны какой-либо этнической группы и какой-либо конкретной религии. Решающей новацией, на наш взгляд, явилась образовательная революция, особенно в том, что касалось распространения особого типа организации — добровольной ассоциации — и открытия возможностей. Что самое важное, американское общество ушло дальше, чем любое другое общество сравнимого масштаба, в освобождении от старинных аскриптивных неравенств и в институционализации модели, эгалитарной в основе своей.

Вопреки мнению многих интеллектуалов, американское общество и многие другие современные общества, где нет диктаторских

---

<sup>51</sup> *Aubert V.* The housemaid: An occupational role in crisis//Sociology: The progress of a decade/Ed. by S.M. Lipset. N.J. Smelser. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1961.



режимов, институционализировали наиболее широкий спектр свобод, чем какое-либо из прежних обществ. Возможно, он не шире того, которым пользовались иногда небольшие привилегированные группы аристократов в Европе XVIII в., но для больших масс людей он безусловно шире, чем когда-либо.

Достижение таких свобод сопряжено со множеством сложностей. Видимо, можно сказать, что приобщение к свободе начинается с преодоления некоторых трудных обстоятельств физической жизни — плохого здоровья, низкой продолжительности жизни, неблагоприятных климатических условий и т.п. Сюда же, безусловно, относится создание определенной безопасности от насилия для большинства населения. Более высокие доходы и развитие рынков увеличивают свободу выбора в потреблении. Имеется широкий набор общедоступных услуг, таких, как образование, учреждения культуры, а также средства общего пользования и т.п. Существует повсеместная свобода в выборе брачного партнера, занятий, религии, политической принадлежности, свобода мысли, слова, самовыражения.

Если рассматривать ситуацию в широкой сравнительной и эволюционной перспективе, то наиболее «привилегированные» общества конца XX в. впечатляюще успешно институционализировали самые «либеральные» и «прогрессивные» ценности того времени, что трудно было предсказать столетие назад.

Конечно, имеются и серьезные проблемы. Одна из них, безусловно, война и опасность войны. Но поскольку в данной главе предметом нашего внимания является социетальное сообщество, то вопрос о межсоциетальных отношениях мы отложим до заключительной главы этой книги.

Мы уже выдвигали соображения о том, что главные недостатки нового типа социетального сообщества состоят не в давнишних сетованиях на тиранию авторитарных режимов, особенно в их монархической разновидности, или на укоренившиеся привилегии аристократии. Не состоят они также в классовых антагонизмах и эксплуатации в строго марксистском смысле. Проблемы социальной справедливости и неравенства все еще заметны, но формулирование этих проблем в упрощенных терминах противостояния буржуазии и пролетариата, по соображениям, изложенным в этой главе, представляется утратившим актуальность.

Проблема равенства и справедливости остается центральной для Соединенных Штатов в контексте наличия бедности и многочисленного негритянского меньшинства, имеющего за плечами долгую историю дискриминации, берущей начало в рабстве. Важно отчетливо понимать, что эти два аспекта проблемы не совпада-

ют полностью. По большинству критериев значительное большинство американских бедных — белые, а значительная часть небелого населения не числится в бедняках. Но существует особенно бросающееся в глаза совпадение того и другого среди черных, обитающих в «гетто» крупнейших городов.

Раньше эти проблемы трактовались как «абсолютное» обнищание, недоедание, болезни и т.п. Сегодня среди социальных ученых растет понимание того, что *относительное* обнищание и *исключение* из полноправного участия в социетальном сообществе гораздо важнее и часто переживается «болезненнее»<sup>52</sup>. В нашей общей парадигме социальных изменений мы подчеркивали связь между процессами включения и повышения уровня адаптации через рост доходов; тем не менее эти процессы неидентичны. Связь эта вместе с тем помогает объяснить, почему, несмотря на то что в последнее время сильно уменьшилась юридическая и политическая дискриминация, напряженность вокруг расовой проблемы не только не ослабла, но даже возросла. То, что достигаемое через механизм включения смягчение ощущения относительного обнищания носит в каком-то смысле «символический» характер, не делает его ни на йоту менее насущным и важным.

Проблема равенства и социальной справедливости поддается оценке с большим трудом. Как только что отмечалось, старое недовольство тиранией, аскриптивными привилегиями и классовым неравенством в марксистском духе не играет той роли, что прежде. Но сохраняется широко распространенное ощущение, что некие особо привилегированные группы незаконно пользуются своим положением в своих интересах, в ущерб общему интересу. У старших поколений это недовольство чаще всего формулировалось в терминах экономики, как у Ф.Д. Рузвельта, когда он говорил о «злоумышленниках с большими богатствами». Знаменательно, что сегодня в этой связи выплывает символ «власти»; во фразеологии Ч.Р. Миллса за большинство наших социальных зол ответственность лежит на «властвующей элите». Представители властвующей элиты изображаются не как должностные лица, а как циничные закулисные кукловоды. Идеологические комплексы с параноидальным содержанием отнюдь не новость, но все равно возникает вопрос, что лежит за этим конкретным представлением.

---

<sup>52</sup> См.: Rainwater L., Yancey W. The Moynihan report and the politics of controversy. Cambridge (Mass.): M.L.T. Press, 1967; The Negro American/Ed. by T. Parsons. K. Clark. Boston: Houghton-Mifflin, 1966.

Похоже, что в современном обществе не возмущение материальными привилегиями богатых является главным источником моральной неудовлетворенности; на самом деле в начале века эта проблема стояла острее. Существует, по сути, единодушное мнение, что тех, кто находятся за «чертой бедности», надо поднять выше ее. За пределами этого согласия проблема экономического неравенства становится очень сложной. По-видимому, долговременная тенденция состояла в сокращении высшими слоями своего «показного потребления». Хотя в течение жизни нынешнего поколения ничего существенного не произошло, похоже, что будущая общая тенденция направлена в сторону большего равенства.

В плане сосредоточения власти и полномочий общество в конечном счете стало более децентрализованным и основанным на добровольных ассоциациях, нежели более концентрированным. Для этого явления опять-таки напрашивается объяснение в терминах скорее относительного, чем абсолютного, ухудшения дел в этой области. Особенно часто упоминаемым негативным символом стала «бюрократия», подразумевающая строгий централизованный контроль с помощью жестких правил и полномочий. Мы старались показать, что в действительности основная тенденция состоит не в росте бюрократии, пусть последняя сама по себе и не преобразуется, а в развитии организаций по типу добровольных ассоциаций. Но в некоторых особо чувствительных кругах *ощущают*, что бюрократия усиливается. С этим ощущением связаны и недавние волны обвинений в адрес «военно-промышленного комплекса» США, что, в свою очередь, соседствует с другим всеохватывающим ощущением, что нарушаются свободы; в кругах наиболее крайних ориентаций практически отрицаются те завоевания в области свободы, которые мы просуммировали выше.

У испытывающих подобное чувство ухудшения есть два особенно значимых для них позитивных символа. Один — это «община», которая, как принято утверждать, в ходе современного развития подверглась мощной деградации<sup>53</sup>. Указывается на то, что соседские общины были «приватизированы» и что многие виды отношений переместились на уровень больших формальных организаций. Мы же должны еще раз отметить, что бюрократия в самом отрицательном смысле этого слова не угрожает все смести на своем пути. Добавим, что вся система массовых коммуникаций явля-

---

<sup>53</sup> Одна из форм — ностальгия по общинному устройству (*Gemeinschaft*), являющаяся заметной чертой «социологической традиции», особенно как она описана у Р. Нисбета (см.: *Nisbet R. The sociological tradition*. N.Y.: Basic Books, 1967).

ется функциональным эквивалентом некоторых из свойств общества типа *Gemeinschaft*, и притом таким эквивалентом, который предоставляет индивиду право выбирать в соответствии с собственными критериями и желаниями, участвовать ему или не участвовать в общении<sup>54</sup>. Вторым позитивным символом является «участие», особенно в формуле «демократия участия». Требования такой демократии часто звучат таким образом, как если бы «власть», в специальном техническом смысле этого слова, была главным желанным объектом, однако сама расплывчатость этих требований делает сомнительным такое предположение. Мы полагаем, что эти требования являются главным образом еще одним проявлением желания быть включенными, полностью «принятыми» в члены солидарных групп. Подобные же соображения, кажется, применимы к отвращению и страху перед *нелегитимной* властью. Вопрос о том, какая форма желаемого участия совместима с условиями, необходимыми для эффективного функционирования организации, представляет собой большую сложность, но то, что здесь находится узел напряженности, представляется несомненным.

Может быть, некоторым подтверждением такой интерпретации могут служить те чрезвычайно острые студенческие волнения, которые в последнее время охватили все современные общества и, как мы уже отмечали, связаны с развитием массового высшего образования. Это явление слишком сложно, чтобы его анализировать здесь, но весьма показательно, что все темы, поднимаемые студенческими радикалами, имеют резонанс во всем обществе. Действенным символом, как с положительной, так и с отрицательной нагрузкой, выступает власть; на счет «неправильной» власти списывается большая часть «неправильного» в обществе, а «студенческая власть» занимает видное место среди предлагаемых средств исцеления. Бюрократия и все связанное с ней ассоциируется с «неправильной» властью. С положительной стороны новая идея «коммуны», в отношении которой особо подчеркивается аспект участия, наделяется почти волшебными добродетелями<sup>55</sup>.

---

<sup>54</sup> Конечно же, главная задача социологии заключается не в реставрации обществ, существовавших до промышленной и демократической революций или даже до революции в образовании. Скорее она состоит в поиске тех компонентов социальных систем, которыми объясняются некоторые позитивные черты более ранних обществ, с тем чтобы понять, как их можно перестроить для удовлетворения функциональных потребностей становящихся современных обществ. См.: *Shils E.A. Mass society and its culture//Daedalus. 1960. Spring; White W. Beyond conformity. N.Y.: Free Press, 1961.*

<sup>55</sup> *Parsons T., Platt G.M. Op. cit. P. 26.*

В предыдущем изложении мы делали упор на значении для современного общества трех «революций». Каждая из них была средоточием напряженностей и конфликтов, порождая радикальные группы, выступавшие как против определенных сторон разлагающейся социальной структуры, так и против революционных перемен. Так, Французская революция, эта самая выдающаяся из ранних демократических революций, наплодила якобинцев, «абсолютистов» руссоистской демократии. Промышленная революция, несколько позже, породила конфликты, о которых нами уже немало сказано, а радикалами на этом этапе стали социалисты, особенно их коммунистическое крыло. Не будет слишком смелым предположить, что студенческие радикалы из «новых левых» начали играть аналогичную роль в образовательной революции, хотя мы и не знаем, сколько этапов нам еще предстоит пройти.

В данный момент мы наблюдаем нечто кажущееся парадоксом. Революционеры, более чем кто бы то ни было, не могут даже слышать, что у них есть общие ценности с теми, чьи «аморальные» системы они стремятся ниспровергнуть. Но в свете тех представлений о ценностях, которые заложены в основу анализа, вполне закономерно задать вопрос, действительно ли брошен вызов основополагающим ценностным образцам общества современного типа, и в частности в Соединенных Штатах. Действительно ли уже не имеют значения институциональные завоевания, связанные с «либерально-демократическими» ценностями XIX в.? Отвергает ли их новое поколение?

Со всей определенностью можно ответить «нет». Их не отвергают, а считают само собой разумеющимися<sup>56</sup>. С одной стороны, современное общество осуждают за то, что оно не находится на

---

<sup>56</sup> Против этого утверждения может быть выдвинуто одно очевидное возражение. Самые крайние студенческие радикалы прибегают к революционной тактике «конфронтации», включая насилие и всякого рода способы, исключающие диалог с теми, чьим взглядам они противостоят; примером может служить намеренный срыв научных дискуссий. Такое поведение означает практическое отторжение того, что можно назвать «процедурными» ценностями «либерального» общества; необходимость такого отторжения отстаивается наиболее громко ввиду репрессивного характера «режима». Вместе с тем нельзя не заметить, что люди, проводящие такую тактику, все время ссылаются на *свои* права, что со всей очевидностью говорит против того, что они отвергли эти либеральные ценности. Более того, в глаза бросается, что эта черта свойственна *всем*, а не только нынешним экстремистам. Террор при якобинцах едва ли был «демократическим», но творился он во имя демократии. В наше время такой же является коммунистическая тактика. Этот конфликт между предполагаемыми конечными ценностями, такими, как равенство и свобода, и тактикой радикализма заложен в саму основу крайне радикальных движений.

высоте исповедуемых им ценностей, что видно из существования бедности и расовой дискриминации, из продолжения войн и империализма. С другой стороны, имеются туманные намеки на то, что не следует довольствоваться этими ценностями и что нужно вводить совершенно новые.

В определениях того, какими должны быть следующие этапы, доминируют эгалитарные ценности, и, по крайней мере, два символа — общины и участия указывают на четкие направления, несмотря на то что их конкретные импликации могут быть довольно расплывчатыми. Современная система, особенно в Соединенных Штатах, кажется, только что завершила один этап институциональной консолидации, но одновременно она переживает брожение, сопровождающее переход к новым этапам, очертания которых пока еще трудно различить.

Единственное, что кажется очевидным, — это стратегическое значение во всех этих ситуациях социального сообщества. Как уже говорилось, самые важные черты этого сообщества сформировались совсем недавно. Кроме того, есть все основания думать, что Соединенные Штаты стояли во главе этих перемен и что основные их параметры распространятся во всех современных обществах. Поэтому вполне уместно несколько подробнее описать эти параметры.

На новый уровень всеобщности и обобщенности поднялся принцип равенства. Социальное сообщество, в *основном* состоящее из равных членов, представляется «конечной станцией» длительного процесса отхода от таких древних, партикуляристско-аскриптивных основ членства, как религия (в плюралистическом обществе), этническая принадлежность, регион или местожительство, а также наследственное положение в социальной стратификации (применительно в первую очередь к аристократии, но также и к некоторым более современным версиям классового статуса). Этот базисный мотив равенства имеет давнее прошлое, но впервые выкристаллизовался во времена Просвещения в виде представлений о «естественных правах» и нашел особо значимое выражение в Билле о правах, вошедшем в американскую конституцию. Билль оказался своего рода бомбой замедленного действия, так как некоторые из его последствий проявились спустя много времени после его принятия, наиболее драматично в действиях Верховного суда, но также и шире. Сегодняшнее внимание в Соединенных Штатах к проблемам бедности и расовой дискриминации во многом обязано тому чувству глубокого морального отвращения, которое вызывает в современном обществе идея безвыходно «нижнего» класса, не говоря уж о низшей расе, несмотря на гро-

могласные протесты против современного эгалитаризма со стороны некоторых групп.

Некоторые имеющие широкое хождение радикальные идеологии, похоже, настаивают на том, что подлинное равенство требует полной отмены всех иерархических статусных различий. Такой вариант идеального «сообщества» в течение многих столетий периодически всплывал на поверхность. Однако все попытки, сколько-нибудь приближающиеся к его реалистической институционализации, всегда осуществлялись в небольших масштабах и по большей части были недолговечными. Представляется, что слишком усиленное движение в этом направлении могло бы серьезно подорвать такие крупномасштабные институты современных обществ, как право, рынки, эффективное государство, а также компетентную творческую работу и применение передового знания. Скорее всего оно развалило бы общество на неопределенное множество поистине «примитивных» небольших общин.

Основное русло социетального развития в наше время направлено в сторону существенно новой модели стратификации. Первоначальные исторические основы легитимного неравенства были, как уже указывалось, аскриптивными. Ценностная же основа нового эгалитаризма нуждалась в другом обосновании своей легитимности. В самом общем виде новая модель должна быть *функциональной* для общества, рассматриваемого в качестве системы. Различные результаты соревновательного процесса образования должны, таким образом, легитимизироваться через заинтересованность общества в деятельности высококомпетентных людей, причем такая высокая компетентность является следствием, по крайней мере, как врожденных способностей, так и «хорошей подготовки». Общество заинтересовано также в высокой экономической производительности, но, заведомо отбрасывая предположение, что каждый участвующий в производстве его индивид или коллектив будут одинаково результативны, оно вынуждено предусматривать специальные вознаграждения своим наиболее продуктивным участникам. Точно так же большим и сложным коллективам необходима эффективная организация, одним из первичных факторов которой является институционализация авторитета и власти, при этом неизбежно возникает создающая неравенство ситуация — ситуация относительной «концентрации» власти.

Существует два способа примирения между ценностными императивами сущностного равенства и функциональными требованиями компетентности, производительности и коллективной эффективности, — все это, разумеется, пересекается в конкретных секторах социальной структуры. Первый способ состоит в инсти-

туционализации *подотчетности*, самым известным случаем которой являются отчеты избираемых должностных лиц своему электорату. Некоторые функции выполняют, хотя и несовершенным образом, экономические рынки, а также механизмы удостоверения компетентности в мире науки, свободных профессий и в некоторых других «фидуциарных» органах.

Второй способ состоит в институционализации равенства возможностей, с тем чтобы ни один гражданин не был лишен, по известным нам аскриптивным признакам (раса, социальная принадлежность, религия, национальность и т.п.), свободного доступа к деятельности (прием на работу) или к условиям, обеспечивающим возможность эффективной деятельности (получение медицинского обслуживания и образования). Идеал этот очень далек от полной реализации, однако сама сегодняшняя распространенность мнения, что равенство возможностей есть не что иное, как «пародия» на демократию, в действительности говорит о возросшей серьезности этой проблемы в наши дни. Раньше «низшие классы» или лица, ущемленные по другим аскриптивным основаниям, просто принимали как данность, что преимущества, которыми обладают «лучшие», «не для них», и не протестовали. Так что сила протеста не есть простая функция от величины «зла».

Совершенно ясно, что стремление к равновесию между ценностной установкой на равенство, с одной стороны, и неравенством, вытекающим из функциональной эффективности, с другой, сопряжено в современных обществах со сложными интегративными проблемами, поскольку многие исторические основания для иерархической легитимизации утрачены. Эта трудность усугубляется еще и тем, что проблема присуща не одной определенной сфере жизнедеятельности общества, но множеству самых разных. Существует много источников функционального неравенства; классификация по признакам «компетентности», «экономической производительности» и «коллективной эффективности» дает лишь самые элементарные точки отсчета. В высокоплюралистической социальной системе необходима не только интеграция притязаний на особые привилегии с принципом равенства, но и интеграция разных видов притязаний на особые привилегии.

Такая интеграция представляет собой ядро складывающихся институтов стратификации. По нашему мнению, ни одна из дошедших до нас в наследство формул, претендующих на описание современной системы стратификации, не является удовлетворительной. Конечно же этническая принадлежность не является ее основой, за исключением особых и все реже встречающихся случаев. Не являются ею также ни аристократия в прежнем смысле,



ни класс в марксистском понимании. Она все еще в недостаточной мере развита и очень нова.

Интеграция такого рода социетального сообщества должна зависеть от специальных механизмов. Они касаются в основном того, каким образом наделяются общепризнанным престижем не только определенные группы, но и статусы, которые эти группы занимают, включая должности, пользующиеся авторитетом в коллективах. Существенно, чтобы престиж таких групп и статусов устанавливался не на основе одной какой-то позиции, а на различных комбинациях таких факторов, как богатство, политическая власть или даже «моральный» авторитет. Мы определяем престиж как «коммуникационный узел», через который факторы, существенные для интеграции социетального сообщества, оцениваются, уравниваются и интегрируются в «продукт», называемый *влианием*. Осуществление влияния какой-то одной единицей сообщества или группой таких единиц может способствовать приведению других единиц к некоему консенсусу путем обоснования распределения прав и обязанностей, ожиданий, связанных с их исполнением, и вознаграждений в зависимости от вклада в общее дело. На данном уровне рассмотрения общее дело — это дело в интересах общества, представляющего собой сообщество.

Сосредоточенность на социетальном сообществе, характеризующая эту книгу в целом и данную главу в частности, надо уравновесить признанием, что ценности потенциально, а обычно и реально выходят за рамки *любого* такого конкретного сообщества. Это — одна из причин, почему в книге говорится о системе современных обществ, а не об одном таком обществе. Силы и процессы, преобразовавшие социетальное сообщество Соединенных Штатов и обещающие преобразовывать его и дальше, не являются характерными для одного этого общества, но пронизывают всю уже модернизованную и «модернизирующуюся» систему. Только с этих позиций можно понять европейские общества, не имеющие собственных расовых проблем, когда они чувствуют себя вправе укорять американцев за бездушие в отношении черных, или небольшие независимые страны, когда они начинают вопить об «империализме». С этой точки зрения решающее значение приобретает вопрос об институционализации *единой для всех современных обществ* системы ценностей, включая все, что она влечет за собой в плане стратификации.

Главный фокус напряженности и конфликта, а значит, и творческих новаций в нынешней ситуации находится, похоже, не в экономике в смысле идущего из XIX в. противостояния капитализма и социализма; нет его и в политике в смысле проблемы

«справедливого» распределения власти; правда, оба эти конфликта отнюдь не исчезли. Гораздо актуальнее сегодня культурные проблемы, особенно порожденные революцией в образовании. Но многое указывает на то, что эпицентр бури находится в социальном сообществе. С одной стороны, относительно устарели многие прежние ценности, такие, как наследственные привилегии, этническая и классовая принадлежность. С другой стороны, остаются нерешенными проблемы интеграции нормативной структуры общества (которая представляется вполне завершенной в основных своих чертах) с мотивационной основой солидарности (которая остается весьма проблематичной). Новое социальное сообщество, понимаемое как интегративный институт, должно функционировать на уровне, отличном от тех, что привычны нашей интеллектуальной традиции; оно должно выйти за те пределы, где правят политическая власть, богатство и факторы, их порождающие, и подняться на уровень ценностных приверженностей и механизмов влияния.

## НОВЫЕ КОНТРАПУНКТЫ

Многим читателям может показаться, что особое внимание, которое было уделено американскому обществу в предыдущей главе, объясняется узкоместническим пристрастием автора. Но все же такой выбор был продиктован соображениями аналитического порядка. Вероятнее всего, нарождающуюся модель можно описать лучше, если остановиться на одном примере, но более основательно, чем на нескольких, но более поверхностно. Соединенные Штаты были выбраны, исходя из убежденности, что эта страна стала (как надолго, покажет время) лидером современной системы — не в обычном политическом смысле, а благодаря структурным инновациям, составляющим сущность современного общественного развития. Этот выбор основывался также на эволюционной схеме, в духе которой выдержана вся книга. Мы подчеркивали, что широкая тенденция развития в направлении «индивидуализации», децентрализации и добровольных ассоциаций началась еще при феодализме, как это описано у М. Блока. Если верно сделанное в третьей главе определение «северо-западного угла» Европы «лидирующим» в этой тенденции в XVII в., то та же логика подсказывает, что Соединенные Штаты играют роль лидера в теперешние времена; сравнимая модель явно просматривается в таких родственных обществах, как Канада и Австралия<sup>1</sup>. Эта перспектива американского общества была начертана А. Токвилем в 30-е годы XIX в., когда потенциал этого общества только лишь приоткрылся этому пронизательному наблюдателю. Представляется, что его взгляд дает более надежный ключ к пониманию американского общества, чем описания наших дней, в которых основной акцент делается на бюрократизацию и концентрацию власти.

Перейдем теперь к общей характеристике современной системы в целом. Мы утверждаем, что, как и на этапе ранней современ-

---

<sup>1</sup> См.: *Lipset S.M. The first new nation. N.Y.: Basic Books, 1963.*

ности, «ведущие» элементы осуществляют функцию целедостижения *для системы в целом* и функции адаптации и интеграции *внутри* ее. Такое раздвоение было характерно для Англии и Голландии в XVII в. и для Соединенных Штатов в XX в. Оно отражает общее направление развития современной системы в сторону адаптации и добровольности ассоциаций. Другая основная инновационная функция *для системы в целом* — адаптивная. Те общества, в которых преобладает адаптивная функция системы (Пруссия на раннем этапе и Советский Союз сегодня), внутри себя ставят во главу угла функцию социетального целедостижения.

Этот кажущийся парадокс лучше всего, вероятно, прояснить на конкретных примерах. Мы приписали Пруссии расширение и консолидацию преимущественно западной модели на северо-восточной границе системы европейских обществ и создание структурной базы для объединения Германии. Эти процессы породили ожесточенные конфликты, когда Германия интегрировалась в более демократическую и «ассоциативную» структуру Западной Европы, но затем реорганизованная Германия возглавила экономическую модернизацию на континенте.

Подобно Пруссии, Советский Союз «распространил» европейскую систему дальше на восток. С конца XVIII в. Россия все больше внедрялась в европейскую систему, особенно в войнах против Французской революции и Наполеона и при установлении вслед за ними в Европе «консервативной» межгосударственной системы. На протяжении XIX в. она, колонизировав Сибирь, расширила европейскую систему до Тихого океана.

В том, что главным источником инноваций для системы современных обществ на более поздних стадиях развития мы считаем подсистемы целедостижения и адаптации, есть одно важное допущение. Оно не было полностью раскрыто и обосновано в этой краткой работе и состоит в том, что институционализированные во времена Ренессанса и Реформации главные образцы ценностных ориентаций с тех пор оставались в общих чертах неизменными<sup>2</sup>. Конечно, вокруг ценностей разворачивались бесконечные конфликты, но по большей части они касались конкретных частностей и не затрагивали существа дела. Также очень важно, что каждый из прослеженных нами основных этапов дифференциации и другие процессы изменения стимулировали повышение уровня генерализации ценностного образца, а отчасти происходили в

---

<sup>2</sup> *Parsons T. Christianity//International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y.: Macmillan, 1968.*

результате этого повышения. Показательным примером может служить изменение, в результате которого на смену прежней христианской традиции государственных церквей и навязанного религиозного единообразия пришла разрешенная религиозная свобода.

Как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе сложились идеологии, отличающиеся от старых западноевропейских образцов; многое в них, особенно в советской, все еще частично отвергается западноевропейскими обществами. Но ценностное содержание этих идеологий следует, по моему мнению, рассматривать скорее как «конкретизацию» более общего западного ценностного образца — инструментального активизма, чем как отступление от него. В целом это замечание можно отнести также к идеологиям «социальной критики» и восстания, получившим широкое распространение в наши дни.

## СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

По мере того как русская революция упорядочивалась после хаоса, созданного военным напряжением, гражданской войной и внешней интервенцией, политический контроль в стране сосредоточивался в руках «диктатуры пролетариата» — особого коммунистического варианта социализма. Партия и государство стали агентами модернизации в той же мере, в какой были агентами революционных завоеваний.

Хотя индустриализация началась в России до революции 1917 г. (некоторые авторитеты доказывают, что революция на самом деле замедлила ее ход<sup>3</sup>), массированные усилия в этом направлении были впервые предприняты советским режимом. Из двух революций раннего периода модернизации Советский Союз наиболее успешно преуспел в первой — промышленной: в короткий срок он достиг второго места в мире.

Однако, несмотря на свой по преимуществу диктаторский характер, советский режим осуществил и многое из того, что свойственно демократической революции. Были ликвидированы многие аскриптивные компоненты старого общества: немедленно отменена монархия; устранена аристократия как статусная группа, более тесно привязанная к трону, чем даже во Франции; в течение значительного времени дети буржуазии и аристократии подверга-

---

<sup>3</sup> См.: *Gerschenkron A. Problems and patterns of Russian economic development// The transformation of Russian society/Ed. by C.E.Black. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press. 1960.*

лись такой систематической дискриминации, что в конце концов в стране сложился новый «высший класс»<sup>4</sup>.

Отождествление русской церкви с царским режимом было полнее, чем где-либо в Западной Европе. В своем радикальном антиклерикализме коммунистический режим следовал Французской революции и зашел в этом дальше, чем это случилось в любой некоммунистической стране. Прежняя позиция церкви была подорвана, а терпимость в отношении организованной религии весьма ограничена. Марксизм-ленинизм обрел, однако, полурелигиозный статус, что препятствовало становлению религиозного плюрализма.

Индустриализация значительно сократила масштабы локальной замкнутости и партикуляризма. Произошло значительное развитие городов, системы образования, возросла географическая и социальная мобильность, хотя свобода передвижения и смены рабочих мест оставалась относительно ограниченной<sup>5</sup>.

Эти процессы указывают на сдвиг в сторону развития в социальном сообществе гражданского комплекса. На определенных уровнях советская система культивировала универсалистские стандарты и стремилась к полному включению всех своих граждан в жизнь общества как через всеобщее образование, так и через насаждение в умах государственной идеологии. Советская политическая система даже еще в большей степени, чем Французская революция, стояла перед дилеммой жесткого контроля партии и государства, с одной стороны, и максимизации свободы, декларируемой идеалом «отмирания государства», — с другой. Проблема эта свойственна социальным институтам, занимающим промежуточное положение между верховной властью и народными массами.

Многие из институтов, с которыми боролась, хотя и в разной степени, Коммунистическая партия, снова стали довольно открыто признаваться. Один из них — это дифференциация в оплате труда, отражающая, как и в других обществах, разницу в компетентности и ответственности. Другой — семья. После того как развод можно было получить по первой просьбе, настал период, когда добиться его стало труднее, чем в большинстве капиталистических обществ<sup>6</sup>. Индивидам и семьям было разрешено иметь неко-

---

<sup>4</sup> *Fainsod M.* How Russia is ruled. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963.

<sup>5</sup> *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet citizen. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1959.

<sup>6</sup> См.: *Geiger K.* The family in Soviet Russia. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1969.

торые личные финансовые ресурсы в виде сберегательных счетов и т.п.<sup>7</sup> Точно так же, при всех имевшихся ограничениях, значительней стала независимость судебных органов от административных властей<sup>8</sup>. Хотя все эти институты сегодня признаны, все еще остается сомнение относительно их влиятельности и автономности, например в отношении родительского контроля за детьми.

Главным же вопросом всегда был вопрос государственного управления экономикой. В сталинское время пятилетних планов, подготовки к войне и войны концентрация власти достигла крайних пределов. Это была эпоха политического тоталитаризма и «командной экономики»<sup>9</sup>. Экономическое развитие носило до мельчайших деталей экстраординарный характер, но, как показала Большая Чистка конца 30-х годов, его сопровождала жестокая политическая напряженность, следствием чего стал кризис «десталинизации» середины 50-х годов.

Командная экономика подавила или резко ограничила многие из главных механизмов, действующих в других индустриальных экономиках, наиболее наглядно — деньги и рынки<sup>10</sup>. Вместо рынка была создана система иерархических решений. Директора предприятий проводили в жизнь распоряжения центральных плановых органов, используя материалы и рабочую силу, выделяемые им другими, управляемыми также из центра организациями<sup>11</sup>. В результате такой радикальной централизации появлялись многочисленные трудности, и советская власть пыталась ограничить ее, не подвергая опасности социалистические принципы. Распределение рабочей силы было особо уязвимым местом, поскольку политика прямого командования слишком резко ограничивала индивидуальную свободу. Советская практика сегодня далеко отошла от полувоенного образца — приказного прикрепления людей к определенной работе. Такая же в основе своей проблема характерна и для потребления. Хотя советские плановики часто высмеивали капиталистический «суверенитет потребителя», они все чаще сталкиваются с необходимостью строить свои производственные планы с учетом того, что потребители считают по мень-

---

<sup>7</sup> См.: *Inkeles A., Bauer R.A.* Op. cit.

<sup>8</sup> См.: *Berman H.J.* Justice in the U.S.S.R. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963.

<sup>9</sup> См.: *Grossman G.* The structure and organization of the Soviet economy//Slavic Review. 1962. Vol. 21. June. P. 203—222.

<sup>10</sup> См.: *Grossman G.* Economic systems. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1967.

<sup>11</sup> *Berliner J.S.* Factory and manager in the U.S.S.R. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1957.

шей мере приемлемым. Особенно это стало заметно после недавнего роста потребительских доходов<sup>12</sup>, который можно рассматривать как начало фазы, называемой У.Ростом «массовым потреблением»<sup>13</sup>.

Вероятно, самой серьезной проблемой остается демаркационная линия между правами государства и гражданина. С точки зрения западных ценностей на тоталитарном этапе, символизируемом террором и тайной полицией, отрицались «права граждан» на защиту *от* государства<sup>14</sup>. После смерти Сталина давление государства значительно ослабло, хотя остается неопределенным, насколько прочно укоренились в обществе гражданские права. В соответствии с идеологией провозглашалось, что с приходом коммунизма наступит пора почти неограниченных индивидуальных свобод, но неясно, как это собирались осуществлять на практике.

Хотя в Советском Союзе институционализировано избирательное право, в его рамках допускался только выбор по принципу «да—нет» и пресекалась любая организованная оппозиция теми, в чьих руках находится власть. Но пусть эта система и не предоставила рядовому гражданину реального выбора в отношении проводимого политического курса, тем не менее она действительно уже отличалась от старой европейской «легитимности», при которой индивиды рассматривались как подданные своих монархов<sup>15</sup>.

Из этих начинаний может развиваться политический компонент гражданства, более похожий на общеевропейские образцы. Сталинский тип диктатуры, по всей вероятности, уже не повторится. По крайней мере, судя по всему, ныне нельзя уже править без утверждения Центральным Комитетом Коммунистической партии важных политических решений, с существованием ЦК уже нельзя не считаться и им нельзя манипулировать, как это было при Сталине. Эта система способна эволюционировать к чему-то, примерно соответствующему английской парламентской системе XVIII в.

Социальный компонент советского типа гражданства развит высоко. Несмотря на то что он сосредоточен в структурах по сво-

---

<sup>12</sup> *Goldman M.I.* The Soviet economy. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1968.

<sup>13</sup> *Rostow W.W.* The stages of economic growth. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1954.

<sup>14</sup> *Moore B. (jr.)* Terror and progress: U.S.S.R. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1954.

<sup>15</sup> См.: *Inkeles A.* Public opinion in Soviet Russia. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1954.



им характеристикам гораздо более иерархических, бюрократических и авторитарных, чем в основных западных обществах, по нему все же можно судить, как далеко ушел Советский Союз от абсолютизма XVII в.<sup>16</sup>

В самой диктатуре Коммунистической партии заключены источники нестабильности. Партия и, следовательно, ее руководство *самоназначены*. Ближайшей параллелью, видимо, могут служить «святые» в политических образованиях кальвинистов, включая раннюю Новую Англию. Во всех этих случаях легитимизирующая культурная традиция не предоставляла универсального критерия, определяющего, кого полагается считать элитой. Советская система не признавала легитимизацию по рождению — этого классического стабилизатора аристократических систем. В той мере, в какой партия преуспеет в воспитании всего населения в духе добропорядочного социализма, в стране будет нарастать давление в сторону демократизации, подобное тому, какое развилось в западных политических системах и в протестантизме, когда ставился вопрос о ликвидации особого статуса избранных.

Таким образом, реально предположить, что процессы демократической революции в Советском Союзе еще не достигли точки равновесия, а дальнейшее развитие вполне *может* пойти в основных чертах по пути образования одного из западных типов демократического государства, с ответственностью перед электоратом, а не перед самоназначенной партией.

Перед революцией формальное образование всех уровней было доступно в России лишь относительно небольшому меньшинству. Одно из первых великих советских достижений было связано с внедрением массового образования. В результате советский народ сегодня является одним из самых широко образованных в мире. Быстрее, чем почти в любой другой стране, за исключением Соединенных Штатов и Канады, происходило здесь повышение уровня образования от начального к высшему. Особый упор делался на естественные науки и технику, во многом из-за стремления к быстрой индустриализации и по военным соображениям, а также по причине их относительной идеологической безопасности. В высшем образовании насаждение официальной идеологии занимало исключительное место и в значительной мере определяло содержание и форму гуманитарных и социальных наук. В нынешних выражениях недовольства режимом ведущая роль принадлежит

---

<sup>16</sup> Inkeles A., Bauer R.A. Op. cit.

литературно-художественной интеллигенции, которая подвергается серьезным репрессивным мерам.

Научные исследования в Советском Союзе сосредоточены в Академиях наук, существующих отдельно от университетов. Связанной с этим организационной особенностью является то, что контроль за подготовкой специалистов осуществляется не столько университетами, сколько соответствующими министерствами. Например, медицинские институты подчиняются Министерству здравоохранения, а не Министерству образования. Вполне вероятно, что основные причины такого организационного устройства носят политический характер. Академическая система ограждает исследовательскую работу от «публичных» секторов общества, обеспечивая исследователям большую свободу, чем была бы у них, если бы их работа имела более широкий общественный резонанс и тем самым находилась под непосредственным контролем общественности.

С установлением после второй мировой войны новых коммунистических режимов в Восточной Европе и затем в Китае закончился этап «социализма в одной стране». Европейские социалистические общества создали против западных некоммунистических влияний не «железный занавес», а некую весьма проницаемую границу. Эта проницаемость, наряду с такими каналами, как радиовещание, публикации и взаимные посещения, воздействовала на советскую систему существенным образом.

До второй мировой войны пограничные страны в целом были более «европейскими», чем Россия. И нет ничего удивительного в том, что они, хотя в различной степени и спорадически, обнаруживали более сильные устремления к либерализации (в западном варианте). Несмотря на то что Советы время от времени прибегали к жестким мерам для подавления движений за автономию в Восточной Европе, как это было в Венгрии в 1956г. и в Чехословакии в 1968г., в долгосрочном плане воздействие всего этого на саму советскую систему, вероятнее всего, будет способствовать ее либерализации, хотя это и нельзя утверждать со всей определенностью. В некоторых отношениях цена, которую Советский Союз платит за поддержание своей «империи», сходна с той, что многие капиталистические державы платят, чтобы справиться с движениями за независимость в своих бывших колониях.

Коммунистический Китай бросил первый серьезный вызов советскому главенству в «мировом» коммунистическом движении, породив серьезную напряженность, которую мало кто мог ожидать несколько лет тому назад. Этот вызов может подтолкнуть Советский Союз к каким-то договоренностям с Западом, правда в

противоположном направлении здесь действуют обязательства по поддержанию единства в коммунистическом движении.

На первом послесталинском этапе советского коммунизма Хрущев ввел формулу мирного сосуществования, поразительно напоминающую формулу *cuius regio, eius religio*, которая покончила с религиозными войнами. Она также представляла собой выражение отрицательной терпимости: с иностранным идеологическим противником не предполагалось больше бороться силой, однако не допускались какие-либо уступки в отношении легитимности его идеологической позиции. Возможно, несмотря на то что Америка завязла во Вьетнаме, «горячая» фаза холодной войны близится к концу. Но если только параллель с исторической ситуацией в религии верна, то «мирное сосуществование» не является устойчивой позицией. По всей вероятности, развитие продолжится в том направлении, чтобы через многие превратности прийти к идеологически более «экуменической» ситуации.

### **«НОВАЯ ЕВРОПА»<sup>17</sup>**

В европейской части современной системы обществ происходили бурные события — две мировых войны, первая из которых породила русскую революцию и фашистские движения, а вторая подписала приговор «имперскому» статусу европейских держав и передала лидерство Соединенным Штатам и Советскому Союзу.

Если определять главную линию развития Европы одним словом, может быть, самым подходящим будет слово «американизация». Этот термин часто употребляется европейскими интеллектуалами в уничижительном смысле. Мы надеемся, что постепенно произойдет освобождение от этой эмоциональной оценки, а также от самой постановки вопроса о том, насколько перемены в Европе обязаны американскому «влиянию» и насколько собственному развитию, хотя последнее несомненно имеет существенное значение. В определенных отношениях идеологическая реакция на «американизацию» сродни контрреформации или консервативному союзу против последствий Французской революции. Реформация, демократическая революция и, думается, «американизация» наравне с ними — все это процессы необратимых перемен в западном обществе, рассмотренном как единое целое.

---

<sup>17</sup> Общее обсуждение этой темы см.: *A new Europe?*/Ed. by S.R. Graubard. Boston: Houghton Mifflin. 1964.

После 1870 г. континентальный центр тяжести переместился во Францию и новую Германию. Несмотря на острые конфликты между этими странами, вместе они составляли главный базис для воспроизводства образца в нарождающейся «новой Европе» или в современной системе как целом, хотя после второй мировой войны этот базис расширился за счет Северной Италии. Новый североцентральный регион имел смешанный религиозный состав. Наличие противоборствующих сил, подобных «Kulturkampf» в Германии и клерикалам и антиклерикалам во Франции, не помешало дальнейшему развитию религиозного плюрализма, которому способствовало и ослабление папства в Италии с ее в основе своей светским государством.

Франция, бывшая изначально эпицентром демократической революции, отстала в промышленном отношении; большая доля ее рабочей силы по-прежнему занята в сельском хозяйстве и мелком предпринимательстве. Остаются заметными такие аскриптивные компоненты, как регион проживания, статусы аристократа, буржуа, рабочего и крестьянина. Франция и близко не подошла к той неаскриптивной интеграции социетального общества, которая получила наибольшее развитие в Соединенных Штатах<sup>18</sup>. Система высшего и среднего образования второго уровня (lycées) была до последнего времени нацелена на гуманитарное образование очень малочисленной элиты, рекрутируемой главным образом из высшей буржуазии.

Голлизм, вероятно, можно рассматривать в качестве мягкого функционального эквивалента нацистского движения. В нем подчеркивался национализм, отчасти как компенсация за унижение 1940 г. и утрату французской колониальной империи. Этот режим был экономически консервативным, особенно в том, что касалось озабоченности международным финансовым положением Франции. Но процессы экономической стабилизации и оживления после затяжной инфляции, длившейся в течение жизни целого поколения, принесли с собой новые виды неравенства. Прежде всего, рабочий класс не получил справедливой доли в растущем национальном доходе.

По сравнению с Францией Германия перед второй мировой войной быстро индустриализировалась. Эта скорость, однако, создавала колоссальное напряжение в ее плохо интегрированном социетальном сообществе, расколотом по религиозным, региональным и иным

---

<sup>18</sup> См.: *Hoffmann S. et al. In search of France. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963.*

признакам<sup>19</sup>. Хотя Германия была пионером в области социального обеспечения, центром профсоюзного и социалистического движений, демократическая революция в ней протекала медленно, а возможности получения высшего образования были ограниченными. Система социальной стратификации сохраняла многие старые элементы аскриптивного неравенства и многообразия. Эти факторы в сочетании с поражением в первой мировой войне, внезапной, но неустойчивой политической демократизацией и усилением советского коммунизма создали условия для прорыва нацизма.

Самым важным источником напряженности, вызвавшим к жизни нацизм, было не соперничество великих держав, а внутренняя структура немецкого социетального сообщества, что проявилось в выборе евреев на роль главного негативного символа, в стремлении собрать в единую нацию всех этнических германцев и в ожесточенном национализме. Антисемитизм также указывает на то, что центральными точками напряженности социетального общества были экономика и система занятости: еврей стал символом опасного и беззастенчивого конкурента, которому нельзя доверять, поскольку он не «принадлежит» к национально-этническому обществу. Фактически, такой же смысл имело и присущее немецкой социальной мысли, начиная с XIX в., увлечение идеями о преимуществах *Gemeinschaft*<sup>20</sup>.

Нацистское движение, даже при всей его колоссальной мобилизации государственной мощи, было острой социально-политической смутой, а не источником будущих структурных образцов<sup>21</sup>, хотя оно, возможно, и внесло свой вклад в послевоенную интеграцию немецкого социетального сообщества.

---

<sup>19</sup> См.: *Baum R.* Values and uneven political development in Imperial Germany/ Unpubl. doctoral dissertation. Harvard University, 1967.

<sup>20</sup> См.: *Parsons T.* Democracy and social structure in pre-nazi Germany// *Parsons T.* Essays in sociological theory. N.Y.: Free Press, 1954. Об отношениях между антисемитизмом и антикоммунизмом см.: *Social strains in America*// *Structure and process in modern societies*. N.Y.: Free Press, 1960; *Full citizenship for the Negro American?/ The Negro American*/ Ed. by T. Parsons, K. Clark. Boston: Houghton-Mifflin, 1966. Последние две статьи перепечатаны в: *Politics and social structure*. N.Y.: Free Press, 1969.

<sup>21</sup> Противоположная интерпретация за последние тридцать лет представлена во множестве работ, посвященных социальной критике. Перечислим несколько самых главных: *Fromm E.* Escape from freedom. N.Y.: Holt, 1941. [*Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.]; *Arendt H.* The origins of totalitarianism. N.Y.: Meridian, 1958. [*Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996.]; *Voegelin E.* The new science of politics. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1952. Особенно интересный подход к проблеме содержится в кн.: *Moore B. (jr.)* Social origins of dictatorship and democracy. Boston: Beacon, 1966.

Несмотря на то что политическая интеграция любого крупномасштабного и меняющегося общества всегда может быть только частичной, представляется все же, что Франция и Германия испытывали бóльшую политическую (как внутреннюю, так и внешнюю) нестабильность, чем другие страны, особенно те, что мы рассматриваем как выполняющие в современной системе «интегративную» роль. Со времен революции Франция имела три монархических и пять республиканских режимов. Новая демократическая система, установившаяся в Германии после первой мировой войны, всего через пятнадцать лет уступила место нацизму. Даже если отвлечься от раздела Германии, ее нынешняя стабильность несколько шатка, хотя прямое возрождение нацизма представляется маловероятным.

Франко-германские отношения находились в центре международных споров, в результате которых были развязаны обе мировые войны. Движение за объединенную Европу хотя и встретило серьезные препятствия после прихода к власти де Голля, может помочь стабилизировать ситуацию, особенно учитывая наличие такой экономической базы, как Общий рынок. Стабилизации может помочь более чем двадцатилетнее существование ООН и то обстоятельство, что отношения Восток—Запад постепенно смягчаются.

Во Франции<sup>22</sup>, но также в Германии и Италии важен особый статус «интеллектуалов». Эти страны являются, по-видимому, средоточием великого наследия европейской интеллектуальной культуры. Исторически это наследие было тесно связано с аристократией и церковью, и упадок этих институтов способствовал выдвижению интеллектуалов.

В противоположность Соединенным Штатам, европейский академический мир гораздо менее тяготеет к профессионализации, вобрав в себя меньшее число интеллектуальных функций, занимаясь, например, «гуманистическими писаниями». Несмотря на древность своих традиций, интеллектуалы представляют собой менее дифференцированную группу. Самые интеллектуальные, в строгом смысле этого слова, дисциплины тесно связаны с художественным творчеством: «богемное» общество есть своего рода эмансипированная элита, разделяющая с аристократией презрение ко всему «буржуазному». Особое внимание к высокой культуре, свойственное Франции и Германии, и служит одним из основных доводов в пользу того, чтобы считать эти страны цент-

---

<sup>22</sup> См.: *Crozier M. The cultural revolution: Notes on the changes in the intellectual climate in France//A new Europe?/Ed. by S. R. Graubard.*

ром сохранения и воспроизводства образца в системе современных европейских обществ, несмотря на их политическую нестабильность.

Старый «южный пояс» довольно сильно ослаб. Испания, столкнувшись с внутренними трудностями, попала в изоляцию и стала первой из великих колониальных держав, растерявшей основную часть своей империи. Подъем бисмарковской Германии ослабил Австрийскую империю, которая рухнула после первой мировой войны. Италия объединилась сто лет назад, но так и не стала перворазрядной державой.

Северо-западный угол старой европейской системы, сегодня включающий Великобританию, Голландию и Скандинавию, но не Францию, играет в современной системе главным образом «интегративную» роль. Сюда, несмотря на остроту внутренних этнолингвистических противоречий, может быть включена Бельгия, а также Швейцария<sup>23</sup>. Интегративные общества имеют зрелые и сравнительно устойчивые демократические политические институты и хорошо организованные партийные системы<sup>24</sup>. Фашистские движения в этих странах большого успеха не имели.

Хотя эти общества и различаются по тому, следуют ли они традиции гражданского или обычного права, всех их характеризует наличие прочных правовых систем, довольно независимых от политических давлений. Все они имеют твердые традиции гражданских свобод, и ни в одной из них комплекс законов, регулирующих собственность и контрактные отношения, не испытал серьезного подрывного воздействия радикально-социалистической политики. Все страны, кроме Бельгии, находятся в условиях относительно этнической и языковой однородности.

В этих странах имеется также высокоразвитое «государство всеобщего благосостояния», в котором социальное обеспечение и другие способы перераспределения благ повышают социальную защищенность особо низкодходных групп населения. Развитию в этом направлении содействовали социал-демократические партии, которые в целом размежевались с коммунистическим движением и пользуются широкой поддержкой (часто даже

---

<sup>23</sup> В «интегративную» категорию могут быть также включены Канада и Австралия. Об их отличиях от Соединенных Штатов см.: *Lipset S.M. The first new nation*. N.Y.: Basic Books, 1965. Сегодняшняя Австрия, кажется, больше относится к подсистеме воспроизводства образца.

<sup>24</sup> Относящиеся к этой проблеме материалы см.: *Cleavage structures, party systems and voter alignment*/Ed. by S.M.Lipset, S.Rokkan. N.Y.: Free Press, 1967; *Political opposition in Western democracies*/Ed. by R.Dahl. New Haven: Yale Univ. Press, 1966.

большинства) избирателей. Влияние социализма больше сказалось в политике социальной помощи, чем в обобществлении средств производства.

Социальное и культурное развитие этих стран отражает их сравнительное богатство и опирается на мощную индустриальную экономику в Англии и Швеции и в большей степени ориентированную на торговлю экономикой в Голландии. Если сравнивать темпы экономического роста Англии с Германией и Соединенными Штатами, можно видеть замедление роста в этой стране в конце XIX в. Кроме того, сильная зависимость английской экономики от внешней торговли, а также изменение ее политического положения в мире создали с тех пор дополнительные трудности. Вероятно, английская экономика будет скоро инкорпорирована в Общий рынок.

Стратификационное устройство интегративных обществ носит в определенном смысле промежуточный характер. Что касается *относительного* благосостояния, то в интегративных обществах оказывается помощь и поддержка группам населения с низким доходом и низким статусом более, чем где-либо еще, кроме развитых социалистических. В отличие от американского и советского обществ, в обществах этого типа, особенно в Великобритании, аристократические элементы по-прежнему допускаются к участию в определении характера «режима». Либерализация условий для социальной мобильности, особенно английский закон об образовании 1944 г., подменяет собой столь характерные для Соединенных Штатов широкую статусную дифференциацию и массовое повышение уровня образования<sup>25</sup>. Тем не менее стратификационная модель этих стран, по всей вероятности, начала сближаться с американской. В Швеции также сохраняются определенные элементы аристократических привилегий, несколько напоминающих те, что существуют в Германии.

Повсеместно в обществах современного типа основная тенденция состоит в том, чтобы определять «классовую» принадлежность максимально широким образом, что, однако, трудно примирить с различиями в доходах, жизненных стилях и символах, с неравенством в обладании политической властью. Американская система стратификации строится вокруг понятия среднего класса. Позиция «высшего класса» относительно непопулярна и непрочна. Там, где он сохранился, он все больше понимается как «властвующая

---

<sup>25</sup> См.: Marshall T.H. Class, citizenship and social development. N.Y.: Anchor, 1965.



элита». В то же время все меньше людей можно отнести к рабочему классу в классическом смысле этого слова — остаются лишь «бедняки». В Советском Союзе все уважаемые люди, включая директоров предприятий, ученых, правительственных чиновников и разнообразных интеллектуалов («интеллигенцию»), считаются членами «рабочего класса»\*. Другие сегменты системы современных обществ сохранили, хотя и под разными прикрытиями, больше элементов традиционной «капиталистической» двухклассовой системы. Однако практически повсюду в современной системе происходят стремительные перемены в характере классовых и статусных отношений.

Хотя промышленная и демократическая революции в «новой Европе» все еще представляют собой действенные силы, вероятно, самым важным направлением развития является революция в образовании. По существу, условия для нее сформировались еще в старой Европе, в их числе были европейская культурная традиция и введение поначалу в обществах крупного масштаба (в Германии) всеобщего образования (Англия в этом отношении оставалась позади)<sup>26</sup>. По сравнению с Соединенными Штатами и Советским Союзом общества, определяющими функциями которых являются интеграция и сохранение образца, оказались более «консервативными» в плане образовательной революции, но теперь они в нее втягиваются. Эта тенденция будет способствовать росту «меритократии» и поставит на повестку дня проблему уравнивания технического знания и «гуманистического воспитания» в высшем образовании. Великие гуманистические традиции ведущих европейских стран станут частью культурного багажа всех современных «образованных» классов. Подобные «вливания», вероятно, помогут избавиться от искривлений, связанных с нынешним культурным «американизмом».

Практически везде в современной системе, и в социалистических, и в капиталистических обществах, произошли студенческие

---

\* Эта точка зрения Т. Парсонса спорная, но отражает объективные трудности, создаваемые принятой в советском обществоведении системой социальной стратификации, в которой утверждалось существование двух основных классов — рабочих и крестьян и интеллигенции как прослойки между ними. Вопрос о классовой принадлежности упомянутых Парсонсом категорий населения оставался нерешенным. — *Прим. ред.*

<sup>26</sup> *Landes D. Technological change and development in Western Europe, 1750–1914//The industrial revolution and after/Ed. by H.J.Habakkuk, M.Postan. Cambridge (Eng.): Cambridge Univ. Press, 1965. Vol. 6.*

волнения<sup>27</sup>. Они явились следствием расширения демократической и образовательной революций, а равно и некоторых возможностей, предоставляемых обществу промышленной революцией (например, экономические средства для поддержки массового высшего образования и достаточный спрос на людей с высшим образованием в системе занятости).

Вопрос о статусе студента в академической системе относительно не отрегулирован, и существуют поразительные параллели между сегодняшними студенческими движениями и рабочим движением XIX в. В академической системе студенты занимают низшие позиции на шкале престижа и участия в управлении. К тому же родители многих студентов не имели высшего образования<sup>28</sup>, что позволяет провести параллель между студенчеством и индустриальными рабочими, мигрировавшими из сельской местности. И то и другое движения характеризовались демократической идеологией с сильным утопическим оттенком. Крайние требования студентов сосредоточиваются на установлении по-настоящему демократического управления университетами, при котором каждый студент участвовал бы в управлении наравне с профессором. Похоже, что студенческое движение уже раскалывается на радикальное крыло и умеренное, как это было с рабочим движением. Кроме того, студенческая активность, как и рабочая, может иметь более широкие сферы приложения — саму академическую систему и общественную политику в целом.

Конечно, у этой параллели есть свои пределы. Статус студента, в отличие от рабочего, — временный статус. Далее, различие между рабочими и «капиталистами» основывалось на унаследованном классовом положении, различие же между преподавателями и администрацией, с одной стороны, и студентами, с другой, таковым не является. Как бы то ни было, студенческие волнения явным образом связаны с новым уровнем массового высшего образования.

---

<sup>27</sup> Студенческие движения и волнения внушительно проявились также в ряде обществ, которые мы бы отнесли не к современным, а к «модернизирующимся». Самая ранняя, как кажется, волна прокатилась по Латинской Америке, за ней последовали другие волны, например в Индии и Индонезии. Как в эти рамки вписывается движение «красных охранников» (хунвэйбинов) в Китае, остается неясным. В любом случае наша задача — отметить общность этого явления для всех обществ, которые относительно современны по нашим критериям.

<sup>28</sup> *Meyerson M.* The ethos of the American college student//*Daedalus*. 1966. Summer. P. 713–739.

## МОДЕРНИЗАЦИЯ НЕЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВ

Как Соединенные Штаты, так и Советский Союз имеют в основе своей европейские культурные традиции и веками тесно взаимодействовали с Европой. Но теперь современная система расширилась за пределы «западного» культурного ареала<sup>29</sup>. Начиная с XV—XVI вв. европейское влияние через торговлю, миссионерство, переселение и захват колоний распространилось фактически на весь остальной мир.

Япония, однако, модернизовалась без европейской культуры или европейского населения. Добровольная изоляция от Запада и от континентальной Азии в течение двух с половиной веков была вызвана по преимуществу защитной реакцией, особенно при режиме Токугавы, такой же смысл имели и первые шаги по модернизации страны после признания невозможности дальнейшей изоляции. Вначале страна избрала вариант модернизации, свойственный больше восточному региону европейской системы, чем англо-американскому. Императорская Япония Мэйдзи разработала свою конституцию по образцу имперской Германии<sup>30</sup>, гарантируя специальные конституционные привилегии военным и учредив централизованную национальную систему образования. Режим хотя и не поддерживал прямо, но терпимо относился к сосредоточению экономической власти в руках монополий дзайбацу.

Избирательное заимствование восточно-европейских институциональных моделей точно отвечало японской специфике. Социальная структура периода династии Токугавы в целом строилась вокруг коллективного целедостижения<sup>31</sup>. Хотя в определенных случаях она была «феодально» децентрализована, но в то же время организована по иерархическому принципу, и человеческие ресурсы можно было легко мобилизовать как в территориальных владениях феодалов, так и через их родовую структуру.

В Японии, таким образом, по крайней мере потенциально, имелись первичные условия для создания интегрированной политической системы, что стало основным направлением модернизации страны после «революции» Мэйдзи. Сопоставимых институциональных ресурсов не существовало, например, в Китае или Ин-

---

<sup>29</sup> Более развернутое общее введение в эту проблему с позиций, аналогичных изложенным здесь, см.: *Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and change*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.

<sup>30</sup> См.: *Bendix R. Nation building and citizenship*. N.Y.: Wiley, 1964.

<sup>31</sup> См.: *Bellah R. Tokugawa religion*. N.Y.: Free Press, 1957.

дии<sup>32</sup>. В отношении азиатского «приграничья» и потребностей ускоренной модернизации Японию можно сравнить с Пруссией и позже с Советским Союзом, где власть центрального правительства также была сильна. Режим Токугавы был ориентирован, по видимому, на удержание всех «феодальных» подразделений страны в состоянии статического равновесия, что, однако, делало шатким некоторые из внутренних структур. Правление Мэйдзи, ориентированное на международные связи, объединило эти подразделения на национально-государственной основе.

Несмотря на «притертость» самобытных и заимствованных элементов, модернизация создавала и очаги острой напряженности, в первую очередь в развитии официально патримониальной бюрократической организации в правительстве и бизнесе. Эти очаги, вероятно, послужили главным источником тяготения Японии к фашизму после первой мировой войны. Ситуация в чем-то напоминала ситуацию в Германии этого же периода<sup>33</sup>. Несмотря на важные различия между этими двумя обществами, парламентаризм и связанные с ним структуры в Японии оказались подвержены такому же сильному давлению, как и аналогичные им институты в Германии. Оба государства, спровоцированные «вакуумом власти», встали на путь военной экспансии.

Присоединение Японии к «оси Берлин—Рим» во время второй мировой войны и ее поражение означали новый поворотный пункт в истории страны. В условиях американской оккупации и в качестве американского союзника Япония порвала со своим близким полуфашистским прошлым и создала демократический парламентский режим. Несмотря на существование сильного национального социалистическо-коммунистического движения, она в целом поддержала «свободные» демократические государства в холодной войне. Страна пошла по пути дальнейшей индустриализации и модернизации, включая регулирование роста народонаселения. Японское сельское хозяйство модернизовалось на основе системы семейных ферм, делающей ненужной коллективизацию, и в этом Япония не отличается от Соединенных Штатов, Великобритании и все более приближается к образцам Западной Европы.

Несмотря на значительные достижения Японии в модернизации, особенности ее модели с трудом поддаются оценке. В самом

---

<sup>32</sup> См.: *Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives.* Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.

<sup>33</sup> *Maruyama M. Thought and behavior in modern Japanese politics.* L.: Oxford Univ. Press, 1963.

деле, похоже, что Япония еще не «утрасилась» до состояния стабильности. Ее ранняя склонность к прусской модели коренилась в особенностях местной социальной структуры и подпитывалась за счет международного окружения, в котором можно было «пожиться», прибегнув к агрессивно-оборонительным и экспансионистским действиям. После 1945 г. Япония решительно повернула к адаптивно-интегративной функциональной модели. Будущий курс Японии больше, чем у других индустриальных обществ, зависит от ее международного положения, в частности от того, будет ли она втянута в орбиту все увеличивающего свою мощь коммунистического Китая. Либеральная адаптивно-интегративная модель может прочно институционализироваться в Японии, но ей нет нужды абсолютно точно копировать американскую модель, особенно в двух аспектах.

Во-первых, образец политической легитимизации, символизируемой институтом императорской власти, обладает внутренне присущей ему нестабильностью. В отличие от структуры высшей власти в других современных обществах, в Японии она не искала обоснования непосредственно в какой-нибудь великой исторической религии — христианстве, конфуцианстве, буддизме или в каком-то их побочном продукте вроде марксизма. Структура власти в Японии покоится на историко-этническом базисе, не обладающем собственной внутренней обобщенной ориентацией, на основе которой можно было бы уверенно предсказывать вероятную тенденцию социального развития<sup>34</sup>. Последствия напряженностей, возникающих в ходе рационализации, неизбежной в условиях современности, для Японии остаются неопределенными, хотя дело может идти и к становлению конституционной монархии англо-скандинавского типа. Во-вторых, у Японии нет твердо институционализированной правовой системы в западном смысле<sup>35</sup>. Даже в последнее время японские правовые институты кажутся гораздо слабее, чем, скажем, в дореволюционной России. Острые конфликты интересов, присущие быстрой модернизации, должны соответственно сдерживаться во многом с помощью политических методов, а не путем формального судопроизводства, а также с помощью неформального регулирования, в определенной степени незави-

---

<sup>34</sup> См.: *Eisenstadt S.N.* The McIver lecture: Transformation of social, political and cultural orders in modernization//*American Sociological Review*. 1965. Vol. 30. October. P. 659—673.

<sup>35</sup> *Rabinowitz R.W.* The Japanese lawyer/Unpubl. doctoral dissertation. Harvard Univ., 1956.

симого от политики. Таким образом, политический процесс в Японии неизбежно и необычайно сильно отягощен бременем интеграции.

Эти соображения заставляют думать, что Япония менее других современных обществ предрасположена к стабильности. И все же эта страна, вне сомнения, проделала длинный путь в направлении промышленной, демократической и образовательной революций и являет собой первый значимый пример относительно полной модернизации большого и совершенно незападного общества. Опыт ее развития поэтому ставит множество самых общих вопросов о будущем единой системы современных и становящихся современными обществ.

«Империалистическая» стадия во взаимоотношениях западных обществ с остальным миром была переходной. Движение к модернизации сегодня охватило весь мир. В частности, элиты большинства немодернизованных обществ воспринимают важнейшие ценности современности, в основном ценности, касающиеся экономического развития, образования, политической независимости и некоторых форм «демократии». Хотя институционализация этих ценностей остается и еще долго будет оставаться неравномерной и чреватой конфликтами, стремление к модернизации в незападном мире, вероятнее всего, не прервется. Ожидать какого-то ясного исхода нынешнего постимпериалистического брожения придется еще очень долго. Но бремя доказательства лежит на тех, кто утверждают, что в течение следующих двух веков в той или иной части мира произойдет консервация какого-то явно *несовременного* типа общества, хотя вариации внутри современного типа общества, скорее всего, окажутся многообразными.

Перспективы успешной модернизации незападных обществ представляют собой настолько сложный вопрос, которым занималось такое множество специалистов, что лучше всего ограничиться здесь лишь двумя замечаниями. Во-первых, упадок колониальных империй и жесткие границы внутри современной системы, порожденные холодной войной, создали благоприятные условия для возникновения блока, называемого «третьим миром», в качестве стабилизирующего фактора процесса мировой модернизации. Он может стать классическим примером *tertius gaudens*. Во-вторых, в той мере, в какой Япония достигнет успешной модернизации и стабилизации, утвердив себя преимущественно интегративным обществом, она сможет занять позицию первостепенной важности, став моделью для модернизирующихся незападных обществ и фактором, уравнивающим различные силы в международных делах.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Сложная проблема перспективы возникает, когда исследование (как в данной книге) охватывает несколько столетий, заканчиваясь обсуждением насущных сегодняшних проблем в обществах, в жизни которых участвуют и автор, и его читатели. Эта проблема становится особенно явной при рассмотрении конфликтов и напряженностей в последней части пятой главы и при выдвижении доводов в пользу особого внимания к американскому обществу в начале шестой главы. В этих местах книги нагляднее, чем в других, видны трудности объективного отбора проблем и явлений из запутанного клубка текущих событий при неполноте информации о них, при существующем к тому же в соответствующих областях социальной науки значительном разбросе мнений, многие из которых можно отнести к разряду «идеологических».

Посему лучшая стратегия сохранения объективности заключается в стремлении к *состыковке* используемой в этом исследовании теоретической схемы, заведомо компаративистской и эволюционной, с предъявленными эмпирическими фактами, отобранными для подтверждения теоретических толкований. Конечно, важно не упускать из виду, что данное сочинение и предшествующее ему<sup>1</sup> задумывались как единое целое. Чем продолжительнее временной отрезок и шире диапазон сравнений, в рамках которых подвергается эмпирической проверке такого рода аналитическая схема, тем вероятнее, что выделяемые конкретные характеристики и тенденции развития окажутся как эмпирически, так и теоретически значимыми.

Представляется, что эта перспектива в основном не выходит за пределы веберовских взглядов как на общий характер социокультурной эволюции, так и на природу современного общества. Однако читатель, знакомый с работами М.Вебера, должен иметь в

---

<sup>1</sup> *Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.*

виду, что эта книга не является просто попыткой «осовременить Вебера»; в ней имеются существенно иные акценты в интерпретации структур и тенденций. Подписался бы Вебер под этими рассуждениями, если бы прожил еще полвека и был знаком с общественными событиями и научными достижениями этого периода, мы, естественно, знать не можем. Но мы целиком согласны с Вебером в том, что развитие того, что он называл западным обществом, в современную эпоху обладает «универсальной» значимостью для человеческой истории, а также с вытекающим из этого положения суждением, что развитие это носит не произвольный, а определенным образом *направленный* характер.

Эта направленность представляет собой одну из трех составляющих концепции о том, что современные общества образуют некую единую систему. Вторая составляющая этой концепции — это утверждение о едином происхождении современного типа общества, выдвинутое Вебером и более или менее пространно обсужденное нами во Введении. Третья составляющая, а именно тот смысл, в котором современная система предстает как дифференцированная система (нескольких) обществ, нуждается, однако, в дополнительном разъяснении.

Во второй главе мы обратили особое внимание на то, что уже в феодальные времена европейская система была внутренне дифференцированной по функциональным направлениям. Эта дифференциация сильно продвинулась к XVII в. и вместе с расширением системы за ее первоначальные границы сохранилась до наших дней. С определенной точки зрения более позднее развитие в этом направлении — раздел между преимущественно католическими и преимущественно протестантскими областями, между этнически и лингвистически различающимися «нациями» и политически независимыми государствами — подразумевало «дезинтеграцию» средневекового единства западного христианского мира, существовавшего под эгидой церкви и Священной Римской империи. Но этот процесс не состоял в одной только дезинтеграции; для системы в целом он имел и позитивное значение. Такая дифференциация явилась одним из главных вкладов в способность системы не только инициировать значительные эволюционные перемены, но и создать условия для их институционализации. Несмотря на фрагментацию, Запад в течение всего занимающего нас периода оставался регионом с общей культурой, основанной на христианской религиозной традиции и на основе того, что она наследовала от Израиля и классической Греции, причем последнее приобрело самостоятельное значение как через институциональное наследие Рима, так и через воссоздание в эпоху Ренессанса. Будучи убеж-



денными в важности этого общего наследия, мы и посвятили ему так много места в этой главе.

В этих общих рамках, включавших в себя еще очень частично и не прочно институционализированный общий политический порядок, выделенные нами инновации получали определенный «резонанс» в тех частях системы, которые были отдалены от основной магистрали ее общего развития. Так, английское обычное право можно связать не только с возрожденными традициями римского права в собственном наследии Англии, но и с традициями протестантизма на континенте — в конце концов, Кальвин был французом, а Лютер — немцем. Английское джентри можно представить как разновидность более общих образцов европейской аристократии, а экономическое развитие Англии и Голландии — как продолжение развития Северной Италии и пояса вольных городов вдоль Рейна. В культурной области характерны четко прослеживаемые связи между итальянской наукой, представленной Г. Галилеем, и английской, представленной И. Ньютоном, а в философии — между французом Р. Декартом, англичанином Т. Гоббсом и немцем Г.В.Лейбницем.

В последней главе мы говорили об «американизации» Западной Европы в нынешнем столетии, являющейся еще одним примером такого рода взаимодействия. Американское наследие является, конечно, в основе своей европейским, хотя и не полностью и в модифицированной форме. Но Соединенные Штаты остались частью одной с Европой системы и со своей стороны оказали на остальную ее часть влияние.

Конечно, здесь было достаточно конфликтов, «окраинного» примитивизма и отставания некоторых устарелых частей системы от передовых. Примером могут служить некоторые проявления контрреформации, а также отдельные проявления английской и французской «отсталости» в промышленной организации, если сравнивать с Соединенными Штатами. И наоборот, вплоть до нынешнего поколения многие культурные европейцы смотрели на Соединенные Штаты как на какое-то в культурном отношении неотесанное и провинциальное общество<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Можно привести пример из личной биографии. Сорок лет назад я был студентом в Германии, и как-то на танцевальном вечере молодая дама спросила меня, почему я выбрал местом обучения Германию. Мой ответ, что мне интересно познакомиться с немецкой (академической) культурой, она поняла так, будто «Bei Ihnen gibt es wohl keine Wissenschaft». [Ах да, я вроде бы слышала, что у вас там вообще нет никакой науки.] Такой взгляд даже тогда вызывал у меня возмущение, сегодня же вряд ли кто-нибудь станет его серьезно отстаивать.

Напряженности и конфликты можно наблюдать как внутри отдельных обществ, так и в отношениях между обществами, и здесь, пожалуй, как раз кстати сказать о последних. Есть две общие причины, почему напряженности и подспудные конфликты наиболее наглядно проявляются в межгрупповых, а не во внутригрупповых отношениях. Одна связана с тем, что солидарность внутри группы, включая сюда и «национальное» социетальное сообщество, сильнее, чем данной группы с другими, ей подобными, отсюда следует тенденция «переносить» конфликт в сферу межгрупповых отношений. Другая причина состоит в том, что, почти по определению, межгрупповой порядок институционализирован не так прочно, как внутригрупповой порядок на соответствующих уровнях, ибо защитные механизмы против циклического нарастания конфликта в первом случае слабее. В международной сфере, конечно, существует тенденция перерастания такой эскалации в войны, поскольку контроль над организованной силой здесь слабее всего, и такая сила используется как предельный инструмент принуждения. Вне всякого сомнения, история современных социетальных систем есть история частых, если не непрерывных военных действий. Несмотря на то что система современных обществ обладает определенными факторами самоограничения или, скорее, встроенными в нее смягчающими конфликты факторами, случилось так, что войны носили чрезвычайно разрушительный характер. Прежде всего это относится к религиозным войнам XVI и XVII вв., к войнам периода Французской революции и наполеоновского правления и к двум великим мировым войнам XX столетия. Последующий период протекает под угрозой еще более страшной ядерной войны. Поразительно то, что в *той же самой* системе обществ, где совершились прослеженные нами эволюционные процессы, существует столь высокая тяга к насилию, наиболее явно проявляющаяся в войнах, но дающая себя знать и внутри обществ, в том числе в виде революций.

Эти факты не несовместимы с тем, что выглядит как проявляющаяся временами тенденция к сокращению насилия как во внутренних, так и в международных делах<sup>3</sup>. Нынешние широко распространенные страхи перед неизбежной и роковой ядерной катастрофой ставят вопросы, на которые невозможно дать уверен-

---

<sup>3</sup> См.: *Parsons T. Order as a sociological problem//The concept of order*/Ed. by P.G.Kuntz. Seattle: Univ. of Washington Press, 1968; *Parsons T. Some reflections on the place of force in social process//Internal war: Basic problems and approaches*/Ed. by H.Eckstein. N.Y.: Free Press, 1964.

ный объективный ответ. Наш взгляд довольно оптимистичен: на уровне социетальной ответственности существует достаточно сильная мотивация для отступления от теперешней тотальной конфронтации (вероятно, разрешение кубинского кризиса 1962 г. может проиллюстрировать это утверждение).

Можно сделать еще одно замечание. Дополнительным показателем важности *системы* обществ служит то, что самые серьезные конфликты происходят, как представляется, между теми членами системы, которые далее всего расходятся по своим ролевым функциям и ценностям внутри системы. Ясно, что Реформация и ее последствия вызвали мощный раскол европейской системы, включая серьезное осложнение франко-английских отношений вокруг статуса династии Стюартов. Тем не менее оба «лагеря» — католический и протестантский, вполне очевидно, оставались частью западного христианского мира. Осложнения, последовавшие за Французской революцией, носили в каких-то отношениях схожий характер, как, впрочем, и осложнения периода холодной войны, продолжающегося по сей день. Марксизм, даже в том виде, в каком он существует в Китае, является, таким образом, такой же частью западного культурного наследия, какой в более ранний период был протестантизм. Наличие такого типа конфликта ни в коей мере не является доказательством того, что современная «система» в нашем понимании не существует<sup>4</sup>. Широко распространенный пессимизм относительно выживания современного общества тесно связан с сомнениями, присущими главным образом интеллектуалам, по поводу реальной жизнеспособности современных обществ и их морального права на выживание без их радикального изменения. Действительно, часто утверждается, что современное общество «целиком коррумпировано» и его можно очистить только тотальной революцией, для которой оно созрело.

Основания для нашего скептического отношения к такой позиции были изложены в конце пятой главы. Например, происшедшее на самом деле в последнее столетие существенное приращение в институционализации ценностей трудно совместить с

---

<sup>4</sup> Конфликты, связанные с так называемым империализмом, имеют несколько иной характер. Обычно они проистекают из появления в каких-то частях системы повышенной адаптивной политической способности, что, в свою очередь, ведет к принятию на себя контроля над другими, менее развитыми единицами в районах с «вакуумом власти». Однако такой контроль институционализируется обычно не полностью и при нарушении равновесия сил может привести в движение силы сопротивления или создать условия для «освободительных» движений.

диагнозом о почти повальной коррупции; хотя отчуждение, конечно, носит широкий и интенсивный характер и распространено среди значимых групп, все же в современном обществе трудно найти структурные предпосылки для какой-либо масштабной революции. Например, трудно убедить кого-либо в том, что нынешние структурно закреплённые несправедливости хотя бы отдалённо напоминают те, что более столетия назад были положены К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» в основу оправдания грядущей пролетарской революции. Теперь, укрепленные, что называется, задним умом, мы не можем не впечатлиться тем, что «революция» в ее классическом смысле не произошла ни в одной индустриально развитой стране, а ограничилась только относительно «слаборазвитыми» обществами (примером которых, без всякого сомнения, может быть Россия 1917 г.) и теми, что оказались под их военным владычеством (подобно Польше и Чехословакии после 1945 г.).

Объяснение того, почему так настойчиво и часто в отношении современных обществ звучат мнения, пропитанные «идеологическим пессимизмом», предполагает постановку проблем, безусловно выходящих за рамки этой небольшой книги<sup>5</sup>. Здесь мы ограничимся только тем, что обозначим достаточные основания для сомнения в достоверности таких взглядов, с тем чтобы оградить читателя от поспешных выводов, согласно которым главное направление современного развития на протяжении последних нескольких веков якобы вдруг пришло к концу, и потому перспектива, обрисованная в этой книге, а также в «Societies: Evolutionary and comparative perspective», не имеет отношения к оценке будущих этапов. По нашему мнению, несмотря на происходящие ныне крупные изменения, социолог XXI в. сможет

---

<sup>5</sup> Такой пессимизм, конечно, ни в коем случае не нов. Можно вспомнить знаменитый пример христианского пессимизма относительно общества ранней Римской империи, которое по любым меркам сравнительного социологического анализа, безусловно, не было полностью коррумпированным. Подобным же настроением была окрашена Реформация. Наиболее интересным и наводящим на размышления сравнением, однако, может служить колониальная Новая Англия. Как описывает П. Миллер, в случае неудач, каковым бы ни был их источник, колонисты часто совершали «иеремиады», своего рода оргии, во время которых они занимались самобичеванием, обвиняя себя в том, что *они* не исполняют в полной мере долга, возлагаемого на них их «миссией» в дикую страну. Можно предположить, что активистская посюсторонняя ценностная ориентация делает людей особенно чувствительными к расхождениям между ожиданиями и реальными свершениями; в экстремальных случаях *все* такие расхождения приписываются несовершенству живущего поколения. См.: *Miller P. Nature's nation. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press. 1968.*

различить столько же факторов преемственности с прошлым, сколько мы различаем теперь в отношении XIX в. и, конечно, предшествовавших ему столетий. Это убеждение, однако, не есть *предсказание*; в последнем случае любой критик мог бы совершенно правомерно потребовать более подробной расшифровки этого предсказания или отказа от него.

Наконец, давайте повторим заключительный аккорд пятой главы — мысль о том, что нынешний кризис (а в существовании такового сомневаться не приходится) имеет своим эпицентром не экономику, не политическую систему и не систему ценностей, а социетальное сообщество. Даже по сравнению с XIX в. в современных социетальных сообществах произошли глубокие изменения, в особенности в том, что касается *приспособления* к последствиям промышленной и демократической революций. В самое последнее время на передний план выдвинулись последствия революции в образовании. Мы убеждены, что на следующем этапе в центре событий будет находиться интеграция последствий всех трех революционных процессов между собой и с потребностями социетального сообщества. Предположительно, самые острые проблемы будут существовать в двух областях. Во-первых, в развитии культурных систем, как таковых, и в их отношении к обществу. Эту проблему можно обозначить как сфокусированность на определенных вопросах «рациональности» или на том, что Вебер называл «процессом рационализации». Во-вторых, в мотивации социальной солидарности в условиях крупномасштабного общества, ставшего высокоплюралистичным по своей структуре. Мы знаем, что наиболее примитивные солидарности, на которых основывается концепция *Gemeinschaft* в социальной мысли, не поддаются институционализации, но мы также знаем и то, что именно *в них* сосредоточиваются некоторые из главных проблем. К тому же ни один клубок проблем нельзя «разрешить» без конфликтов.

Можно ожидать, что нечто наподобие «кульминационного» этапа современного развития еще далеко впереди — весьма вероятно, через столетие или даже больше. Поэтому совершенно преждевременно толковать сегодня о «постсовременном» обществе<sup>6</sup>. Не упуская из виду явную возможность всеобщего уничтожения, тем не менее можно предположить, что в следующие сто с лишним лет будет продолжаться процесс оформления того типа общества, который мы называли «современным».

---

<sup>6</sup> См.: Porter J. The future of upward mobility//American Sociological Review. 1968/ Vol. 33. № 1. P. 5—19.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Поскольку в этой книге последовательно выдерживается линия на осмысление теоретических рамок для изучения социальной эволюции, мне хотелось бы начать с перечисления значительных работ, проясняющих статус биологической эволюции: *Simpson G.G.* The meaning of evolution. New Haven: Yale Univ. Press, 1949; *Mayr E.* Animal species and evolution. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963; *Stern C.* The continuity of genetics//*Daedalus*. 1970. Vol. 99; *Stent G.S.* DNA//*Ibid*; *Olby R.* Francis Crick, DNA, and the central dogma// *Ibid*; *Pauling L.* Fifty years of progress in structural chemistry and molecular biology//*Ibid*.

Наиболее важным обобщенным источником для понимания современного общества являются работы М.Вебера, особенно его Введение к серии исследований по социологии религии, английский перевод которого можно найти в подготовленном мною издании его работы «The protestant ethic and the spirit of capitalism» (N.Y.: Scribner's, 1930). [*Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма//*Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.] В своей мыслительной работе Вебер отталкивался от идей К.Маркса, наиболее полно представленных в «Das Kapital» (3 vols. Ed. by F.Engels. International Publishing C°) [*Маркс К.* Капитал//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23–26], и Г.В.Ф. Гегеля в его «Philosophy of history» (N.Y.: Dover, 1956) [*Гегель Г.В.Ф.* Философия истории//*Гегель Г.В.Ф.* Собр. соч. Т. 8. М.—Л., 1935].

Принятая в книге теоретическая ориентация в большой мере принадлежит самому автору. Из довольно большого числа работ, которые могут быть упомянуты в этой связи, сошлюсь прежде всего на книгу «Theories of society» (N.Y.: Free Press, 1961), в которой я был главным редактором, ответственным за отбор материалов и за вводные тексты, где отмечу собственную часть в общем Введении (*Parsons T.* An outline of the social system//*Op. cit.* P. 30–79) и мое Введение к части 4 (*Ibid.* P. 963–993). Особую важность пред-

ставляют статья «Evolutionary universals in society», включенная в сборник «Sociological theory and modern society» (N.Y.: Free Press, 1967), и статья «Christianity» в «The Encyclopedia of the Social Sciences» (8 vols./Ed. by E.R. Seligman. N.Y.: Macmillan). Еще один сборник статей, озаглавленный «Politics and social structure» (N.Y.: Free Press, 1969), во многом повторяет содержание сборника «Sociological theory» (N.Y.: Free Press, 1954), но в нем есть и дополнительные материалы, относящиеся к интересующим нас проблемам. Наконец, в смысле общей теоретической перспективы может быть полезна работа «Equality and inequality in modern society, or social stratification revisited» для журнала «Sociological Inquiry». Этот номер журнала опубликован Боббс-Меррилом как отдельная книга «Social stratification: Theory and research» (Indianapolis, 1970).

Среди своих современников или почти современников я чувствую себя обязанным множеству авторов. Список мог бы быть много большим, но я ограничусь упоминанием следующих: *Merton R.* Social theory and social structure. N.Y.: Free Press, 1968; *Smelser N.* Industrial revolution. Chicago: Chicago Univ. Press, 1959; *Idem.* Sociology of economic life. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1963; *Bellah R.* Beyond belief. N.Y.: Harper, 1970; и более специфическую работу М.Вебера «Sociology of law, sociology of religion» (Boston: Beacon, 1964) [см.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994] и другие части «Economy and society» (3 vols./Ed. by G. Roth, C. Wittich. Bedminster). Я считаю особенно важными проблемы права и особо упомяну следующие работы: *Fuller L.L.* The morality of law. New Haven: Yale Univ. Press, 1964; *Fuller L.L.* Anatomy of the law. N.Y.: Mentor, pb, 1969. Громадное значение имеет политическая социология, особенно связанная с трудами С.М. Липсета и С. Роккана. Лучше всего, может быть, обратиться к книге под их редакцией «Party systems and voter alignments» (N.Y.: Free Press, 1967) и к книге С. Липсета «The first new nation» (N.Y.: Basic Books, 1963).

В части исторической особенную ценность представляют работы: *Nock A.D.* Conversion: The old and the new in religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1933; *Nock A.D.* St. Paul. N.Y.: Harper, 1968; *Nock A.D.* Early gentile Christianity. N.Y.: Harper, 1964; *Harnack A. von.* Mission and expansion. N.Y.: Harper, 1961; *Jaeger W.* Early Christianity. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1969; *Troeltsch E.* Social teachings in the Christian Churches. N.Y.: Harper, 1960; *Lietzman H.* A history of early Church. N.Y.: Meridian World Publishing C°, 1961. О классическом институциональ-

ном наследии см. Трельча, Лота, Пирена, МакИлвейна, Гирке и «Город» М. Вебера [*Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества*].

Относительно средневекового общества ценнейшим источником является книга: *Bloch M. Feudal Society*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1968. [*Блок М. Феодалное общество // Блок М. Апология истории*. М.: Наука, 1973.] Кроме того, в высшей степени полезны и работы: *Southern R.V. The making of the Middle Ages*. New Haven: Yale Univ. Press, 1953; и труды Трельча, а по одному особенно важному вопросу о безбрачии книга: *Lea H.C. History of sacredotal celibacy*. N.Y.: University Books, 1966. Литература о Ренессансе и Реформации чрезвычайно обширна. Я предложил бы следующие работы: *Plumb J.H. The Italian Renaissance*. N.Y.: Harper, 1965; *Ben-David J. Sociology of science*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1971; *Kristeller P.O. Renaissance thought: The classic, scholastic and humanistic strains*. N.Y.: Harper, 1961. По различным проблемам, связанным с Реформацией, лучше обратиться к работе Вебера «Protestant ethic and the spirit of capitalism». N.Y.: Scribner, 1930 [*Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения*]; и к сборнику с предисловием С.М. Эйзенштадта «Max Weber: On charisma and institution building» (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1968). Я добавил бы сюда два исключительно важных источника: *Erikson E.H. Young man Luter*. N.Y.: Norton, 1958; *Little D. Religion, order and law*. N.Y.: Harper, 1970. Специальный интерес имеет книга: *Nelson B. The idea of usury*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1969.

В смысле общего описания условий все еще очень ценным источником остается книга: *Bryce L. The Holy Roman Empire*. N.Y.: Schocken Books, 1961; а по вопросам религии, конечно, Трельч и его книга «Social Teachings...». Фундаментальное исследование религиозной проблемы в Англии содержится в пятитомнике: *Jordan W.K. The development of religious toleration in England*. 5 vols. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1932–1940. По вопросам политики см.: *Beloff M. The age of absolutism, 1660–1815*. N.Y.: Harper, 1962; *Moore B. Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world*. Boston: Beacon Press, 1966. О раннем периоде парламентаризма см.: *McIlwain C.H. The High Court of parliament*. New Haven: Yale Univ. Press, 1910; и работы Неймиера. Также следует обратиться к работам: *Marshall T.H. Class, citizenship and social development*. N.Y.: Doubleday, Anchor, 1964; *Merton R. Science, technology and society in seventeenth century England*. N.Y.:



Harper, 1970; *Tawney R.H.* Religion and the rise of capitalism. N.Y.: Mentor, 1926.

Несколько более поздние процессы развития с политической стороны см.: *Palmer R.R.* The age of the democratic revolution. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1969. На многое проливает свет книга: *Polanyi M.* The great transformation. Boston: Beacon Press, 1944. Общий размах промышленной революции отражен в книге: *Clapham J.H.* The economic development of France and Germany, 1815–1914. Cambridge (Mass.): Cambridge Univ. Press, 1963; *Landes D.* Unbound Prometheus. N.Y.: Cambridge Univ. Press, pb. Информацию об истоках политической мысли можно найти в книге: *Allen J.W.* A history of political thought in the sixteenth century. N.Y.: Barnes & Noble, 1960. О социальной психологии развития демократической революции см.: *Weinstein F., Platt C.M.* Wish to be free: Society, psyche, and value change. Berkeley; Los Angeles: Univ of California Press, 1969.

В отношении Америки основным источником остается труд А.Токвиля «Демократия в Америке» (М.: Прогресс, 1992). В части культурных предпосылок особую важность имеют различные работы П.Миллера, в частности: *Miller P.* Errand into the Wilderness. N.Y.: Harper, 1964, а для понимания перехода в XIX в. — его книга «Life of the mind in America» (N.Y.: Harcourt, Brace & Yovanovich, 1965). Также представляет ценность книга Липсета «The first new nation». Специально о развитии религии см.: *Loubser J.J.* Development of religious freedom. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1964, Ph. D. dissertation. За пределами этого списка литература становится столь обильной и разнообразной, что почти не поддается обработке. Заслуживают упоминания: *Handlin O.* The uprooted. Boston: Little-Brown, 1951; *Rossiter C.* Seedtime of the Republic. N.Y., 1953; *Hartz L.* The liberal tradition in America. N.Y.: Harcourt, 1955; различные работы В. Кея, Р. Хофстедтера; *Berle A.A., Means G.C.* The modern corporation and private property. N.Y.: Commerce Clearing House, 1952; *Allen R.* The big change, America transforms itself. N.Y.: Harper, 1969; *Siegfried A.* America comes of age. N.Y.: Harcourt, Brace and Yovanovich, 1927; *Myrdal G.* An American dilemma. N.Y.: Harper, 1962.

Относительно позднейшего этапа модернизации в континентальной Европе и других регионах можно порекомендовать следующее: Transformation of Russian society: Aspects of social change since 1861/Ed. by C. Black. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1960; *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet citizen. Cambridge (Mass.): Harvard

Univ. Press, 1959; *Grossman G.* Economic systems. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1967; *Fainsod M.* How Russia is ruled. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963; *Berman H.* Justice in USSR: An interpretation of Soviet law. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963; *Bellah R.* Tokugawa religion. Boston: Beacon Press, 1970; *Maruyama M.* Thought and behavior in modern Japanese politics. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1963; New Europe/Ed. by S.R. Graubard. Boston: Houghton Mifflin, 1964; In search of France/Ed. by S.H. Hoffmann et al. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963.

Любой такой список, к глубочайшему сожалению, бывает неполным. Приведенные здесь работы могут служить ориентиром для читателя, а также до некоторой степени отражают тот материал, на который в формировании своих суждений опирался автор.

# УКАЗАТЕЛЬ\*

- Абсолютизм** 64, 65, 76, 80, 100, 109, 113, 122, 129, 169
- Августин, св.** 49, 51, 52
- Австралия** 163, 175
- Австро-Венгерская империя (Австрия)** 72, 73, 75, 76, 98, 99, 101, 175
- Авторитаризм** 73, 75, 76, 99, 109, 115, 125, 153, 169
- Авторитет** *см. также* Власть и авторитет 31, 34, 41, 52, 159, 161
- Адаптация** 16, 24  
адаптивная система (подсистема) 16, 23, 63  
адаптивная способность 12, 13, 43, 44, 96, 101, 102, 125, 139  
адаптивная функция 19, 20, 102, 164, 181
- Администрация** 42, 64, 89, 100, 117, 131, 178
- Академия наук** 5, 170
- Американизация** 171, 185
- Англия (Британия, Британское Содружество, Великобритания, Объединенное Королевство)** 63, 65, 66, 71, 73, 74, 76–97, 101, 103, 104, 108–110, 112, 114, 115, 117, 119, 125, 132, 143, 144, 164, 175–177, 185, 188, 192
- Антиклерикализм** 79, 80, 166
- Антисемитизм** 173
- Античность** 54, 56, 62, 66, 67
- Апелляция к чести и совести** 29
- Аристократия** *см. также* Баронство, Дворянство, Джентри, Юнкерство, Noblesse d'épée, Noblesse de robe 54, 56–58, 60, 62, 64–66, 73, 76, 78, 81–87, 89, 91, 92, 94, 96, 98, 100, 103, 109–111, 113–116, 118, 121, 122, 129, 137, 149, 151, 153, 158, 160, 165, 174, 185
- Аристотель** 66
- Аскетизм** 50, 96
- Аскриптивная зависимость** *см. также* Принцип аскриптивности 31, 47, 95, 108, 116, 117, 121–124, 128–130, 139, 147, 152, 154, 158–160, 165, 172, 173
- Ассоциация** 22, 28, 38, 41–43, 47–49, 55, 56, 58, 116–118, 123, 124, 128, 131, 137–140, 145, 152, 155, 163, 164
- Бавария** 75
- Баронство** 64
- Банк (банковская система)** 104, 108, 143, 144
- Бедность** 124, 125, 148, 153, 155, 158
- Безопасность** 103, 153, 169
- Белые воротнички** 144, 146
- Белый дом** 151
- Биль о правах** 111, 126, 159
- Бельгия** 120, 175
- Биологическая теория** 12
- Бисмарк О. фон** 101
- Блок М.** 163, 192
- Бог** 108
- Бог-Отец** 48
- Богемия** 73, 75
- Большинство** 99, 103, 104, 110, 112, 113, 115, 118, 128, 141, 143, 145, 149–151, 153–155, 166, 176, 182
- Боттичелли С.** 67
- Брак** 82, 98, 134
- Буддизм** 181

---

\* Настоящий указатель включает как имена, так и термины, содержащиеся в книге Т. Парсонса «Система современных обществ». Имена и термины даются в смешанном виде, в едином алфавитном порядке, иноязычные термины и выражения — отдельным списком после русского алфавита. В указателе приняты следующие знаки препинания: в круглых скобках указаны синонимы данного термина, употребляемые в книге; после запятой, отделяющей имя или термин, следует его уточнение; втяжкой под ключевым термином даются производные, конкретизирующие термины; знаком ~ обозначается повтор ключевого термина в случаях, когда это необходимо для точного прочтения. — *Прим. ред.*

Буржуазия 76, 83, 84, 96, 109, 110, 154, 165, 172

Бюрократизация 117, 141, 142, 163

Бюрократия 138–140, 155, 156

**Вандей** 91

Вассал 56, 57, 63, 64

Ватиканский собор, второй 133, 140

Вебер М. 96, 97, 117, 118, 138, 183, 190

Великая хартия вольностей 65

Вена 72

Венгрия 72, 73, 75, 170

Венский конгресс 115

Вера, религиозная 70

Версаль 151

Вестфальский договор 73, 99, 101

Взаимодействие 15, 16, 18, 19, 28, 29, 34, 39, 46, 110, 131, 185

Взаимообмен 17, 18, 20, 21, 27, 31, 32, 39, 40, 45, 60, 107

Взаимопроникновение 17, 19, 20, 21, 33, 74

Византийская империя (Византия) 59, 61

Включение 12, 24, 32, 43–45, 66, 75, 87, 94, 118, 119, 123–126, 132, 150, 159, 166

Власть 27, 28, 31, 32, 37, 39, 44, 50, 56, 58, 63–65, 69, 71–74, 77–78, 80–89, 92, 94, 95, 98, 100, 107–110, 116, 121, 125, 126, 130, 136–139, 154  
законодательная 34, 42, 122, 140  
исполнительная 34, 85, 86, 122, 140  
политическая 45, 51–53, 62, 83  
светская 51, 53

~ и авторитет 34, 159

вакуум ~ 76, 180, 187

концентрация ~ 139, 160, 163, 167

Властвующая элита 154, 176

Влияние 11, 27–29, 31, 42, 45, 59, 65, 162, 179, 185

Война 73, 78, 80, 115, 118, 119, 164, 165, 167, 170–175, 180, 182, 186, 187  
вторая мировая 170, 172, 180

Гражданская (за независимость) 119  
гражданская 78, 165

первая мировая 115, 119, 173, 174, 175, 180

Тридцатилетняя 73

ядерная 186

Вольный город 63, 69, 76, 185

Воспроизводство образа 15, 16, 18.

23, 24, 28, 33, 40, 62, 93, 98, 132, 134, 135, 172, 175

Вьетнам 171

**Габсбурги**, династия 72, 73, 75, 99

Ганноверская династия 82

Галилей Г. 74, 185

Гегель Г.В.Ф. 190

Генерализация ценностей 24, 29, 43–45, 93, 126, 132–134, 164

Генрих VIII 71, 73

Германия 74–76, 79, 99, 101, 115, 143, 144, 164, 172–177, 179, 180, 185

Германская империя 101

Гильдия 30, 58, 65, 88, 92

юридическая 30

Гогенцоллерны, династия 99

Голландия 73, 74, 77–79, 86, 92, 96, 103, 108, 109, 119, 164, 175, 176, 185

Голль Ш. де 174

Город 48, 49, 54, 55, 57, 59, 61–65, 69, 72, 76, 81, 83, 86, 87, 90–92, 95, 96, 103, 116, 119, 154, 166, 185, 192

Город-государство 49, 54, 62, 69, 72,

Господин 56, 64

Государство 11, 25, 30, 31, 33–37, 41, 42, 53, 54, 56, 57, 62–65, 69, 71–77, 80–83, 85, 87–89, 92–95, 98–101, 103, 107–110, 112–118, 120, 122, 125, 126, 129, 136, 141, 142, 152, 159, 165, 166, 168, 169, 172, 175, 180, 184  
авторитарное 115

национальное 75–77, 82, 87

территориальное 74, 75

Государственная служба 89, 137, 138

Град Божий 52

Гражданин 112, 126, 145, 160, 168

гражданские права 37, 88, 168

Гражданство 93, 94, 109, 112–113, 116, 124–126, 136, 141, 148, 152, 168, 169  
компоненты 111, 113

Грамотность 127

Греция, древняя 184

Григорий VII, папа римский 59

Группа 81, 86, 93, 106, 120, 124, 136, 137, 165, 176

этническая 76, 80, 120, 124, 153

интересов 88, 113, 123, 137

**Дарвинизм** 133

Дворянство 84, 86, 87, 100

Декарт Р. 185

Декларация прав человека 111

Действие 5, 6, 15–21, 23, 24, 27–29.

- 31–33, 36, 39, 42, 44–47, 51, 59, 60, 65, 66, 97, 96, 99, 113, 128, 131, 132, 134, 137, 138, 140, 158, 170, 181  
система ~ 15–17, 20, 21, 23, 24  
социальное 6, 29  
технологическое 32  
экономическое 32
- Демократизация** 87, 115, 146, 169, 173  
**Демократия** 72, 124, 137, 138, 156, 157, 160, 182, 193
- Децентрализация** 61, 137, 163
- Деятельность** 30, 31, 36, 42, 45, 48, 67, 68, 87, 89, 96, 97, 105, 111, 123, 127, 131, 134, 135, 142, 143, 145, 159, 160  
законодательная 31  
исполнительная 31
- Джентри** 85–87, 90, 92, 95, 100, 110, 185
- Дискриминация** 110, 147, 154, 158, 159, 166
- Диссидент** 78, 80, 93, 95  
диссидентство 78
- Дифференциация** 19, 25–26, 31–33, 36, 38, 43, 44, 46, 48, 50, 51, 53, 55, 60, 62, 63, 66–68, 74, 77–81, 83, 85, 89, 92–98, 101–103, 105, 108, 110, 113, 115, 117, 119, 122, 134–136, 139, 142, 144, 145, 148, 164, 166, 176, 184
- Диффузность** 57, 145
- Добровольность** 29, 41, 164
- Доверие** 108, 110
- Должность** 39, 40, 52, 54, 59, 64, 83, 84, 88, 91, 121, 122, 136–138, 140, 141, 148, 152, 155, 160, 161
- Домохозяйство** 44, 147
- Дух Божий** 49
- Духовенство** 52, 59, 60, 69, 70
- Духовное** 48
- Дюрер А.** 69
- Дюркгейм Э.** 6, 17, 18, 21, 32, 88, 102, 107, 110
- Евреи** 121
- Европа** 11, 12, 54, 57, 59–63, 72, 74–76, 79, 82, 87, 93, 98–102, 117, 119, 121, 123–125, 128, 138, 144, 146, 151, 153, 163, 164, 166, 170–172, 174, 177, 179, 181, 185
- Елизавета, королева Англии** 78
- Епископат** 59
- Естественное право** 111, 159
- Закон** 19, 24, 31, 34, 35, 42, 47, 52–54, 56, 59, 60, 68, 73, 78, 84, 87–89, 91, 100, 104, 109–111, 121, 122, 125, 126, 128, 140, 142, 154, 162, 170, 175, 176
- Занятость** 117, 144  
система ~ 93, 106, 144, 145, 173, 178
- Землевладельцы** 57, 64
- Земля** 62
- Идентичность** 77, 119
- Идеологический пессимизм** 188
- Иерархия** 26, 27, 39, 58, 81, 95, 106, 110, 141, 144, 148
- Избиратель** 86, 122, 141, 145, 176
- Израиль, древний** 46
- Иммигранты** 120, 121
- Императив** 32
- Имperialизм** 115, 158, 162
- Империя колониальная** 172, 182
- Индивид** 15–19, 21, 23, 25–27, 32, 36, 48, 70
- Индивидуализация** 163
- Индивидуализм** 97, 148
- Индивидуалистская социальная теория** 18, 26
- Индия** 179
- Индонезия** 178
- Индустриализация** 72, 117, 143, 144, 165, 169, 180
- Инквизиция** 72
- Инновация (новшество, новация)** 46, 63, 68
- Институт** 21, 22, 32, 38, 41, 47, 48, 54, 56–58, 60, 61, 88, 101, 105, 112, 117, 126, 135, 136, 138, 141, 143, 159, 162, 166, 167, 170, 174, 175, 180, 181  
~ процедуры (процедурные правила) 34, 35, 41, 42, 112, 157
- Институционализация** 17, 19, 21, 26, 38, 39, 42, 45, 47, 51, 70, 71, 95, 107, 110, 118, 124, 136, 138, 153, 162, 182, 184, 188, 189
- Интеграция** 15, 21, 23–26, 33, 39, 44, 45, 48, 50, 53, 64, 68, 71, 73, 74, 76, 80, 83, 86, 89, 93, 99, 105, 108, 132, 139, 161, 162, 164, 172, 174, 177, 182, 189
- Интеллектуал** 134, 153, 171, 174, 177, 187
- Интеллектуальные дисциплины** см. Наука 66, 67, 127, 133
- Интерес** 20, 24–28, 31, 34, 42, 43, 52, 59, 67, 68, 82, 83, 86–88, 90–93, 95, 99, 102, 104, 113, 121–123, 129, 137, 138, 145, 150, 155, 161, 173, 182, 185, 188, 191, 192

Интернализация 17  
Интерпретация 18, 30, 31, 126, 135, 156, 173, 184  
Иоанн XXIII, папа римский 133  
Ирландия 80, 81  
Искусство 12, 29, 67, 69  
Ислам 49, 68  
Испания 60, 61, 72, 74, 76, 77, 86, 98, 116, 175  
Италия 61–63, 66, 69, 72, 76, 90, 172, 174, 175, 185  
Иудаизм 47–50  
  
**Кальвин Ж.** 185  
Кальвинизм 78, 99, 100  
Канада 120, 163, 169, 175  
Канонический закон 47, 59  
Капитал 104, 106, 146  
Капитализм 6, 11, 12, 14, 40, 70, 97, 129, 144, 145, 148, 162, 190, 192  
    ранний 40  
Капитул 57, 58  
Карл Великий 53  
Карл V, император 72  
Католицизм 70, 72–75, 78, 79, 81, 94, 98  
Кембридж 63  
Кеннеди Дж.Ф. 119  
Кесарь 50  
Китай 170, 178, 180, 181, 187  
Класс *см. также* Аристократия, Буржуазия, Дворянство, Крестьянство, Пролетариат, Рабочий класс, Стратификация 19, 21, 27, 47, 48, 50, 62, 64, 76, 86, 91, 96, 100, 121, 122, 124, 148, 153, 155, 162, 166, 172, 177  
Классовое сознание 122  
Климент, св.о. 49  
Клир 51, 54  
Коллегиальность 58, 84, 131, 132, 140–142  
Коллектив 15, 18, 19, 24, 25, 27, 28, 30, 40–42, 69, 130, 136–138, 160  
Коллективные представления 21  
Коммуна 6  
Коммунизм 11, 168, 171, 173  
Компетентность 40, 43, 88, 126, 129–131, 139, 140, 147, 159, 160, 161, 166  
Конкуренция 111, 114, 130, 148  
Консенсус 21, 22, 42, 45, 89, 94, 132, 134, 161  
Консерватизм 71, 134

Константин, император 50  
Конституция 34, 35, 95, 118, 121, 123, 125, 126, 136, 144  
Контракт 27, 32, 38, 87, 103, 107, 142, 175  
    контрактные отношения 27, 175  
Контроль 19, 20, 22, 101, 114, 141, 142, 155, 165, 170, 186, 187  
Контрреформация 72–74, 98, 99, 109, 171, 185  
Конфессия 94  
Конфликт 10, 26, 74, 79, 83, 91, 92, 96, 99, 106, 114, 115, 120, 125, 137, 145, 157, 162, 164, 172, 182, 183, 185–187, 189  
    классовый 91, 106  
Конформизм 73, 84, 93  
Конфуцианство 181  
Корпоративность 41, 42, 49, 58, 65, 67, 71, 87, 108, 143, 149  
Королевство обеих Сицилий 72  
Космополитизм 82  
Коук Э., сэр 87  
Кранах Л. 69  
Крепостничество 56, 121  
Крестьянство 91, 122  
Кромвель О. 80, 85  
Кубинский кризис 187  
Культура *см. также* Система культурная 12, 13, 21, 29, 45–47, 49, 52, 55, 61, 62, 66–68, 74, 96, 116, 133, 135, 145, 153, 174, 179, 184, 185  
    светская (секулярная) 46, 47, 49, 52, 62, 66, 67, 74, 96, 116, 135  
    христианская 46

**Латинская Америка** 79, 178  
Лев III, папа римский  
Левые 78, 113, 134, 157  
Легитимизация (узаконение) 22, 26, 28, 29, 33, 34, 44, 48, 53, 54, 55, 71, 72, 74, 76, 77, 79, 80, 110, 160, 169, 181  
Лейбниц Г.В. 185  
Ленные отношения 56  
Леонардо да Винчи 67  
Лидер 31, 37, 39, 41, 57, 65, 86, 92, 96, 101, 110, 115, 136, 139, 146, 152, 163, 171  
Лидерство 115, 171  
Личность 13, 16–19, 21, 48, 96, 145  
Локк Дж. 96, 111  
Лояльность 25, 26, 28, 29, 32, 34, 55, 80, 91, 95

Лютер М. 70, 71, 185  
Лютеранство 69, 71, 99, 100

**Макдональд Д.** 133

Макиавелли Н. 68

Маркс К. 6, 11, 188, 190

Марксизм *см. также* Марксизм-ленинизм 166, 181, 187

Маршалл Т. 37, 111, 124, 126

Мексика 143

Меритократия 127, 177

Меньшинства 76, 79, 101, 118, 141, 153

Меркантилизм 88, 109

Механизация 146

Миланский эдикт 50

Миллер П. 151, 188, 193

Миллс Ч.Р. 154

Мобильность 83, 85, 105, 107, 121, 134, 146, 166, 176

Модернизация 6, 12, 23, 29, 31, 39, 55, 57, 60, 73, 77, 80, 95, 98, 101, 102, 116, 117, 119, 127, 133, 138, 143, 144, 149, 151, 152, 164, 165, 179–182, 193

Монархия 36, 59, 63–65, 71, 73, 76, 78, 80–86, 89, 91, 99, 100, 108, 110, 112, 114, 116, 118, 122, 165, 181

Монастырство (монастыри) 51, 57, 58, 66, 70, 90

Монашество 52, 68

Монетаризация экономики 143

Монотеизм 48

Мораль 29, 32, 33, 59, 70, 93

Мотивация поведения 16, 96  
удовлетворение потребностей 46  
Мэйдзи 179, 180

**Наем** *см. также* Рынок труда 32, 40, 44, 144, 144–147, 150, 155

Наполеон 115

Напряженность 10, 42, 60, 110, 113, 120, 125, 140, 154, 156, 157, 161, 167, 170, 173, 180, 181, 183, 186

Народ 48, 50, 53, 61, 75, 76, 109, 110, 112, 169

Население 20, 31, 37, 38, 48, 50, 57, 73, 76, 81, 90, 94, 99, 100, 101, 106, 109, 119, 121, 126–128, 143, 144, 147, 150, 153, 154, 169, 175–177, 179

Наследие 47, 52, 54, 61, 66, 122, 174, 184, 187, 192

Натурализация 124

Науки 5, 10, 12, 127, 128, 131, 133, 169, 170

поведенческие 128, 131, 133

социальные 10, 12, 127, 133, 169, 183

интеллектуальные дисциплины 66, 67, 127, 133

Нацизм 173, 174

Национализм 115, 116, 120, 124, 172, 173

Национальность 38, 160

Нация 173

Неравенство

Несвобода 56, 57

Низбет Р. 155

Новые левые 134, 157

Номинализм 68

Нонконформизм 84

Нормы 17–19, 23–27, 30, 31, 36, 44, 89, 130, 138, 151

Нью-Йорк 120, 151

Ньютон И. 67, 96, 185

**Образование** *см. также* Революция образовательная 37, 43, 72, 83, 88, 119, 121, 124–128, 130, 131, 135, 139, 141, 142, 147, 149–151, 155, 156, 158, 161, 162, 166, 169, 170, 172, 173, 176–179, 182, 189

массовое 127, 148, 156, 169, 177  
высшее 43, 127, 128, 141, 147, 149, 169, 172, 173, 177, 178

Общество *см. также* Современное общество, Социум 5, 6, 9–14, 17–27, 29–31, 33–36, 38, 39, 41, 42, 44, 46, 47, 50–62, 69, 70, 72, 74, 76, 77, 79–81, 85, 88, 92–94, 96, 98, 102, 106–109, 111–115, 117–128, 131–137, 140, 142–146, 148–153, 155–166, 168–178, 182–189, 191, 192  
изобилия 151

индустриальное общество 105, 107, 148, 167, 181

мирское (светское, секулярное) 48, 50–53, 56, 61, 62, 68, 70, 71, 74, 114  
национальное 77, 82, 94, 109, 130, 186

общество-«рассадник» 46

подсистемы – 23

римское 47, 55

средневековое 47, 55, 61, 192

территориальное 36, 92

феодальное 36, 47, 55, 59, 60, 192

Общественный договор 125

Община 47, 52, 54, 55, 58, 99, 155, 158

Общий рынок 174, 176

Общность 6, 48, 89, 95, 124

- Обязательность 41
- Обязательства 9, 18, 24–26, 28, 30–33, 44, 56, 80, 91, 132, 134, 135, 172
  - ценностные 28
- Огораживание, процесс 90
- Оксфорд 63
- ООН 174
- Оранский дом 82
- Организация 6, 21–23, 35, 38–40, 43, 44, 48, 52, 54, 55, 57–59, 62, 63, 71, 73, 76, 81, 86, 102, 105–108, 131, 138, 152, 162, 180, 185
  - административная 39
  - иерархическая 131
  - производства 22, 40
  - социальная 6, 39, 48, 81, 105
- Органическая солидарность 6, 102
- Ориген, св.о. 49
- Ортега-и-Гассет Х. 133
- Османская империя 75
- Относительное обнищание 145, 154
  
- Павел**, ап. 47, 51
- Папская область 61, 72
- Папство 49, 59, 72, 98, 172
- Париж 63, 84
- Парламент (парламентская система) 65, 77, 78, 84, 85, 89, 94, 95, 100, 112, 168, 180, 192
  - Конгресс 115, 122, 140
  - палата общин 85
  - палата лордов 85, 88
- Парламентаризм 77, 180, 192
- Партия политическая 42, 134, 136, 141, 166, 168, 169, 175
- Партикуляризм 60, 95, 166
- Патрициат 58, 62, 81
- Плюрализация 38, 43, 74, 113–115, 132, 137, 142
- Плюрализм 25, 27, 38, 74, 78, 81, 93–95, 99, 116, 118, 120, 132, 166, 172
- Поведенческий организм 15, 16, 18, 23
- Повышение адаптивного потенциала (способности) 44
- Подданный 31, 36, 76, 80, 100, 108, 109, 118, 168
- Подчинение 31, 39, 56, 106, 138, 140
- Показное потребление 151, 155
- Покровительство 56, 72
- Полис 49, 54, 58, 111
- Политика 25, 29, 30, 40, 50, 75, 83, 86, 109, 122, 124, 125, 137, 142–145, 162, 167, 175, 176, 178, 182, 192
- Польша 75, 100, 188
  
- Поместье 57, 58, 64, 85, 100
  - манор 57, 64, 90
- Португалия 116
- Порядок 23, 24, 26, 30, 33–36, 40, 47, 185, 186
  - легитимный 26, 35
  - нормативный 30, 33, 34, 36, 40
  - общественный 31, 98, 131
  - правовой 47, 125, 132, 152
  - рыночно-экономический 140
  - социетальный 24, 33, 34, 41
- Потребление 103, 149–151, 153, 155, 167, 168
- Права 26, 33, 37, 38, 47, 53, 56, 87–89, 91, 93, 94, 111, 126, 138, 139, 140, 157, 158, 168, 175
- Правительство 30, 33–36, 38–40, 64, 73, 76, 80, 82, 83, 86, 94, 108–110, 113, 121, 125, 148, 180
- Право *см. также* Система правовая 33, 35, 37, 53, 87, 89, 94, 95, 112, 114, 120, 122, 131, 136, 156, 159, 168, 185
  - гражданское 53, 89, 175
  - избирательное 37, 87, 112, 122, 135, 136, 139, 168
  - конституционное 35
  - обычное 87, 89, 94, 125, 175, 185
  - римское 47, 53, 54, 59, 62, 185
  - персонализация ~ 53
- Православие 61
- Правые 78, 114
- Президент 122, 140
- Пресвитерианство 81
- Престиж 27, 59, 81, 83, 84, 114, 161, 162, 178
- Приверженность ценностям 28, 29, 45, 94, 162
- Привилегия 56, 84, 86–88, 102, 109–111, 129, 153–155, 160, 162, 176, 179
- Принуждение 30, 31, 34, 35, 41, 70, 84, 91, 95, 186
- Принцип 12, 29, 32, 37, 38, 41, 42, 53–55, 57–60, 85, 107, 110–113, 116, 118, 122–126, 128, 129, 131, 137, 139, 140, 142, 148, 158, 160, 168, 179
  - аскриптивности 139
  - выборности 122, 141
  - наследования 129
  - разделения властей 125
  - территориальный 53, 55, 57, 124
  - эгалитарный 126
- Прозелитизм 47, 50
- Производитель 92, 104
- Производство 15, 16, 18, 20, 22–24,



- 28, 32, 33, 39, 40, 44, 45, 62, 89, 91–93, 98, 103–106, 117, 123, 132, 134, 135, 139, 142, 144, 146–148, 159, 168, 172, 175, 176, 182  
массовое 144  
продуктивность ~ 91
- Пролетариат** 154, 165
- Промышленность** 90, 91, 100, 103, 104, 106, 139, 140, 142, 146, 150, 152
- Просвещение, эпоха** 84, 125
- Протестантизм** 37, 69–74, 78, 79, 81, 94, 96, 98, 99, 118, 123, 133, 169, 185, 187  
американский 71  
аскетический 96, 99, 118, 123
- Протестантская этика** 97, 123
- Протообщества** 13
- Профессионал** 19, 22, 39, 43, 67, 88, 89, 122, 125, 126, 131, 134, 137, 139, 142, 144, 145, 148, 174
- Профессия** 43, 88, 105, 131  
свободная 131, 160  
юридическая 87, 88, 125
- Профессионализация** 125, 145, 150, 174
- Профсоюзы** 113, 124, 141, 142, 144, 146, 148, 173
- Профсоюзное движение** 146
- Пруссия** 74–76, 78, 99, 100–102, 117, 139, 164, 180
- Пуританство** 94, 95
- Рабство** 154
- Равенство** *см. также* Эгалитаризм  
возможностей 110, 111, 113, 127, 128, 148, 156, 162  
гражданское 130  
перед законом 111, 126
- Радикализм** 157
- Развод** 41, 166
- Разделение труда** 32, 92, 106
- Расизм** 124
- Рафаэль С.** 67
- Рационализация** 100, 181, 189
- Рациональность** 32, 41, 96, 189
- Реальность sui generis** 18, 19
- Революция** 34, 78, 79, 87, 91, 101–105, 107–113, 115–117, 121, 127–131, 133, 135, 136, 139, 146, 153, 156, 158, 162, 164–166, 169, 171, 172, 174, 177, 180, 186, 188, 189, 193  
демократическая 102, 108, 116, 117, 124, 127, 129, 130, 135, 139, 156, 165, 169, 171–173, 177, 178, 189, 193  
индустриальная (промышленная) 95, 101–105, 107, 111, 115–117, 127–130, 133, 135, 146, 156, 157, 177, 178, 189, 193  
образовательная (в образовании) 127, 130, 131, 133, 135, 136, 153, 158, 177, 178, 182  
русская 165  
Французская 79, 109–113, 117, 157, 164, 166, 171, 186, 187
- Ренессанс, эпоха** 47, 66–69, 71, 87, 104, 133, 164, 184, 192
- Республика** 78, 112, 122, 174
- Ресурсы** 20, 22, 28, 30, 32, 39, 40, 44, 49, 57, 62, 96, 100, 102, 103, 105, 107, 123, 131, 135, 142, 143, 167, 179, 180  
рабочая сила 32, 57, 144, 146, 147, 167, 172
- Реформация, эпоха** 47, 66, 67, 69–72, 74–79, 82, 94, 102, 114, 133, 164, 171, 187, 188, 192
- Рикардо Д.** 90
- Рим** 52–54, 62, 73, 91, 184
- Римская империя** 11, 47, 48, 51–55, 61, 63, 73, 74, 118, 184, 188
- Родство** 6, 22, 23, 85, 105, 106, 116, 129, 134, 135, 147, 163
- Роль** 5, 19, 20, 22, 24, 27, 42, 43, 49, 51, 61, 63, 64, 69, 71, 77, 78, 80, 84, 86, 89, 91, 94, 99, 101, 105, 106, 114, 115, 117, 120, 126, 135, 137, 141, 145, 155, 158, 163, 165, 170, 173–175, 186, 187
- Россия** 5, 61, 75, 99, 115, 164, 165, 169, 170, 182, 188
- Ростоу У.** 168
- Рузвельт Ф.Д.** 155
- Руссо Ж.Ж.** 109
- Рынок** 32, 40, 90, 92, 95, 97, 106, 117, 118, 145, 147, 148, 174, 176  
рыночная система 32, 38, 39, 103, 107, 108, 123, 129, 142, 153  
рыночная экономика 52, 65, 95, 117, 148  
~ труда 40, 117, 145, 147  
финансовый 104
- Саксония** 75
- Самодостаточность** 20–22, 52
- Самоидентификация** 119
- Самоорганизация** *см. также* Ассоциация 38, 41
- Санкция** 24, 25, 29, 30, 32
- Сартр Ж.П.** 133

- Светское 30, 46–49, 51, 53, 56, 58–60, 62, 67, 68, 80, 90, 96, 116, 119, 127, 133, 136, 172
- Свобода *см. также* Liberté, Эгалитаризм 78, 87, 94, 109–111, 116, 123, 126, 129, 138, 139, 153, 156, 165–168, 170, 175
- Свободное предпринимательство 107, 114, 123, 126, 130, 131, 133, 142, 143, 148, 149, 153, 160
- Святая Троица 49
- Священная Римская империя 53, 61, 63, 73, 74, 184
- Священный союз 99, 115
- Сегментация 26
- Секуляризация 66, 124, 132, 135
- Сельское хозяйство 90, 91, 95, 116, 147, 172, 180
- Семья 68, 105, 105, 134, 135, 145, 166, 167
- Сибирь 164
- Символ 13, 16, 18, 21, 22, 27, 29, 49, 50, 53, 64, 67, 68, 70, 80, 109, 118, 134, 154–158, 168, 173, 176, 181
- Система  
 современных обществ 5, 7, 10, 11, 13, 25, 30, 32, 34, 38, 42, 46, 54, 64, 72, 102, 126, 137, 139, 147, 149, 150, 156, 158–161, 164, 177, 181, 182, 186–188  
 социальная 10, 15, 16–24, 26, 29, 35, 44–46, 96, 110, 111, 116, 128, 145, 160  
 культурная 12, 16, 17, 21–23, 26, 29, 45, 46, 66, 132, 135  
 личностная 16  
 правовая 33, 34, 45, 53, 88, 89, 94, 95, 107, 116, 122, 125, 126, 144, 181  
 кредитная 143  
 родства 135  
 избирательная 112  
 образования 119, 124, 127, 135, 166  
 подсистема 15–18, 20, 23–25, 30, 35, 39, 40, 45, 46, 62, 63, 108, 142, 164, 175
- Скандинавия 76, 78, 175
- Сквайр 92
- Служение 56
- Смит А. 88, 106, 109
- Собственность 32, 38, 64, 82, 87, 88, 103, 106, 107, 111, 121, 123, 134, 135, 139, 142, 144, 145, 147, 149, 175  
 земельная 64, 82, 121, 149
- Советский Союз 73, 129, 130, 164, 165, 168, 170, 171, 177, 179, 180
- Современное (модернизированное, западное) общество 5, 6, 10, 11, 13, 25–32, 34, 38, 41, 42, 46, 47, 54, 57, 60, 64, 71, 72, 102, 108, 115, 117, 131, 132, 137, 139, 145–147, 149–153, 155–161, 169, 176–178, 181–184, 186–190
- Современность, эпоха 6, 11, 12, 33, 55, 102, 116, 117, 132, 135, 145, 151, 163, 181, 182
- Соединенные Штаты Америки (Новая Англия) 33, 71, 79, 103, 112, 115, 117, 119, 121, 123, 124, 126, 128, 132, 137, 139, 143, 144, 146, 148, 149, 152, 154, 158, 159, 162–165, 169, 171, 172, 174–177, 179, 181, 185, 188
- Солидарность *см. также* Органическая солидарность 6, 27, 28, 36, 38, 42, 45, 64, 64, 78, 79, 80, 89, 94, 96, 102, 114, 123, 124, 129, 130, 134, 162, 186, 189
- Сообщество *см. также* Социетальное общество 6, 19, 47, 49, 100, 105, 159
- Сословие 27, 56, 63, 81, 85
- Социализация 23, 120, 130, 135
- Социализм 11, 107, 129, 142, 145, 148, 156, 162, 165, 169, 170, 176
- Социетальное сообщество 13, 23–45, 47–49, 63, 71, 72, 76–81, 83–90, 92–95, 102, 108, 109, 111–128, 130, 132, 135–136, 142, 148, 152–154, 158, 161, 162, 166, 173, 174, 186, 189
- Социум *см. также* Общество 28, 34, 48
- Спарта 100
- Спасение 48–50, 69, 96
- Специализация 113, 145, 153, 154, 188
- Справедливость 113, 153, 162
- Среда 15–18, 20, 23, 28, 60, 61, 69, 75, 123, 131
- Средиземноморье 60
- Средневековые (Средние века) 47, 51, 55, 61, 71, 132
- Средства обмена 27, 28, 31, 32, 39, 44, 45, 104
- Сталин И.В. 168
- Статус 19–21, 25, 27, 37, 38, 48, 51, 53, 55–57, 63, 64, 69, 70, 75, 82, 83, 85, 88, 89, 94, 100, 106, 109–111, 113, 129, 134, 146, 178

**Стратификация** 27, 57, 62, 70, 81, 121, 122, 128–130, 135, 158–161, 173, 176, 177

**Страшный Суд** 50

**Структура** 18, 19, 21, 23, 24, 34, 37, 39, 42–44, 47, 49, 53, 55, 57–59, 62–64, 65, 73, 77, 81, 82, 84, 94–98, 101–103, 107, 113, 115, 116, 123, 125, 130–132, 138, 141, 146, 149, 151, 157, 160, 162, 168, 173, 179–181, 189

**Студенческие волнения** 156, 177, 178

**Стюарты, династия** 78, 81, 82, 85, 187

**Суверен** *см. также* Господин 36

**Суд** 30, 35, 88, 95, 111, 125, 158

судебная система 30, 64

**Судебные инны** 88

**Суперэго** 17

**Теология** 20, 32, 45, 128, 131, 141

**Терпимость религиозная (толерантность)** 37, 52, 74, 78, 79, 93, 118, 123, 166, 171

**Территория** 20, 22, 38, 60–62, 75, 99, 101, 118, 120, 123, 143

**Террор** 157, 168

**Технология** 20, 32, 45, 128, 131, 141

**Тихий океан** 164

**Токвиль А. де** 117, 163, 193

**Токугава** 179, 180

**Томизм** 68, 69

**Торговля** 64, 86, 90–92, 103, 116, 176

**Традиция** 6, 17, 31, 34, 35, 48, 53, 56, 64, 70, 79, 87, 89, 91, 97, 109, 122, 125, 162, 165, 169, 174, 175, 177, 179, 184, 185

**Традиционализм** 48, 60, 98

**Трельч Э.** 50, 53, 192

**Труд** 20, 32, 40, 44, 45, 92, 102, 104–107, 110, 117, 118, 123, 144–147, 150, 152, 166, 191

**Трудовое соглашение** *см.* Контракт 40  
**Тюдоры, династия** 82

**Убеждение** 27, 29, 31, 118, 189

**Универсализм** 60, 123

**Универсалистские, основы и пр.** 36, 53, 87, 98, 124, 126, 130, 138, 147, 151, 166

**Университеты** 30, 40, 63, 127, 131, 139, 149, 170, 178

**Управление** *см. также* Администрация, Бюрократия, Власть исполнительная, Государство, Монархия, Парламент 31–33, 36, 39, 42, 61, 64,

76, 84–86, 92, 94, 100, 106, 107, 112, 136–139, 144, 149, 167, 178

**Урбанизация** 148

**Участие** 25, 31, 34, 37, 40, 42, 48, 58, 69, 76, 78, 84, 86, 87, 98, 112, 113, 122, 126, 131, 135, 140, 145, 148–150, 154, 156, 158, 176, 178

**Уэльс** 81

**Фашизм** 180

**Федерализм** 137

**Феодализм** 11, 54, 55, 59, 61, 64, 82, 163

**Фидуциарная система (надзорные, попечительские органы)** 24, 42, 43, 138, 141, 145, 160

**Философия** 49, 63, 66–68, 94, 96, 127, 133, 185, 190

**Фландрия** 65, 69, 90

**Фома Аквинский** 58

**Форд Г.** 143, 144

**Франция** 61, 63, 65, 72, 74, 76, 79, 80, 82, 83, 85, 86, 91, 92, 96, 99, 101–103, 108, 109, 111, 114, 115, 119, 133, 138, 165, 172, 174, 175

**Фрейд З.** 17

**Фридрих Великий** 74

**Фундаментализм** 134

**Функционирование** 20, 21, 44, 129, 136, 138, 145, 156

**Функция** 6, 15, 16, 18–20, 23–25, 27, 30, 31, 34, 35, 38–40, 42–45, 56, 60, 83, 92, 98, 100–102, 104, 107, 125, 128, 134–137, 139, 142, 145, 160, 164, 174, 177, 187

**Хольбейн Х.** 69

**Христос** 48–50

**Христианство** 22, 46–48, 50–52, 55, 61, 69, 70, 75, 118, 181

**Хрущев Н.С.** 171

**Целедостижение** 15, 16, 19, 20, 23, 35, 101, 136, 151, 164, 179

**Ценностные образцы** 19, 21, 26, 157, 164, 165

**Ценности** *см. также* Генерализация ценностей 18, 19, 21–23, 26–29, 33, 39, 43–45, 70, 93, 94, 96, 102, 120, 123, 132, 133, 148, 157, 161, 162, 164, 168, 182, 187, 189, 191, 193

**Централизация** 49, 62, 65, 137, 167

**Церковь** 22, 37, 47–54, 58, 61, 63, 66,

- 68–70, 72, 73, 77, 78, 84, 90, 98, 114, 118, 132, 174  
англиканская 37, 78  
государственная 50, 71, 78, 99, 116, 118, 132, 165  
протестантская 69–71, 78, 81, 99  
римско-католическая (римская, католическая) 22, 61, 69, 70, 72–75, 79, 94, 98, 101, 114, 184–188  
видимая 69, 70, 77  
невидимая 69
- Цивилизация 12, 14, 47, 52  
Циклические кризисы 107
- Чехословакия** 170, 188
- Членство 19, 21, 26, 27, 29, 35, 36, 40, 41, 80, 94, 102, 111, 113, 124, 128, 131, 136, 139, 141, 158
- Швейцария** 63, 72, 73, 76, 175  
Швеция 176
- Эволюция** 5, 11, 12, 14, 34, 40, 43, 46, 55, 58, 60, 71, 72, 103, 107, 126, 183, 190  
социетальная 11  
Эволюционные изменения 43, 184  
Эгалитаризм 41, 49, 123, 152, 159  
Экзистенциализм 133  
Экономика 107, 142, 167, 173  
индустриальная 40, 167, 176  
командная 167  
рыночная 52, 65, 77, 95, 117, 148
- Электорат 34, 140, 143, 146, 147, 150, 162, 169  
Элиот Т.С. 133  
Элита 84, 99, 154, 162, 169, 172, 174, 177, 182  
Эмиграция 41  
Эмпирическое знание 14, 21, 29, 45, 68, 128, 183  
Энгельс Ф. 188, 190  
Этнос 61, 76
- Юриспруденция** 66, 131  
Юрист *см. также* Гильдия, Профессия 83, 88, 89, 122, 131, 144  
профессиональный 88, 122  
Юнкерство 100
- Язык** 13, 18, 61, 76, 82, 120, 121  
Яков I, король Англии  
Япония 12, 179–182
- Cuius regio, eius religio. 73, 77, 80, 118, 171  
Egalité 109  
Fraternité 109, 114  
Gemeinschaft 135, 151, 155, 156, 173, 189  
Laissez-faire 142  
Liberté 109  
Noblesse d'épée 83  
Noblesse de robe 84, 110  
Municipium 54, 58  
Parlement 84

**ON BUILDING SOCIAL  
SYSTEM THEORY:  
A PERSONAL  
HISTORY\***

*Parsons T.* On building social system theory: a personal history//*Daedalus*. 1970.  
Vol. 99. № 4. P. 826–881.

**О ПОСТРОЕНИИ ТЕОРИИ  
СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ:  
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ  
АВТОБИОГРАФИЯ**

Редакторы просили своих авторов писать автобиографично и неформально. В этом духе я и могу сразу начать с заявления, что главным предметом этой статьи является эволюция моих взглядов в сфере обобщенного теоретического анализа человеческого действия, как такового, и особенно его социальных аспектов, то есть в теории социальной системы. Такой научный интерес требовал объединения знаний из различных областей и в таких сочетаниях, которые нечасто используются людьми, больше меня склонными к дисциплинарной специализации.

Возможно, я был подготовлен к такому синтетическому мышлению тем, что получил весьма неординарное образование. Будучи студентом Амхерст-колледжа вслед за старшим братом, избравшим медицину, я намеревался сосредоточиться на биологии, с перспективой либо аспирантуры в этой области, либо чисто медицинской карьеры. Но в 1923 г., на предпоследнем году обучения там, под сильным влиянием своеобразного «институционального экономиста» Уолтона Хамилтона я увлекся общественными науками. Но в тот момент все мои планы были нарушены увольнением (под конец предпоследнего года обучения) президента колледжа Александра Миклджона. Осенью, к началу нового учебного года ни одного из профессоров, чьи курсы я выбрал, уже не было. Я собирался посещать дополнительные курсы по биологии, некоторые по философии (включая курс по «Критике чистого разума» И. Канта) и некоторые по английской литературе.

С самого начала я допускал возможность продолжить свои занятия в аспирантуре. Но хотя социология в распространенном тогда довольно расплывчатом и туманном ее образе привлекала меня, обычные американские программы для аспирантов — нет. Когда мой дядя предложил оплатить год обучения за границей, я выбрал Лондонскую школу экономики. Особенно манили меня туда имена Л.Т. Хобхауза, Р. Тони и Х. Ласки. И только после прибытия на место я открыл человека, который интеллектуально оказался для меня самым важным, — Бронислава Малиновского, социального антрополога.

В Лондоне я не был кандидатом на ученую степень и мои планы были неопределенными, так что я был готов ухватиться за предложение участвовать в программе по обмену стипендиатами с Германией, куда меня рекомендовал Отто Мантеи-Цорн, с которым я работал в

семинаре по немецкой философии в Амхерст-колледже и который годом позже предпринял много усилий для моего назначения преподавателем экономики в том же колледже. Я был направлен в Гейдельберг не по собственному выбору, но попал именно туда, где влияние Макса Вебера (умершего за пять лет до того) было наисильнейшим. Примечательно, что я не помню, где услышал впервые его имя — в Амхерсте или в Лондоне.

Работы Вебера, особенно «Протестантская этика и дух капитализма» (которую я несколькими годами позже перевел на английский язык [1; 53]), сразу произвели на меня сильное впечатление. Собираясь в Гейдельберг, я не имел намерения получить ученую степень, но затем узнал, что это можно сделать, получив зачет всего за три семестра, сдав устные экзамены и написав диссертацию. Я решил писать ее под руководством Эдгара Залина (позднее он работал в Базеле, Швейцария) на тему «Понятие капитализма в новой немецкой литературе». Я начал с дискуссии о Карле Марксе, затем остановился на некоторых менее значимых фигурах, таких, как Луйо Брентано, и основное внимание уделил Вернеру Зомбарту (автору огромного труда «Современный капитализм» [4; 46]) и Максу Веберу. В этой работе определились два главных направления моих будущих научных интересов: во-первых, природа капитализма как социоэкономической системы и, во-вторых, исследования Вебера как теоретика социологии.

За год преподавания в Амхерсте, которое оставляло время для усердной работы над моей диссертацией, постепенно стало ясно, что мне нужно глубже вникнуть в отношения между экономической и социологической теориями. В особенности я благодарен за это дискуссиям с Ричардом Мериамом, который пришел в Амхерст как глава факультета экономики уже после получения мною степени. Мериам убедил меня, что, хотя экономическая теория и была одним из моих экзаменационных предметов в Гейдельберге, мне нужно знать о ней гораздо больше, и я решил сделать приобретение этого знания своей ближайшей задачей. Хотя немецкий «Dr. Phil.» не был равноценен добротному американскому «доктору философии» (Ph. D.), я решил не претендовать на звание последнего. Мериам рекомендовал мне идти в Гарвард и устроил мое назначение туда преподавателем на осенний семестр 1927 г.

Аллин Янг, в то время, может быть, наиболее интересный для меня человек, как раз тогда уехал в Англию, но мне удалось наладить контакты с гарвардскими экономистами Ф.У. Тауссигом, Т.Н. Карвером, У.З. Рипли и Йозефом Шумпетером (который в тот момент был на должности приглашенного профессора, хотя позднее он получил постоянное место в Гарварде). Эдвин Гей, историк-экономист, хорошо знал немецкую интеллектуальную среду Гейдельберга и симпатизировал моим интересам, сложившимся в результате обучения там.



Мериам был совершенно прав, утверждая, что знание экономической теории, которое я мог бы приобрести в Гарварде, далеко превосходило то, чему меня учили в Гейдельберге. Постепенно выяснилось, что экономическую теорию следует рассматривать внутри своего рода теоретической матрицы, в которую была бы включена и социологическая теория. В первый раз я попытался высказать эту идею в нескольких статьях, которые Тауссиг доброжелательно опубликовал в «Quarterly Journal of Economics» [47], будучи тогда его редактором. Более важным, однако, оказалось мое решение исследовать эту тему в творчестве Алфреда Маршалла (который в то время был высшим авторитетом в «ортодоксальной», или «неоклассической», экономической теории), с намерением извлечь на свет «социологию» Маршалла и проанализировать способ ее сочетания с его строгой экономической теорией. Результаты, опубликованные в 1931–1932 гг. [21; 22], представили первую стадию моей теоретической ориентации, которая, как мне казалось, обещает превзойти уровень, достигнутый моими учителями в деле соединения теоретических структур этих двух дисциплин.

В этом смысле общение с Шумпетером особенно помогало мне, так как в вопросах, касающихся пределов действия экономической теории, он был строгий конструктивист в отличие от Маршалла, не желавшего проводить никаких четких границ. Знание трудов Вильфредо Парето, приобретенное собственными усилиями и через общение с Л. Хендерсоном, также было чрезвычайно важным. Парето был выдающимся экономистом-теоретиком, во многом работавшим в той же традиции, что и Шумпетер, но одновременно пытавшимся сформулировать более широкую систему социологической теории, которая, на его взгляд, включала и весьма строго определенную экономическую теорию<sup>1</sup>. Поэтому и Шумпетер, и Парето служили как бы критической точкой отсчета, от которой начинались попытки различить экономические и социологические компоненты в мышлении Маршалла.

Из этого зародыша постепенно вырастал проект включения в обширное исследование группы «новых европейских авторов» не только Маршалла и Парето (о последнем я написал длинную, размером чуть ли не в книгу, аналитическую статью вскоре после опубликования исследований о Маршалле)<sup>2</sup>, но также М. Вебера и Э. Дюркгейма.

---

<sup>1</sup> Французскому изданию своей книги Парето дал название «Traite de sociologie generale». Мне всегда казалось неудачным название английского перевода «Трактата...», вышедшего несколькими годами позже моей работы «The mind and society» («Сознание и общество»).

<sup>2</sup> Как таковая эта статья никогда не публиковалась, но ее основное содержание после значительной переработки вошло в три главы о Парето в моей книге «The structure of social action» [23].

Общие идеи Вебера о природе современного капитализма, которая была главной темой моей диссертации, и более конкретно его концепция о роли этики аскетического протестантизма в развитии капитализма давали достаточное основание надеяться, что «конвергенция» Маршалла—Парето—Вебера возможна.

Все больше и больше мне хотелось включить в задуманную схему и Дюркгейма, но это было значительно труднее. Из этих четырех авторов Дюркгейм, бесспорно, меньше всех занимался экономикой как дисциплиной в техническом смысле этого термина. Кроме того, у меня никогда не было таких наставников по Дюркгейму, какими были мои гейдельбергские учителя по Веберу, а также Тауссиг и Шумпетер — по Маршаллу и Хендерсон — по Парето. Ко всему прочему, представление о Дюркгейме, которое я получил, особенно от М. Гинсберга и Б. Малиновского в Лондоне, не просто мало помогало, но положительно вводило в заблуждение, так что следовало предварительно преодолеть многие неверные представления о Дюркгейме. Ключ к пониманию его социологии, однако, имелся. Таким ключом стала для меня первая большая работа Дюркгейма «О разделении общественного труда» (1893) [2; 9], которая удивительно редко упоминалась в англоязычной литературе того периода. Внимательное изучение этой книги показало, что результаты ее анализа действительно можно прямо связать с веберовским анализом капитализма, а тот в свою очередь с маршалловской концепцией свободного предпринимательства. Тогда теория, как таковая, представляла бы скорее социологические, нежели строго экономические, компоненты творчества Парето и Вебера и, более опосредованно, Маршалла. Комплекс основополагающих понятий касался институционального уклада собственности и особенно договора (контракта) — уклада, отличающегося от «динамики» экономической деятельности, как таковой, и составляющего для своего понимания в теоретическом смысле задачу больше социологического, чем экономического, исследования.

## ПЕРВЫЙ БОЛЬШОЙ СИНТЕЗ

Результатом этой сложной серии исследований была «Структура социального действия», опубликованная в 1937 г., но законченная в первом варианте (хотя и существенно переработанном впоследствии) почти двумя годами раньше<sup>3</sup>. Книга была представлена как исследование идей разных авторов о современном социоэкономическом по-

---

<sup>3</sup> Первое, что я фактически занес на бумагу для этой книги, касалось ранних эмпирических работ Дюркгейма, связанных с феноменом разделения труда и с его впоследствии знаменитым исследованием о самоубийстве (глава 8) [3].

рядке, капитализме, свободном предпринимательстве и т.д. и одновременно как анализ теоретической конструкции, на базе которой эти идеи и интерпретации формировались. В этом отношении исходная предпосылка книги состояла в том, что четверо названных авторов (а они не стояли особняком) в чем-то *сходились*, что, в сущности, было единой концептуальной схемой. В интеллектуальном климате того времени такой подход никоим образом не был простым выражением здравого смысла — напротив, по мере его развертывания полученные результаты удивляли даже меня самого<sup>4</sup>.

Чтобы прийти к такому заключению, мне понадобилось три источника для размышления. Первый — это, конечно, тщательное, критическое изучение весьма обширного массива нужных текстов-первоисточников, а также комментаторской литературы, хотя большая часть последней была, как правило, более чем бесполезной. Вторым было развитие теоретической схемы, пригодной для истолкования этих материалов. Наконец, третий источник в некотором смысле питал второй. Он содержал своеобразную ориентацию философии науки, о которой надо сказать несколько слов.

Всякий, кто претендовал на известную утонченность в интеллектуальной деятельности, задолго до 20-х годов, когда эти проблемы стали занимать меня, развивал ту или иную концепцию о природе и условиях эмпирического знания и особенно о природе и роли теории в этом знании. Я был вовлечен в круг таких проблем частично через прослушанные курсы эмпирических наук, особенно биологии, а частично через философию, включая, как я уже упомянул, интенсивный курс по «Критике чистого разума» И. Канта<sup>5</sup>. Гейдельбергский опыт повел меня значительно дальше, особенно в познании проблем, поднятых «Wissenschaftslehre» (наукоучением) М. Вебера. Среди них самыми заметными были, во-первых, проблемы, тяготеющие к немецким историческим традициям и, следовательно, к обсуждению статуса обобщенных, генерализованных теоретических понятий

---

<sup>4</sup> Так, например, П. Сорокин, чьи «Современные социологические теории» были в 30-х годах наиболее широко известным компендиумом в этой области, рассматривал Парето, Дюркгейма и Вебера как представителей совершенно разных школ и ни разу не упомянул о какой-либо теоретической связи между ними.

<sup>5</sup> Ретроспективно мне кажется теперь, что тот опыт был (даже независимо от содержательности весомости Канта для моей проблематики) чрезвычайно важным тренингом для всей моей последующей работы. Он был подкреплен и усилен семинаром и устным экзаменом по той же книге у Карла Ясперса в Гейдельберге в 1926 г. Значение этого опыта кроется в самом факте, что я повторно и подробно изучал великую книгу, плод великого ума, пока не добился определенного уровня самостоятельной оценки ее вклада в науку, не удовлетворяясь множеством очередных весьма поверхностных комментариев к ней. Этот опыт сослужил мне хорошую службу в адекватном осмыслении концепций тех авторов, чьи методологические подходы я пытался синтезировать.

в социальных и культурных дисциплинах, и, во-вторых, вопросы о месте толкования субъективных смыслов и мотивов в анализе человеческого действия — все то, что немцы называли проблемой *Verstehen* (проблемой понимания).

Возвратясь в Соединенные Штаты, я нашел бихевиоризм столь распространенным, что всякого, кто верил в научную общезначимость толкования субъективных состояний сознания, часто считали до глупости наивным. В равной степени господствовала установка, которую я назвал «эмпирицизмом», а именно мнение, согласно которому научное знание — это полное отражение «реальности вне нас» и любое проведение отбора незаконно.

Вебер же настаивал на неизбежности и познавательной достоверности научной процедуры отбора данных из доступной фактической информации. Важность аналитической абстракции усиленно подчеркивал и Хендерсон в своей формуле: «Факт есть высказывание об опыте в категориях концептуальной схемы» [13]. По моему мнению, эта установка достигла кульминации в работах А. Н. Уайтхеда, особенно в его книге «Наука и современный мир», включая блестящее обсуждение «обманчивости неуместной конкретности» [54]. Через такие источники я и пришел к своей концепции, которую назвал «аналитическим реализмом» и которая описывала вид интересовавшей меня теории как абстрактный по природе, но никоим образом не «фиктивный» в смысле Ханса Файхингера [52]. Это определение казалось мне применимым, в частности, к трактовке статуса экономической теории у Шумпетера и Парето. Мне также очень помогли разнообразные писания Джеймса Конанта о природе науки, особенно о роли теории.

Со всем этим была тесно связана концепция «системы». Шумпетер и Уайтхед сыграли важную роль в формировании основ этого понятия, но, думаю, оно окончательно сложилось прежде всего под влиянием Парето и Хендерсона. Как не уставал повторять Хендерсон, Парето использовал модель системы, заимствованную им из теоретической механики, но попытался применить ее и к экономике, и к социологии. Отсюда утверждение Хендерсона, что, возможно, самый важный вклад Парето в социологию — это его концепция «социальной системы», которую я воспринял так серьезно, что позднее использовал указанное словосочетание как название своей книги.

Собственная первичная модель Хендерсона, которую он достаточно подробно объяснил в книге «Общая социология Парето», была моделью физико-химической системы [12]. Он, однако, соотносил ее с биологическими системами. Хендерсон был большим поклонником Клода Бернара и в свое время написал предисловие к английскому переводу его «Экспериментальной медицины» [7]. Их центральной идеей была идея «внутренней среды» и ее стабиль-

ности. Это вплотную приближалось к идее У. Каннона о гомеостатической стабилизации физиологических процессов и к моим собственным представлениям, вынесенным из соприкосновения с биологией [8]<sup>6</sup>.

Таким образом, уже в те ранние годы была заложена определенная основа для перехода от понятия системы, используемого в механике, и понятия физико-химической системы, проясненного Хендерсоном, к пониманию особого характера «живых систем». Это было важно для более поздней фазы моего интеллектуального развития, которую обычно называют «структурно-функциональной» и которая высшее свое выражение нашла в моей книге «Социальная система» [24]. На дальнейшие мои шаги повлияла постоянно действующая Конференция по теории систем, работавшая приблизительно с 1952 по 1957 г. под руководством доктора Роя Гринкера в Чикаго. Среди нескольких участников, чьи идеи оказались для меня важными, выделялся биолог, специалист по социальным насекомым Алфред Эмерсон. Все, что он говорил, а также некоторые из его работ в значительной мере способствовали укреплению моей склонности к гомеостатической точке зрения Каннона. Однако его выступления ориентировали меня и, думаю, других в направлении тогда только зарождавшихся концепций кибернетического контроля не только в живых системах, но и во многих системах иных родов. Позднее это стало ведущей темой моих научных исследований.

Наконец, Эмерсон выдвинул особенно плодотворную для меня концепцию, во многом закрепившую мое убеждение в существовании фундаментальной непрерывности между живыми системами органического мира и системами человеческого социокультурного мира<sup>7</sup>. Это была идея функциональной эквивалентности гена и, как он говорил, «символа». Вероятно, можно иначе сформулировать все это как проблему генетической конституции вида и организма и культурного наследия социальных систем. С некоторых пор такой подход приобрел для меня фундаментальное теоретическое значение.

---

<sup>6</sup> В дискуссии на конференции в Белладжии, когда я впервые представлял это эссе, был поднят вопрос о серьезности моего обращения к биологии. Я был чрезвычайно доволен, когда профессор Курт Штерн сказал: «Позвольте мне коротко указать на одну черту Амхерста, которая не каждому известна. В Амхерсте биологи преподавали на очень высоком, даже аспирантском уровне, хотя Амхерст и не присуждал докторских степеней. Там были блистательные люди, и, вероятно, их влияние и должно быть сильнее, чем в любом другом колледже с хорошими, но менее выдающимися профессорами, куда мог бы поступить профессор Парсонс».

<sup>7</sup> Здесь следует напомнить, что обществоведы были вынуждены прибегать к изобретательности и тратить много энергии на отражение поползновений к незаконному и преждевременному биологическому «редукционизму».

## ДЕЛА ЛИЧНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ

Книга «Структура социального действия» [23] стала главным поворотным пунктом в моей профессиональной карьере. Ее основное свершение — доказательство идейной конвергентности четырех ученых, которым была посвящена книга, — сопровождалось прояснением и развитием моих собственных мыслей о состоянии западного общества, которое было в центре их внимания. Западное общество, которое можно обозначить как капитализм, или как свободное предпринимательство, а с политической стороны как демократию, явно было тогда в состоянии кризиса. Русская революция и появление первого социалистического государства, контролируемого коммунистической партией, входили в сферу моих постоянных интересов со времен студенчества. Фашистские движения влияли на мои дружеские связи в Германии. Меньше чем через два года после публикации этой книги началась вторая мировая война и, наконец, к этому времени мир испытал на себе великий экономический кризис 1929–1930 гг. с его неисчислимыми последствиями для всего мира.

Мои личные проблемы были обусловлены ростом семьи<sup>8</sup> (трое детей, рожденных с 1930 по 1936 г.) и трудностями обретения достойного положения на профессиональном поприще. Хотя тогдашняя ситуация не вполне сравнима с теперешней, но даже и тогда было аномально, что я оставался на должности самого рядового преподавателя девять лет — первые четыре года на факультете экономики и последние пять на новообразованном факультете социологии. Я имел несчастье служить под началом не симпатизирующих мне руководителей: в экономике — покойного Х. Бербанка, в социологии — П.А. Сорокина. Мое продвижение на уровень ассистента состоялось только в 1936 г., и не по инициативе Сорокина, а (поименно) Э.Ф. Гея, Э. Б. Уилсона и Л. Хендерсона, которые все были «внештатными профессорами» факультета социологии. Первый вариант «Структуры социального действия» к тому времени уже существовал и был известен начальству и всем ведущим преподавателям.

Но я был не вполне уверен, что хочу остаться в Гарварде даже и на должности ассистента. В этом критическом для меня 1937 г. я получил очень хорошее предложение извне. Так как Гей в 1936 г. получил отставку и уехал в Калифорнию, я обратился к Хендерсону — не к Сорокину. В те дни, до введения системы комиссий *ad hoc*, Хендерсон поставил вопрос прямо перед президентом Гарвардского университета Конантом, который, конечно с согласия Сорокина, предложил

---

<sup>8</sup> Я женился в 1927 г. на Хелен Уокер, с которой познакомился как студент-сокурсник в Лондонской школе экономики. Она много лет работала в Гарварде, еще совсем недавно — в администрации Русского исследовательского центра.

мне еще существовавшую тогда должность ассистента, назначаемого на второй срок, при этом определенно пообещав постоянное место профессора через два года. На этих условиях я и решил остаться в Гарварде.

Я уже отметил, что в интеллектуальном плане имел очень хорошие отношения с Тауссигом, Шумпетером и Геом. Вышеупомянутый кризис случился вскоре после окончания моих исключительных отношений с Хендерсоном. Я знал его по руководимому им семинару, посвященному Парето, и в других качествах еще до того, как предложил ему в связи с моим утверждением в должности ассистента рукопись моей книги для критического отзыва. Вместо обычного краткого отзыва он встретился со мной (думаю, в основном в связи с тем, что в ней обсуждались взгляды Парето) и начал длинный ряд частных занятий у себя дома, что-то около двух часов дважды в неделю в течение почти трех месяцев. Во время этих занятий он проходил со мною рукопись параграф за параграфом, разбирая главным образом разделы о Парето и Дюркгейме. Маршалла он проскочил очень быстро и совсем не вникал в мою трактовку Вебера.

И в личном, и в интеллектуальном плане это был экстраординарный опыт. Знавшие Хендерсона будут помнить его как трудного человека, который мог быть догматичным и в политике (где он оставался заведомым консерватором<sup>9</sup>), и во многих научных вопросах, что выражалось в несправедливом (по моему суждению) отношении ко всем социологам, кроме одного или двух. Но он имел огромные знания о науке, особенно на уровне философии науки и природы теории, и если человек выстаивал под его напором и не позволял себя подавить, то Хендерсон оказывался чрезвычайно проницательным критиком, очень полезным в решении как раз моих интеллектуальных проблем. Я в полной мере использовал благоприятные возможности этого общения и почти год посвятил пересмотру текста, внести поправки в который убедили меня дискуссии с Хендерсоном<sup>10</sup>.

---

<sup>9</sup> Так, он был крайне враждебен к президенту Рузвельту, политику которого я лично в общем поддерживал.

<sup>10</sup> Заметим, что тогда, как и теперь, преобладающим девизом было «Публикуйся или погибай!» и что конформизм и приспособленчество выражались в том, чтобы публиковаться как можно скорее и как можно больше. Могу засвидетельствовать, что советы, которые я получал от старших сотрудников в Гарварде, не подходили под эту формулу. Все единодушно советовали потратить столько времени, сколько надо, чтобы выдать самую лучшую работу, на какую ты способен. Конечно, это очень помогало, что такие люди, как Хендерсон, Гей и Уилсон, знали о том, что я делал, и просматривали отдельные куски. Еще один старший по возрасту критик, кого надо упомянуть добрым словом, — это покойный А.Д. Нок.

Как всегда при встрече с выдающимися личностями, не обошлось без некой подспудной реакции на Хендерсона. Он был рыжебород и заглазно имел широ-

В эти ранние гарвардские годы помимо прочего я приобрел важный опыт общения со сверстниками, а со временем и с учащимися. Группа младших преподавателей факультета, встречавшихся достаточно регулярно, включала Эдварда Мейсона, Сеймура Харриса, Эдварда Чемберлена и в течение какого-то времени экономиста Карла Бигелоу, специалиста в области политического управления Карла Фридриха и историка Крейна Бринтона. С движением в сторону социологии, которое приблизило меня к сфере психологии и социальной антропологии, я ближе познакомился с Гордоном Олпортом, недавно возвратившимся в Гарвард из Дартмута, и Хенри Марром. В антропологии особенно значительными были два моих современника. Первый — У. Ллойд Уорнер, привлеченный к преподаванию в Гарварде главным образом Элтоном Мейо, который под началом Хендерсона направлял исследование, заказанное «Western Electric», чтобы получить в итоге исследование местных общин, ставшее в конце концов широко известной «серией исследований Янки-Сити». Когда Уорнер променял Гарвард на Чикаго, его заменил Клайд Клакхон, молодой социальный антрополог, совершенно независимый от группы Хендерсона, но сотрудничавший с нею. Он стал близким другом Марри. В дальнейшем Олпорт, Марри и Клакхон составили ядро пропагандистов эксперимента, получившего название «Социальные отношения».

С середины 30-х годов началось также мое общение с аспирантами, некоторые из которых со временем получили преподавательские назначения. Самым важным и единственным в своем роде был Роберт Мертон, который входил в первую когорту аспирантов в области социологии, но после него пришли Кингсли Дейвис, Джон Райли и Матильда Райли, Робин Уилльямс, Эдвард Деверу, Лоуган Уилсон, Уилберт Мур, Флоренс Клакхон и Бернард Барбер. Именно они составили неформальную группу, которая собиралась по вечерам в моем учебном кабинете в «Adams House» для обсуждения проблем социологической теории, когда я был еще рядовым преподавателем.

---

ко известное прозвище Красная Борода. Мои сидения с ним происходили далеко за полдень, и, как правило, я шел прямо домой и рассказывал своей жене, что говорил Красная Борода. Помню, как я беспокоился, что мои дети подхватят кличку и при случае в глаза скажут Хендерсону: «Это вы Красная Борода, о котором толкует наш папочка?»

Большая удача, что между первым и окончательным набросками этой статьи появилась книга «Л. Хендерсон о социальной системе» под редакцией Бернарда Барбера. Она содержит большую часть социологических писаний Хендерсона с длинным и информативным введением Барбера. В нем подробно изложена история вовлечения Хендерсона в мир гарвардского обществоведения и академическое общество.



## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ПОСЛЕ «СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ»

Завершение «Структуры социального действия» было радостным событием, хотя в то время я не задумывался о том, какой отклик в научной среде получит эта книга<sup>11</sup>. Теоретическая схема, которая позволила мне доказать тезис об идейной конвергентности разных мыслителей, явно еще не выработала свой ресурс, но существовало сразу несколько альтернатив, какой следующий шаг делать с ее помощью. На конференции в Белладжio, где я впервые заговорил о такой перспективе, возникла большая дискуссия, почему я не захотел самоопределиться как экономист. Ко времени, когда «Структура социального действия» близилась к окончанию, вопрос частично был уже решен фактом моего перевода с экономического факультета на новый, социологический. Несмотря на дружеское расположение Тауссига, Гея и Шумпетера, я совершенно уверен, что в Гарварде я не мог бы рассчитывать на большое будущее в пределах экономической науки. Но в основном я и сам не хотел связать свою научную карьеру с этой дисциплиной и ретроспективно вижу главную причину этого в моей «пропитанности» сначала веберовскими, потом дюркгеймовскими идеями (время З. Фрейда тогда еще не пришло). Хотя тогда я не собирался навсегда порывать с моим интересом к экономической теории, фактически впоследствии это тем не менее произошло, я все же уже ясно понимал, что не хочу быть исключительно экономистом, во всяком случае не больше, чем был им Вебер.

В моей жизни был еще один интересный эпизод, который на относительно позднем этапе мог вновь повернуть меня, по меньшей мере в более отдаленной перспективе, в сторону экономики. После моего формального перехода в социологию Шумпетер организовал маленькую дискуссионную группу с участием молодых людей, в большинстве своем аспирантов, по проблемам природы рациональности. После нескольких собраний он предложил мне нацелить группу на создание книги, в которой он и я должны быть, самое малое, соредак-

---

<sup>11</sup> Возможно, меня извинят, если я скажу, что хотя впервые чувствовал себя безмерно счастливым, когда удалось опубликовать книгу без субсидии, а потом и переиздать ее в 1949 г., она тем не менее продавалась свыше тридцати лет в значительных количествах. Как раз тридцать лет спустя после первого появления вышло издание в мягкой обложке, которое разошлось хорошо. Этим я прежде всего обязан Иеремии Каплану (который практически олицетворял издательство «The Free Press») за его смелость в осуществлении перепечатки 1949 г. и за хлопоты, связанные с нею и с рядом других моих публикаций. Без Каплана и его главного советника Эдварда Шилза, вероятно, не случилось бы (по крайней мере так скоро) послевоенного процветания социологического книгоиздания, которым я отчасти успел воспользоваться.

торами, если не соавторами. Помню, что, не отказываясь определенно, по крайней мере сразу, я реагировал на предложение весьма сдержанно и, по сути, позволил этому проекту постепенно умереть. Мне самому не вполне ясны мои тогдашние мотивы, но думаю, что все дело в смутной потребности почувствовать свой формальный разрыв с экономикой относительно завершенным<sup>12</sup>.

## ПРОФЕССИИ И ДВЕ СТОРОНЫ ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Реально я задумал предпринять исследование определенного аспекта профессий как социального явления. Это решение логически вытекало из сочетания моего интереса к природе современного индустриального общества с концептуальной схемой, в рамках которой я пытался его понять. Эмпирически было почти очевидным, что «ученые профессии» начали занимать выдающееся место в современном обществе, тогда как в идеологической формулировке альтернативы «капитализм—социализм» они вообще не упоминались. В самом деле, то, что теперь привычно называется «частным, неприбыльным» сектором деятельности, организованным на профессиональном принципе (в отличие, например, от семейного уклада), при идеологическом подходе выпадало из рассмотрения. Оглядываясь назад, можно утверждать, что обе идеологические позиции отстаивали версии «рационального преследования собственных интересов»: по капиталистической версии, обоснованной утилитаристской мыслью, — это интерес индивида в удовлетворении своих потребностей; по социалистической версии — это интерес коллектива (согласно линии рассуждений, идущих от Т. Гоббса и Дж. Остина) в максимизации удовлетворения общественных потребностей.

Внутри этой проблемной области я выбрал исследование некоторых аспектов медицинской практики. Думаю, что такой выбор имел достаточные «технические» основания, но объясняется также и личными мотивами. Определенно, какую-то роль играло мое прошлое отречение от биолого-медицинской специальности, которое как бы компенсировалось ролью социолога, исследователя медицинской прак-

---

<sup>12</sup> Я уже отметил выше, что на последнем курсе принял окончательное решение идти в общественную, а не в биологическую науку. Мое переключение на обществоведение (первоначально на экономику в узком смысле) было связано и с моим отцом, который, пока я искал свой путь, оставался преподавателем и администратором. Когда я был студентом, мой отец занимал пост президента «Marietta College» в штате Огайо. Он начинал свою карьеру конгрегационистским священником и основательно включился во влиятельное тогда «социально-евангелистское» движение, которое, как стало ясно теперь, много сделало для зарождения социологии в США.

тики с ее возможностью сочетать оба интереса. Правда, группа Хендерсона—Мейо тоже повлияла на это решение. Сам Хендерсон имел медицинскую подготовку, хотя никогда не практиковал, и свою преподавательскую деятельность в Гарвардском университете он начал на медицинском факультете. Он объединил свои медицинские и социологические интересы в знаменитой статье «Врач и пациент как социальная система» [13], в которой изложил подход, очень близкий мне по духу. Неудивительно, что я должен был посоветоваться и с Хендерсоном, и с Мейо (но также и с У.Б. Канноном) о моих планах. Все трое сильно подкрепили мое собственное ощущение потенциальной плодотворности такого исследования. В своем исследовании, помимо подробного разбора литературы, я предполагал использовать методы включенного наблюдения и интервью. Полупубличный характер медицинской практики в современных больницах позволил делать многое в духе первого метода: с законным (хотя и не медицинским) титулом доктора и в белом облачении совершать больничные обходы, наблюдать операции, присоединиться к службе помощи на дому Медицинского центра Тафтса и т.п. (Возможно, теперь, с ростом интереса к этическим сторонам исследования такой легкий обман пациентов сочли бы неэтичным.) Другим источником данных была серия интервью с довольно большим числом врачей, выборка которых была осуществлена по типам практики.

Был еще один важный момент, определивший направление моего исследования. То было время, когда идеи о значимости психосоматических связей в организме человека начинали овладевать интеллектуальной элитой в медицине (типичными представителями которой, возможно, были терапевты Массачусетской больницы общей практики, где я провел много времени). Такая ситуация сложилась в результате распространения психоанализа и того обстоятельства, что профессор психиатрии названной больницы, Стенли Кобб, недавно стал главным основателем Психоаналитического института в Бостоне. Группа Хендерсона—Мейо также очень интересовалась этим и родственными направлениями мысли (они были поклонниками Пьера Жане, но одновременно и Жана Пиаже).

Решающим событием для меня стал разговор с Э. Мейо о моих интересах в области медицинской практики, в ходе которого он прямо спросил, насколько хорошо я знаю работы З. Фрейда. Я вынужден был ответить, что только очень фрагментарно. Тогда он настойчиво порекомендовал мне прочитать Фрейда более серьезно и в полном объеме. К счастью, у меня было достаточно свободного времени благодаря должностному отпуску ассистента, и я последовал его совету. Было уже слишком поздно встраивать выводы, сделанные мною из идей Фрейда, в «Структуру социального действия», но изучение его работ оказалось одним из немногих переломных интеллектуальных переживаний за всю мою жизнь. Оно подготовило путь для того, что почти десятилетием

позже я обратился к формальному обучению психоанализу, конечно на дозволенном уровне.

Я использовал экономическую парадигму «рационального преследования собственных интересов» в качестве основной точки отсчета (в данном случае негативно), чтобы показать различия между классической экономической моделью рыночной ориентации и профессиональной ориентацией, которой я занимался. Главные различия лежали на поверхности. У практикующих врачей они проявлялись, во-первых, в характере зависимости платы за услуги от состояния пациентов, то есть в применении так называемой скользящей шкалы, или повышения вознаграждений за благополучных пациентов и понижения за менее благополучных. И, во-вторых, в характере протеста против «лавочничества» пациентов, судящих о врачах по цене, назначенной за предлагаемую медицинскую услугу в денежном или ином выражении. Позже я должен был существенно смягчить это сближение (при всех различиях) профессионального отношения с идеальным типом коммерческого отношения.

Наиболее важные теоретические моменты моего исследования затрагивали проблему природы рациональности — тот самый вопрос, с которым я соприкасался не только в собственной работе, но и в совместных трудах с Шумпетером. При этом открылось различие не только между экономическими и неэкономическими аспектами рациональности, но, внутри второй ее категории, между двумя разными способами или направлениями рассмотрения проблемы рациональности. Первое различие касалось очень старой проблемы, в том числе для меня, — проблемы отношения между рациональным (в основном научным) знанием и действием как его «приложением». Медицина, особенно в то время, когда я изучал ее, была своего рода прототипом возможностей и получения потенциально полезного знания и приложения его к решению насущных человеческих проблем. То, что называли «научной медициной», находилось тогда в зените славы, и веру в ее великую важность внушил мне мой брат, который учился в университете Джона Хопкинса. Были, конечно, и определенные связи между этим аспектом медицины и более общей постановкой проблемы рациональности в «Структуре социального действия», особенно в концепции «логического действия» Парето.

Психосоматические проблемы, а в определенных случаях и упомянутые выше проблемы умственных болезней затрагивали иной круг вопросов. Прежде всего это был вопрос о значении научных способов рационального исследования и анализа для понимания и в каком-то смысле контроля нерациональных и иррациональных факторов в детерминации человеческого действия, в первую очередь индивидуального, но явно также и социального. Интерес к этим темам был у всех авторов, бывших в центре моего внимания до этих пор, за исключением Маршалла. Интенсивное ознакомление с концепциями Фрейда

придало моей схеме законченность и новые измерения, особенно это относится к вопросу о пригодности нерациональных факторов и механизмов в более интимных микросоциальных процессах взаимодействия. Я подозреваю, что интерес к этому пласту проблемы рациональности был не последней причиной моего прохладного отношения к предложению Шумпетера, лестному для молодого и еще не имеющего прочного положения ученого.

На развитие у меня такого рода интересов явно влияли мои крепнущие связи с такими коллегами, как К. Клакхон и Х. Марри. Г. Олпорт, напротив, был психологом заведомо рационалистических наклонностей. Во всяком случае, оказалось, что в моем исследовании медицинской практики надо было сочетать обе грани «комплекса рациональности», и обе они резко контрастировали с моим предшествующим опытом сосредоточения на экономических и политических аспектах рациональности. Самый глубокий интерес вызывал вопрос о месте религии в любом общем анализе социального действия — интерес, который, честно говоря, имел и семейные корни и стал для меня центральным под влиянием веберовского анализа протестантской этики и его общих исследований по сравнительной социологии религий.

Как я теперь вижу, эти три (или, включая религию, четыре) фокуса «проблемы рациональности» почти полностью доминировали в структурировании моих творческих интересов, начиная с этой ситуации перепутья в конце 30-х годов. Первым большим свидетельством моих колебаний был поворот от политико-экономического комплекса к социопсихологическому, то есть к проблеме нерационального, увиденной больше с позиций Фрейда, нежели Вебера и Парето, как бы ни отличались друг от друга эти двое. В ходе этого поворота я полностью сознавал важность «когнитивной рациональности», в частности, как культурной основы научного компонента медицины. Однако усиленные занятия всем этим вынудили подождать с моим возвращением к теме профессий в системе высшего образования и научных исследований — теме, ставшей для меня ведущей позже. В известном смысле, говоря в терминах психоанализа, это случай «возвращения вытесненного».

В контексте социально-эмоциональных составляющих медицинской практики я начал анализировать некоторые ее аспекты (которые тогда все еще, в отличие от «науки», называли «медицинским искусством»), опираясь на фрейдовскую концепцию отношений между психоаналитиком и пациентом, и особенно на феномен «переноса», который я считал одним из главных открытий Фрейда. Ясно, что не он изобрел проблему взаимоотношений врача и пациента, которая в западной традиции восходит, по меньшей мере, к Гиппократу (см. у Хендерсона), но он сделал ее первичным социальным каркасом для здания психоаналитической практики и необычайно углубил основу ее понимания. Выяснилось, что психоаналитическое отношение пред-

ставляло собой крайний и потому, в некотором ограниченном смысле, парадигмальный пример этих взаимоотношений, а также и то, что обширная и расплывчатая область психосоматических взаимоотношений вписывалась в рамки психоанализа. Между двумя главными аспектами проблемы рациональности, интересующими нас в данном случае, существовало, конечно, связующее звено в виде притязания психоанализа на научный статус, которое, несмотря на многие спорные пункты, по-моему, уже достаточно обосновано и, возможно, в прикладном контексте, для процесса терапии лучше всего символически выражено афоризмом Фрейда: «На место *Оно* должно встать *Я*».

В основном это и была та дорожка, которой я пришел к мысли о болезни как своего рода форме социального «отклонения» и о терапии как деятельности, принадлежащей к очень обширному семейству типов «социального контроля», — точка зрения, за которую я дорого заплатил, будучи обвинен как агент правящих кругов, заинтересованный в сохранении status quo. Тем не менее в этой моей позиции содержится определенная доля истины, которая, думаю, в основном независима от конкретной формы социального порядка. Важный теоретический момент здесь — это сдвиг от рассмотрения приложений медицинской науки как только биофизической технологии к рассмотрению их также и как разновидности социального взаимодействия. В более технической терминологии, которая сформировалась позднее, скажем так, что традиционный взгляд на медицинскую практику представлял ее себе как отношение между культурными системами (научным знанием) и отдельными организмами, где социальные агенты лишь внедряли очевидные послышки и выводы знания. В соответствии с иным подходом медицинские взаимоотношения трактовались, по меньшей мере отчасти, как тонкая взаимоигра между бессознательными мотивами на личностном уровне и особенностями структуры социальных систем. Существуют и другие социологические соответствия этому двухуровневому различию врача как компетентного агента социального контроля и пациента как реципиента важных услуг такого рода, но здесь не место дальнейшим подробностям. Такой подход высвечивает важный аспект социальной структуры, которого нет ни в преимущественно экономических, ни в политических моделях (таких, как капитализм и социализм).

## **ОТ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ**

На этом этапе карьеры, протекавшем под столь сильным влиянием Фрейда, вероятно, было вполне естественным перемещение моих интересов от анализа социальной ситуации, складывающейся во время сеанса психоанализа, и анализа медицинской практики вообще к

анализу истоков тех проблем, с какими сталкивались психоаналитик и анализируемый. Среди них были прежде всего проблемы личности анализируемых (основные элементы «обратного переноса» попали под анализ несколько позже); что касается позиции социолога, то такие проблемы вплотную подводили его к рассмотрению условий развития ребенка в семье, понимаемой в качестве социальной системы. Сам Фрейд с течением времени придавал все большее значение «объективным отношениям», но едва ли можно говорить, что он развил достаточно удовлетворительную социологию семьи. В этой связи центральную роль начала играть концепция, на которой мы заметно сходились. При чтении работ Фрейда мне постепенно открывалась важность того, что я и другие начали называть феноменом интернализации (собственный термин Фрейда был «интроекция») как социокультурных норм, так и представлений о личностях других людей, с которыми индивид взаимодействовал прежде всего как «субъект социализации» (второй случай иногда называют процессом «идентификации»).

Впервые эта идея отчетливо проявилась в концепции *сверх-Я*, хотя можно говорить о ее присутствии у Фрейда уже на ранней стадии, особенно в концепции «переноса» (например, в трактовке аналитика словно бы отца анализируемого субъекта). Фрейд начал рассматривать моральные нормы, в частности внедряемые отцом, как неотъемлемую часть личности ребенка, прошедшего через известные фазы процесса обучения. Постепенно сфера действия этого фрагмента фрейдовской теории «объектных отношений» расширялась в более поздних работах, охватывая не только *сверх-Я*, но и *Я* и даже *Оно* [25]. Почти тогда же мне стало ясно, что очень похожая концепция, развитая с совсем иных позиций, не чужда и Дюркгейму, особенно в его теории социального контроля посредством морального авторитета. Та же идея подразумевалась, по меньшей мере неявно, в веберовской трактовке роли религиозных ценностей в детерминации поведения и очень отчетливо проявилась в трудах группы американских социопсихологов, особенно Дж. Г. Мида и У. Томаса. Эта концепция интернализации (в определенной последовательности) множества культурных норм и социальных объектов стала главной организующей осью всей теории социализации, присутствуя, конечно, в новых формах, даже в самых последних исследованиях проблем высшего образования.

Интернализация есть свойство структуры личности как системы. Аналогичное явление для социальных систем я назвал институционализацией, особенно выделяя формирование социальных взаимоотношений через приобщение к нормативным компонентам культуры, которые уже прямо становятся структурными частями исходной социальной системы. Возможно, самым выдающимся теоретиком такого подхода был Вебер, особенно в своей сравнительной социологии религии, но Дюркгейм тоже немало сделал в этом отношении. Более того, обе эти концепции можно было понять только при условии, что

первичные подсистемы общей системы действия будут восприниматься не только как взаимозависимые, но и как *взаимопроникающие*. Тем самым определенные компоненты культурной системы *одновременно* становились компонентами социальной и личностной систем. Эта весьма важная концепция взаимопроникновения в свою очередь сильно зависела от понимания рассматриваемых подсистем как аналитических абстракций. При таком взгляде социальная система (например, общество) есть не конкретная сущность, но способ установления определенных отношений среди множества компонентов «действия», которые при этом становятся более четко различимыми по сравнению с необозримым разнообразием конкретной реальности.

Мой интерес к «нерациональному» определенно усиливался некоторыми обстоятельствами тех времен. Тогда мне казались важными дискуссии о немецком характере, в связи с чем впервые стал заметной для меня фигурой Эрик Эриксон [26]. Свою лепту внесли и события семейной жизни, включая преждевременную смерть (1940 г.) моего брата-медика, а также старение и последующие смерти моих родителей (1943 и 1944 гг.).

Видимо, в этой совокупности обстоятельств надо искать главное объяснение самой большой заминки в моей карьере: отказа от намерения опубликовать обширное монографическое исследование медицинской практики. Думаю, что я многое приобрел в ходе этого исследования, но все же меня тянуло к изучению более общих вопросов, например скрытых аспектов социального контроля и происхождения медицинских проблем в процессах социализации вне их профессионального контекста<sup>13</sup>. Во всяком случае, я поставил перед собой цель как-то завершить это предприятие и, в дополнение к довольно большому числу обсуждений разных аспектов темы в статьях, удовольствовался в итоге пространной главой «Случай современной медицинской практики» в книге «Социальная система». Вероятно, с конца 40-х годов у меня было обратное движение от психологических и микросоциологических проблем в сторону макросоциологических, включая экономические, кроме того, произошло обновление чувства причастности к событиям на европейской сцене, когда я летом 1944 г. проводил семинар в Зальцбурге. В каком-то смысле процесс возврата к изначальным научным интересам достиг высшей точки, когда я вновь занялся проблемами взаимоотношения экономической и социологи-

---

<sup>13</sup> Возможно, одним из ускоряющих факторов в этом отношении была смерть в 1938 г. моего тестя — доктора У.Д. Уокера из Андовера (Массачусетс) в возрасте 60 лет. Доктор Уокер был типичным врачом общей практики в лучшем смысле этого слова и очень помог мне при разработке полевой фазы моего исследования и в общих обсуждениях медицинской тематики. В то же время он был достаточно старомоден, чтобы «не принимать всерьез» мои более эзотеричные психологические интересы.



ческой теорий во время моего пребывания в качестве внештатного профессора в английском Кембридже (1953/54 г.).

В 1946 г., однако, я начал проходить официальный курс психоаналитического обучения в качестве кандидата «класса С» в Бостонском психоаналитическом институте. Более общие интеллектуальные основания моего интереса к этому, надеюсь, ясны из предыдущего обсуждения, хотя были и некоторые личные причины для поисков психотерапевтической помощи. Я считаю чрезвычайной удачей, что моим обучающим психоаналитиком была доктор Грета Бибринг, входившая в первоначальный кружок Фрейда в Вене до своего вынужденного изгнания после нацистского захвата Австрии. Разумеется, без медицинской степени нельзя было надеяться стать практикующим психоаналитиком, и согласно правилам того времени мне не позволялось самостоятельно работать с пациентами. На деле меня допускали к клиническим семинарам только в качестве исключения, по особому распоряжению. Но я никогда и не намеревался заниматься врачебной практикой.

Вдобавок к углублению моего понимания психоаналитической теории и явлений, с которыми она имеет дело, этот опыт помог мне «отучиться» от чрезмерного увлечения психоаналитическим уровнем рассмотрения человеческих проблем и, следовательно, стал своеобразным коррективом к воздействию первоначального прочтения Фрейда и ранних этапов моего изучения медицинской практики. В результате соответственно стал возрастать мой интерес как к более абстрактным и аналитическим проблемам теории, так и к эмпирическим поискам в непсихологических областях, например снова в экономической и политической, а позже — в образовании.

Я был не единственным профессором Гарвардского университета, призванным на военную службу из Кембриджа. Но занимался я в армии чем-то вроде преподавания в Школе заграничной администрации, где директором был мой друг Карл Фридрих, ответственный за исполнение региональных и языковых программ, а также программ по подготовке чиновников государственной гражданской службы. Я читал курс лекций о европейских и восточно-азиатских обществах. Под конец войны я служил консультантом в Управлении иностранной экономики по отделу военных противников, занимавшемуся вопросами послевоенных отношений с Германией. Я написал несколько меморандумов против так называемого плана Morgenthau.

В 1944 г., отчасти в ответ на очень хорошее предложение извне, меня назначили главой социологического факультета в Гарварде, понимая, что за этим скоро может последовать значительная реорганизация. О возможностях реорганизации со мной совещались Олпорт, Клакхон и Марри. В 1945 г. на факультете открылись две профессорские вакансии. Одну из них занял Джордж К. Хоманс, который уже преподавал здесь до ухода на флотскую службу. На другое место при-

шел Самюэл Стауффер, который как раз заканчивал свою государственную службу на посту руководителя исследований в Отделе информации и образования военного ведомства. Эти события конца 1945 г. позволили нам начать хлопоты по организации специального факультета социальных отношений, который открылся осенью 1946 г. Стауффер стал руководителем лаборатории социальных отношений, дочерней исследовательской организации, а я возглавил весь факультет, который кроме социологии включал социальную антропологию, социальную и клиническую психологию. Главой его я был в течение десяти лет, до 1956 г. В становлении и развитии факультета социальных отношений видную роль сыграл проректор университета и декан факультета свободных искусств и наук Пол Бак.

На протяжении этого периода я вел более активную профессиональную жизнь и вне Гарварда. В 1942 г. я служил президентом Восточного социологического общества, но поскольку год был военный, этот пост не потребовал особой активности. В 1949 г. меня избрали президентом Американской социологической ассоциации, и это, конечно, оказалось куда более серьезной работой. Ассоциация переживала тогда крупный организационный кризис, вызванный ростом числа ее членов и видов деятельности. Во время моего президентства были существенно пересмотрены устав ассоциации, ее внутренняя структура и впервые назначен платный помощник-администратор. После перерыва в несколько лет я опять активизировал свое участие в делах ассоциации — сначала в качестве главы комитета по профессиям, затем пять лет в качестве секретаря и, наконец, главного редактора журнала «The American Sociologist», «семейного» органа ассоциации, отражавшего больше события и проблемы нашего профессионального мирка, чем «вклады в знание». В 50-х годах я усердствовал также в Американской ассоциации университетских профессоров, работая в специальном комитете по делам лояльности и безопасности, а также по одному сроку в совете ассоциации и в комитете по вопросам академической свободы и полномочий.

## ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, 1937—1951

В роли преподавателя, особенно на аспирантском уровне, истинно золотым веком для меня были первые годы работы факультета социальных отношений. Открытый ровно через год после окончания войны, факультет привлек благодаря закону о ветеранах необычайно талантливых молодых людей из обширного резерва тех, чье образование прервала война. В числе уже побывавших в Гарварде были Бернард Барбер, Альберт Коуэн, Марион Леви, Хенри Рикен и Франсис Саттон, а Роберт Бейлз оставался с нами всю войну. Среди новоприбывших были Дейвид Шнейдер, Харолд Гарфинкель, Дейвид Аберле

и Гарднер Линдсей. Чуть позже пришли Джеймс Оулдз, Моррис Зеллич, Джозеф Бергер, Рене Фокс, Клиффорд Гирц, Франсуа Бурико (французский стипендиат фонда Рокфеллера), Роберт Белла, Нил Смелзер, Джексон Тоуби, Каспар Нагеле, Теодор Миллс, Джозеф Элдер, Эзра Фогель, Уильям Митчел (на факультет проблем политического управления), Одд Рамсё из Норвегии и Бенгт Рундблатт из Швеции.

В конце 50 — начале 60-х годов пошла третья волна выдающихся аспирантов. В их числе были Уинстон Уайт, Леон Мейхью, Жан Лобсер, Эдвард Ломанн, Чарлз Акерман, Энно Шваненберг, Виктор Лидз, Эндрю Эффрат, Райнер Баум, Марк Гоулд, Джон Эйкюла и Джеральд Платт, сразу после официального окончания курса обучения особо тесно сотрудничавший со мной. Близкие отношения с лучшими учащимися такого калибра были одной из самых больших наград за всю мою академическую карьеру. Такие молодые умы, как мне кажется, не могут не оказывать стимулирующего действия на своих учителей. Личный опыт сильно укрепил мое убеждение в важности *сочетания* обучения и исследовательских функций в одних и тех же организациях и ролях.

Некоторые из этих отношений прямого сотрудничества (с такими людьми, как Р. Бейлз, Д. Оулдз, Н. Смелзер, У. Уайт, В. Лидз и Дж. Платт) имели результатом соавторские публикации. Рабочие связи иного рода были у меня с Д. Шнейдером, К. Гирцем, Л. Мейхью и (пусть не как с официальным исследователем) с моей дочерью, недавно умершей Анн Парсонс.

Несмотря на отмеченную выше смену занятий, видимо, все-таки существовало определенное единство моих интеллектуальных интересов и поступательность моего теоретического развития на протяжении всего периода от завершения «Структуры социального действия» до двух больших книг, опубликованных в 1951 г.: «К общей теории действия» — коллективной работы в соавторстве с Эдвардом Шилзом [51] и моей монографии «Социальная система». Я думаю, что самой важной нитью, поддерживающей преемственность в моей деятельности, была так называемая схема «переменных образцов ценностной ориентации». Эта схема начиналась как попытка сформулировать теоретический подход к толкованию феномена профессий. Было ясно, что дихотомия капитализм—социализм исчерпала себя, так что я обратился к знаменитому различению двух типов социальной организации — *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, сформулированному в немецкой социологии Ф. Теннисом и использованному Вебером [50]. Исходной точкой отсчета у них была проблема «частного интереса», взятая как альтернатива, далеко отстоящая от всеобщего коллективного интереса в социалистическом понимании. Профессиональная ориентация была, как я предположил с самого начала, «незаинтересованной», бескорыстной (позднее определяемой еще как «коллективно-ориентиро-

ванной») в том смысле, в каком врач претендует быть выше всех расчетов, связанных с богатством пациента. В соответствии с этим критерием профессии относятся к разряду *Gemeinschaft*.

Научный же компонент медицины, то есть универсалистский характер знания, примененный к проблемам болезни, входит в число определений современного общества, которое Теннис и его многочисленные последователи классифицировали бы как *Gesellschaft*. Очевидный вывод из этого таков, что теннисовскую дихотомию не следует трактовать только как продукт варьирования одной переменной, но надо рассматривать также и как результирующую от действия множества независимых переменных. Если бы переменные были действительно независимы, то мы должны бы иметь не просто два основных типа социальных отношений, а существенно более обширное семейство таких типов. Я предположил, что профессиональный тип отношений принадлежал к этому семейству, но не описывается полностью ни как *Gemeinschaft*, ни как *Gesellschaft*. Сколь бы значительной сама по себе ни была проблема частного интереса, теперь мне казалась гораздо важнее другая проблема — как охватить в одной и той же аналитической схеме и универсализм, особенно характерный для когнитивной рациональности, и свойственные человеческой деятельности нерациональные эмоции, или аффекты. С этой целью очень рано была сформулирована дихотомическая переменная, которую я назвал «аффективность—аффективная нейтральность», и введена мною в ту же систему, куда входила и переменная «универсализм—партикуляризм».

За многие годы схема переменных образцов ориентации претерпевала весьма сложные модификации, которые здесь нет нужды подробно описывать. Но первый настоящий синтез получился благодаря проекту, который стимулировал появление книги «К общей теории действия». Он начался как своеобразная теоретическая инвентаризация материала, на который опирался эксперимент с определенного рода социальными отношениями, и для этого проекта в Гарвард внештатно были приглашены Э. Шилз и психолог Е. К. Толман. Шилз и я сотрудничали особенно тесно, создав в итоге совместную монографию «Ценности, мотивы и системы действия», которая в известном смысле стала теоретическим ядром книги «К общей теории действия». В монографии мы развили схему переменных образцов как теоретическую основу не только, как я предполагал первоначально, для научного анализа социальных систем, но и для анализа действия вообще, и особенно в пределах нашего тогдашнего кругозора, включавшего личностные и культурные системы. В таком качестве схема уже не была простым каталогом дихотомических различий, но совершенно определенно стала «системой», которая к тому же содержала зачатки ее дальнейшего усложнения, что мы мало сознавали в то время.

Казалось, эти обобщения и систематизации составляли реальный теоретический прорыв, который придал мне смелости попытаться в общей форме высказаться, от своего собственного лица, о природе социальных систем, более четко описав макросоциальные уровни. Моя книга «Социальная система», помимо упорядочения ею общепринятой социологической мудрости, держалась прежде всего на двух идеях, которые можно считать оригинальными. Первая нацеливала на прояснение отношений между социальными системами, с одной стороны, и психологической (или личностной) и культурной системами — с другой. Второй особенностью книги было обдуманно систематическое использование схемы переменных образцов в качестве главного теоретического каркаса для анализа социальных систем.

## **ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ И СОЦИОЛОГИИ**

В некоторых отношениях обе книги 1951 г. были завершением определенного этапа теоретического строительства, но еще важнее оказалось то, что в них содержалось и основание для его продолжения. Используемую в нашей совместной с Шилзом работе схему переменных образцов мы обобщили от уровня социальной системы до уровня действия вообще. В это же время я много дискутировал с Р. Бейлзом<sup>14</sup> об отношении данной схемы к его схеме, созданной для анализа взаимодействия в малых группах. Наши двусторонние дискуссии оказались столь важными, что летом 1952 г. мы пригласили к участию в них Шилза, и в итоге втроем сочинили «Рабочие тетради по теории действия» (1953) [55].

Ключевым моментом этой работы, в свете последующего развития, было появление того, что теперь мы называем «четырефункциональной парадигмой». Она родилась в результате поисков точек схождения системы, охватывающей четыре элементарных переменных образца ориентации, и классификации, которую Бейлз выдвинул в своей книге «Анализ процесса взаимодействия» [6]. Мы пришли к заключению, что системы действия вообще можно исчерпывающе анализировать в категориях процессов и структур, соотносимых с решением (одновременным или поочередным) четырех функциональных проблем, которые мы назвали: «адаптация», «системное (не единичное) целедостижение», «интеграция», «воспроизводство социокультурного образца взаимодействия и скрытое регулирование напряжений». Хотя

---

<sup>14</sup> Бейлз был одним из немногих аспирантов, оставшихся у нас в суровые военные годы. Он начал свою известную программу экспериментального изучения малых групп как младший преподаватель факультета.

в наших формулировках того времени было много изъянов, эта базовая классификация служила мне более пятнадцати лет с момента первого ее появления и стала точкой отсчета во всей дальнейшей теоретической работе<sup>15</sup>.

Одним из последствий, тесно связанных с работой Бейлза по малым группам, было распространение нашего анализа на процесс социализации, возвращавшее меня к идеям исследования медицинской практики. Этот поворот закончился появлением новой книги «Семья, социализация и процесс взаимодействия» [40], написанной в соавторстве с Р. Бейлзом, Дж. Оулдзом и другими. Ее главная идея состояла в том, что малую нуклеарную семью, возникшую в современных индустриальных обществах, можно трактовать как малую группу и дифференцировать в согласии с четырехфункциональной парадигмой по возрасту (поколению) и полу. Такой анализ во многих отношениях походил на модель дифференциации малых экспериментальных групп, с которыми Бейлз и его помощники работали раньше. Возможно также, что именно в этот момент я начал глубоко интересоваться феноменом дифференциации в живых системах вообще. Появление интереса к этим явлениям было связано с моими прежними биологическими занятиями и подтверждало важность феномена «двоичного расщепления»<sup>16</sup>.

Эту линию теоретизирования, продолжавшую рассмотрение проблем нерациональности, обсуждавшихся выше, скоро затмила другая, которая возвратила меня к старой проблеме отношений экономической и социологической теорий. На 1953/54 академический год я был приглашен внештатным профессором по специальности «социальная теория» в Кембриджский университет. Туда меня пригласили на Маршалловские чтения, организованные экономическим факультетом в память Альфреда Маршалла. Предназначенным мне узкоспециальным предметом были отношения между экономической и социологической теориями.

Уже несколько лет я не занимался сколько-нибудь интенсивно проблемами статуса экономической теории. И, приняв приглашение, я не был уверен, что смогу намного превзойти уровень, достигнутый в «Структуре социального действия». Но оказалось, что развитие теории за истекший промежуток времени и особенно четырехфункцио-

---

<sup>15</sup> Эта схема была развернута в третьей главе «Рабочих тетрадей по теории действия». Краткое обозначение для нее: «А, G, I, L—схема».

<sup>16</sup> Как отмечено выше, этот интерес сильно подстегнуло участие в продолжительной конференции по теории систем, организованной докторами Роем Гринкером и Джоном Шпигелем. На этой конференции особое впечатление на меня произвели выступления Алфреда Эмерсона, биолога из Чикаго. См.: Приложение в книге [40].

нальная парадигма создали условия для совершенно нового подхода к этой проблеме.

В процессе подготовки к своим выступлениям я в первый раз основательно изучил книгу Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и внимательно перечитал большие разделы маршалловских «Принципов экономики» [5; 17]. Внезапно меня поразила мысль, что расширенную маршалловскую классификацию факторов производства и долей дохода от земли, труда и капитала с добавкой к этим трем классическим четвертого фактора, который Маршалл называл «организацией», можно рассматривать как классификацию соответственно «входов» и «выходов» в функционировании экономики как социальной системы, анализируемой в понятиях четырехфункциональной парадигмы.

Это прозрение оказалось начальной точкой основательнейшего пересмотра проблемы отношений двух наук, который был лишь частично осуществлен ко времени прочтения трех лекций в ноябре 1953 г. Но по необычайно счастливому стечению обстоятельств тогда в Оксфорде как стипендиат фонда Роудса второй год изучал экономику Нил Смелзер, которого я знал еще студентом в Гарварде. Я послал ему рукопись моих лекций, и он откликнулся такими подробными и удачными комментариями, что мы устроили серию обсуждений в течение этого академического года в Англии. Затем, следующей осенью, по возвращении в Гарвард мы увенчали наше сотрудничество книгой «Хозяйство и общество» [41].

Думаю, что мы добились успеха в выработке нового и более обобщенного подхода к анализу отношений экономической и социологической теорий. Анализу подверглось отношение экономики как подсистемы общества к обществу как целому. Более того, это теоретическое построение удалось обобщить настолько, что стало возможно аналогичным образом рассматривать другие главные функциональные подсистемы обществ. Тем самым оно позволило совершенно по-новому взглянуть на структуру и функционирование всех социальных систем, из которых общество представляет собой лишь один особо важный тип.

Связующая идея состояла в том, что комплекс, называемый экономистами-теоретиками «экономикой», следовало рассматривать как одну из четырех главных функциональных подсистем общества, преимущественно *адаптивного* назначения, то есть как некий механизм производства обобщенно понимаемых ресурсов. Тогда соотношение трех факторов производства и долей дохода рассматривалось бы, соответственно, как отношение входа и выхода в каждую из трех других первичных подсистем. Четвертое соотношение — земли и ренты следовало трактовать как особый случай (собственно, так и было в долгой теоретической традиции экономической науки). Ключ к пониманию этой особенности дает знаменитое учение, в соответствии с которым пред-

ложение земли и обеспечение ею, в отличие от других факторов производства, не есть функция ее цены. Это свойство удовлетворяло логическим требованиям функции «воспроизводства образца», которую мы трактовали как устойчивую эталонную базу системы действия. В процессе работы мы существенно пересмотрели традиционную экономическую концепцию «земли», включив в нее не только природные ресурсы, но и любые экономически значимые ресурсы, безусловно подчиненные функции производства в экономическом смысле, в том числе и ценностные обязательства относительно производства. При нашем подходе тогда экономическая рациональность становилась ценностной категорией, а не категорией психологической мотивации.

Если бы наши определения источников поступления на входах и пунктов назначения на выходах экономического действия в его отношениях с тремя другими подсистемами действия были правильны и если бы мы сумели разработать настолько же верные классификации и категоризации для входных ресурсов и выходных продуктов при взаимодействиях и между этими тремя первичными подсистемами, то в конце концов оказалось бы возможно выработать полную «парадигму взаимодействия» для социальной системы как целого<sup>17</sup>. Эта задача потребовала нескольких лет и многочисленных совещаний со Смелзером и другими специалистами.

Это направление мысли и породило новое осложнение схемы и открыло новые благоприятные возможности. Исходную опорную модель взаимодействия дал нам по-кейнсиански внимательный анализ взаимодействия между домашними хозяйствами и фирмами. Домохозяйства мы отнесли к подсистеме «воспроизводства образца» (что удалось хорошо истолковать социологически), фирмы — к «экономике». Были рассмотрены, однако, две, а не четыре категории взаимодействия: то, что экономисты называли «реальными» вложением и результатом, и монетарные выражения зарплат и потребительских расходов. Естественно, это подняло ряд вопросов о роли денег как средства обмена и о других их функциях, например как меры и средства накопления экономической ценности.

В экономических дисциплинах теория денег, безусловно, стала центральной, но экономисты и другие специалисты сохранили тенденцию трактовать деньги как уникальное явление. Если, однако, идея обобщенной парадигмы взаимодействия для социальной системы как целого имеет смысл, то из этого, по всей вероятности, следует, что деньги — лишь одно из средств некой совокупности средств обмена, объединенных на основе их предельной обобщенности. Для социаль-

---

<sup>17</sup> Парадигма взаимодействия дана как приложение к моей статье «О понятии политической власти» в: *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 107. June 1963, и перепечатанной в [34].



ной системы должны существовать по меньшей мере четыре таких средства.

Чтобы переосмыслить роль денег в таком духе, было не очень трудно разработать некоторые необходимые вопросы социологии денег, но с другими средствами обмена трудностей возникло гораздо больше. Первый успех пришел вместе с попыткой истолковать власть в политическом смысле тоже как средство взаимобмена, хотя и отличное от денег, но сравнимое с ними [41]. Это повлекло за собой гораздо более основательную перестройку понятий, используемых политическими теоретиками, чем понятий экономистов, работающих в монетарном контексте. Возникла необходимость ввести понятие «политики», определенной абстрактно-аналитическим образом, подобно тому как это делалось в отношении «экономики», и потому не сводящейся к идее политического управления, но охватывающей сферу коллективного целедостижения (за исключением «интеграции») в качестве своей основной социетальной функции. И самое главное — понимание власти как символического средства обмена (по аналогии со свойством денег обретать ценность в обмене, а не в прямом материальном использовании) почти полностью упущено из виду политической мыслью, считавшей «реальную эффективность» властного принуждения в гоббсовской традиции важнейшей функцией власти. Тем не менее, я полагаю, мне удалось выработать достаточно связную парадигму власти как символического средства (см. [34, 224]). После этого было уже гораздо легче распространить данный род анализа на два других средства обмена: «влияние» и «ценностные обязательства» — термины, употребляемые в узкотехническом значении<sup>18</sup>.

## СРЕДСТВА ВЗАИМООБМЕНА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Шаг за шагом движение, начатое Маршалловскими чтениями, привело в конце концов не только к структурному, но и к процессуальному анализу социальных систем, что обещало поднять трактовку их неэкономических аспектов на уровень теоретической изощренности, сравнимый с достигнутым в экономике, и включало в анализ динамику взаимоотношений между этими неэкономическими подсистемами и «экономикой». Например, концепции инфляции и дефляции, использовавшиеся экономистами, по-видимому, удалось обобщить для описания оборота других трех социетальных средств и их взаимоот-

---

<sup>18</sup> Этот анализ есть в двух моих статьях: *Parsons T. On the concept of influence//Public Opinion Quarterly. Spring 1963; Parsons T. On the concept of value-commitment//Sociological Inquiry. Vol. 38. Spring 1968.* Обе статьи перепечатаны в: *Politics and social structure. N.Y.: Free Press, 1969.*

ношений не только с деньгами, но и друг с другом. Можно привести лишь одну из множества возникающих при этом трудностей. Упомянутая монетарная динамика явно несовместима с идеей, что деньги — феномен, подчиняющийся принципу «нулевой суммы». Расширение кредита и рост долговых обязательств — это, конечно, центральные характеристики денежной инфляции и дефляции. Но политические теоретики в большинстве своем придерживались мнения, что количество власти в обществе подчиняется принципу нулевой суммы. Поэтому, чтобы сделать деньги и власть сравнимыми в этом жизненно важном отношении, надо было исследовать причину данного разногласия и показать, почему оно неприемлемо для меня.

Концепция систем действия и их отношений к подсистемам, отлившаяся в формах четырехфункциональной и взаимообменной парадигм, серьезно наводила на мысль о желательности и важности расширения анализа. В одном направлении удалось добиться существенной детализации, а именно на уровне, как мы это называли, «общего действия». Первую стадию, хорошо представленную в двух книгах 1951 г., можно рассматривать как развитие двух граней проблемы рациональности, появившейся в моем исследовании медицинской практики. На этой стадии социальная система изображалась, так сказать, прикрытой с флангов: психологической или личностной системой — с одного и культурной системой — с другого, и в то же время взаимозависимой и взаимопроницаемой ими. Логика четырехфункциональной парадигмы постепенно подсказала, каким образом сюда можно и должно встроить «поведенческий организм», который надо отличать от конкретного организма во всех его разнообразных проявлениях. Этому расширению сферы анализа способствовало оживление и обогащение биологических интересов, в частности благодаря контактам с А. Эмерсоном и тесным связям с Дж. Оулдзом, который перешел к этому времени от работы в области социальной психологии к исследованиям мозга. Функциональные назначения четырех подсистем действия ясны и стабильны: адаптивную диспозицию имеет поведенческий организм, целодостиженческую — личность, интегративную — социальная система, и функцию воспроизводства образца исполняет культурная система.

Несколько лет этот подход был самым заметным, и на его базе делались попытки пробного расчленения и других, отличных от социальной систем (см., например, тексты о психологической теории, написанные для симпозиума по инициативе З. Коха, и о культурной системе во Введении к четвертой части «Теорий общества»<sup>19</sup>). Лишь недавно, и потому очень предварительно, оказалось возможным раз-

---

<sup>19</sup> См. Введение к части 4 книги: *Theories of society*/Ed. by T. Parsons, E. Shils, K.D. Naegle, J.R. Pitts. N.Y.: Free Press, 1961; и мое эссе «Подход к психологической теории с позиций теории действия» в: *Psychology: a science*, III/Ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill, 1959.

работать общую парадигму взаимобмена для уровня «общего действия» (см. [48]). При этом выявилось интересное идейное сближение. Оказалось, что под категории обобщенных средств обмена, введенные в порядке опыта, можно подвести категории «четырех желаний и определения ситуации», которые поколением раньше предложил социальный психолог У. Томас. Тогда на уровне общего действия соответственно: средством адаптации, аналогичным деньгам на уровне социальной системы, оказывается умственная способность, которая в своей позитивной форме может включать томасовское «желание нового опыта», а в негативной — «желание безопасности»; средством целедостижения — способность исполнения, вознаграждаемая томасовским «признанием» со стороны других; средством интеграции — чувство, в приблизительном психоаналитическом смысле вознаграждаемое, по Томасу, ответным эмоциональным «откликом»; и, наконец, средством, участвующим в процессе «воспроизводства образца», оказывается томасовское «определение ситуации», которое, как и другие составляющие этого процесса, должны рассматриваться и рассматриваются Томасом как особый случай [49].

## **«СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»?**

В области анализа действия, как и в других областях, понятие системы стало центральным в моем мышлении очень рано. С этим понятием ассоциируется обширный комплекс эмпирико-теоретических проблем, занявших особое место в широко известных критических дискуссиях о системных теориях. В этот комплекс входят, например, концепции равновесия и его отношений к условиям системной устойчивости, возможностей и реальных процессов изменения; роль понятия функции; проблемы «консенсус против конфликта» как характеристики социальных систем; соотношение между тем, что можно назвать «процессами сохранения» в системах, и процессами структурного изменения, способными расширяться до масштабов эволюции или сужаться до ее противоположности.

Возможно, я немного повторяюсь, если скажу, что мое первое знакомство с проблемой равновесия состоялось в версии Хендерсона—Парето, подкрепленной ее приложениями к экономике Шумпетером. Эта версия использовала понятие системы из механики, ориентируясь на физико-химические системы в качестве рабочей модели. В ней специально обсуждались условия устойчивости, хотя Хендерсон не уставал указывать, что паретовская концепция равновесия вовсе не обязательно статична. Очень рано, однако, на меня начала влиять физиологическая концепция равновесия, особенно построенная Канноном вокруг понятия гомеостаза.

Эта физиологическая концепция имеет более прямое отношение к функциональному подходу, чем трактовка равновесия, преобладавшая в мышлении социальных антропологов, в частности А.Р. Радклифф-Брауна и его последователей. Хотя Б. Малиновский тоже известен как функционалист, он во многом вступил на другой теоретический путь (см. [27]). На Радклифф-Брауна сильно повлиял Дюркгейм, и потому первый попал в поле моего зрения. На долгое время Мертон и я стали известны исключительно как лидеры структурно-функциональной школы среди американских социологов.

Однако ступени развития, пройденные мною после появления четырехфункциональной парадигмы и в особенности после анализа обобщенных средств обмена, сделали обозначение «структурно-функциональный анализ» все менее подходящим. Во-первых, постепенно выяснилось, что структура и функция — понятия, не соотносящиеся на одном и том же уровне, как, например, универсализм и партикуляризм в формулировке «переменных образцов». Стало очевидным, что «функция» — более общее понятие, определяющее некоторые необходимые условия сохранения независимого существования системы внутри какой-то среды, тогда как одноуровневое родственное слово для «структуры» вовсе не функция, а «процесс». Связь обоих понятий с проблемой сохранения границ и другими аспектами функционирования системы действия все более, в свою очередь, привлекала внимание к проблемам контроля. Так, деньги можно было рассматривать как механизм оборота, через который осуществляется контроль за экономической деятельностью, подобно тому как циркуляция гормонов в крови контролирует определенные физиологические процессы. Эти идеи дополнительно подчеркивают основную мысль современной биологии о том, что живые системы суть открытые системы, вовлеченные в непрерывный взаимообмен со своими «средами».

Прояснение проблем контроля колоссально продвинулось, однако, благодаря появлению (в самое стратегически важное для меня время) нового общенаучного направления, а именно кибернетики в ее тесной связи с теорией информации. С помощью достижений в этой области можно было доказывать, что основная форма контроля в системах действия принадлежит к кибернетическому типу и вовсе не аналогична, как утверждалось до сего времени, насильственно-принудительным аспектам процессов, в которых участвует политическая власть. Более того, можно было показать, что функции в системах действия не обязательно «рождены свободными и равными», но состояли, наряду со структурами и процессами, обеспечивающими функциональные потребности системы, в различных иерархических отношениях между собой по оси контроля.

Здесь крайне поучительным для теории действия оказалось и развитие кибернетических аспектов биологической теории, особенно «новой генетики». В частности, важной была идея Эмерсона, что роль

«системы культурных символических значений» аналогична (в настоящем смысле термина «аналогия») роли генов в биологической наследственности. Пришлось проделать существенную работу по теоретическому приспособлению этой концепции к той роли, которая в теории действия приписывалась функции «воспроизводства образца», а также связанным с нею структурам и процессам вообще и культурным системам в частности.

Этот путь предлагал выход из бесконечного круга рассуждений об относительных преимуществах того или иного класса факторов в детерминации социальных процессов и направлений развития. Например, был ли в конечном счете марксистский экономический детерминизм более верен, чем культурный детерминизм? Вообще такие вопросы бессмысленны, будучи вопросами того же порядка, что и старый биологический спор о наследственности, противопоставляемой среде. Альтернативное решение этой проблемы состоит в том, чтобы представить процесс действия как комбинацию факторов, исполняющих различные функции для объединяющей их системы, и один из главных аспектов этих функций — контроль в кибернетическом смысле.

Кибернетический подход способствовал поиску также новых возможностей для того, чтобы как-то разделаться с без конца обсуждаемыми проблемами стабильности и изменения в системах действия. В этой связи стало возможно стыковать новые подходы с моими прежними интересами в области социализации личности и родственных тем. Настаивание на радикальном теоретическом разделении процессов, благодаря которым сохраняется костяк системы (включая социализацию новых членов для обществ), и процессов, которые изменяют саму ее основную структуру, по-видимому, оправдано, как во многом аналогичное основному биологическому различению физиологических процессов, благодаря которым поддерживается или изменяется определенное состояние индивидуального организма, и эволюционных процессов, влекущих за собой изменения в генетической конституции видов.

## **СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ**

Последний проблемный контекст сильно оживил мой интерес к теории социальной и культурной эволюции в ее преемственности с органической эволюцией. В значительной степени он конкретизировался на семинаре 1963 г. по проблемам социальной эволюции, который совместно организовали С.Н. Эйзенштадт и Р. Белла. В результате последовал ряд публикаций (см. [28; 29; 31]). Это направление интересов в чем-то продолжало, конечно, мои занятия веберовским сравнительно-историческим подходом, особенно в истолковании природы и проблем современного общества. Оно было связано также с бо-

лее мелкими проблемами, поднятыми в ряде исследований высшего образования, которыми я недавно увлекался.

Значительная часть теоретического анализа процессов структурного изменения в социальных системах проводилась по модели, производной от общей четырехфункциональной парадигмы. Она была определена нами как модель, предназначенная для описания одной из стадий в прогрессивном структурном изменении внутри системы действия, и особенно социальной системы [41, ch. 5]. Отправным пунктом здесь служила концепция дифференциации — процесса, который, по-видимому, дает достаточные основания обратить внимание на элементарное раздвоение, то есть разделение прежней структурной единицы на две функционально и потому качественно отличные единицы. Для социальной системы моделью будет дифференциация крестьянского типа домохозяйства на собственно домашнее, семейное и производственное хозяйства, где из второго можно извлекать доход для содержания первого.

Очень долго (например, в работах Г. Спенсера) дифференциация понималась как обязательно дополняемая (по функциональным соображениям) новыми интегративными структурами и механизмами. Отчасти по этой причине новодифференцированную систему включают и в контекст новых проблем адаптации, во многом согласующихся с общебиологическим понятием адаптации, выработанным в дарвинистской традиции, но в котором ударение перенесено на активные, отличающиеся от пассивных, формы адаптации. И наконец, существуют компоненты такой системы, которые относительно обособлены от вышеуказанных явных процессов структурного изменения. Эти компоненты органично попадают в «генетический» класс: применительно к нашим представлениям о действии — в класс компонентов подсистемы «воспроизводства образца», некоей общекультурной порождающей модели. Следовательно, четырехфункциональная парадигма оказывается пригодной и на этом уровне. Сначала мы говорим о дифференциации как процессе, сосредоточенном на функции целедостижения, потом, на вполне очевидном этапе, разговор идет уже об интеграции, но здесь мы специально останавливаемся на том, что в нашей парадигме называется «включением», повышающим приспособляемость как центральную адаптивную характеристику, и «генерализацией ценностей», той особой моделью изменения, которое необходимо для данной системы, чтобы завершить такую фазу, если рассчитывать на ее будущую жизнеспособность.

Эта модель изменения сыграла существенную роль в отчетливом выражении того интереса к социальной эволюции, о котором я упоминал выше. Работа над темой социальной эволюции задокументирована в ряде статей и в двух небольших книгах, написанных для серии «Основания социологии» в издательстве Prentice-Hall (редактор Алекс Инкелес): «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе»

(1966) и «Система современных обществ» (1971) [31; 32]. Первоосновы этого интереса восходят к моей диссертации о природе капитализма как социальной системы, что отныне можно переопределить более широко как интерес к природе и главным тенденциям современного общества. На этот раз он был реализован в широкой перспективе, во многом в духе М. Вебера, но с некоторыми важными отличиями от его взглядов.

Конечно, сравнительный метод глубоко укоренился в моем сознании, но одновременно меня напрямую интересовали условия и процессы современного западного развития. Имея определенные представления о них и достаточно много информации о примитивных и промежуточных обществах, я начал анализировать, каким образом христианство (в контексте иудаизма, а также культуры и общества периода классической античности) заложило определенные предпосылки для современного развития. В этой связи были, по-видимому, важны два ряда соображений. Один строился вокруг идеи о том, что в двух случаях малые общества — именно древние Израиль и Греция — оказались способными сделать особо заметный культурный вклад в общий процесс развития, потому что они отдифференцировались из окружающей их среды как *целостные общества*, правда, на такой основе, которая не позволила им выжить надолго в качестве независимых образований. Но их культуры смогли дифференцироваться от своих социетальных базисов и оказать глубокое влияние на последующие цивилизации. Я назвал эти общества обществами-«рассадниками». В некотором широком смысле вклады Израиля и Греции в современный мир (особенно, хотя и не исключительно, через христианство) хорошо известны, но социологический смысл явления, вероятно, не столь знаком публике.

Другой ряд соображений основывался на концепции христианской церкви как частично самостоятельной подсистемы всего позднеантичного общества Средиземноморья, политически объединенного Римом, которая со своих стратегических (в «кибернетическом» смысле) высот смогла в итоге оказать решающее влияние на весь процесс современного развития. Можно было показать, что общество-«рассадник» и дифференцированное религиозное коллективное объединение долгое время исполняли функции, сходные в определенных отношениях с инвестированием в процессе экономического развития. Я попытался изложить этот взгляд на христианство в двух статьях о его общем значении и развитии (см. [29; 30]). Разумеется, в каком-то смысле эта линия анализа представляет собой расширение и пересмотр знаменитого веберовского толкования этики аскетического протестантизма.

В этой связи я вместе со многими другими воспринимал Израиль и Грецию как страны, заложившие принципиальные основы того, что можно назвать «конститутивной» культурой современной цивилиза-

ции. Эти основы были восприняты христианством и затем существенно изменены. Не довольствуясь констатацией этих общеизвестных положений, я старался осветить те социальные процессы, благодаря которым поддерживалась связь времен, и соединить их исторические объяснения с новейшими истолкованиями существенных элементов системы обществ современного типа.

## ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Веберовское воззрение на капитализм, как и у К. Маркса, явно опиралось на представление о связи капитализма с промышленной революцией. В целом такой взгляд согласуется с предположением, что это базисное изменение в экономической организации (конечно, тесно связанное с изменениями в технологии) было наиболее существенной чертой нового общества. В этом главном пункте сходились Маркс и Вебер, хотя они глубоко отличались в описаниях генетических факторов этого изменения и в анализе внутренней динамики индустриальной структуры.

По-разному оба мыслителя страстно интересовались также перипетиями политического развития, которое, достигнув сперва высшего накала в событиях Французской революции, в дальнейшем имело громадные и сложные последствия. Но и Маркс с его сосредоточенностью на классовой борьбе, и Вебер с его упором на бюрократизацию были склонны рассматривать демократическую революцию как вторичную по отношению к промышленной. Мне же казалось все более необходимым отобразить значение обеих революций в теоретически скоординированных измерениях. С точки зрения моей парадигмы, как бы сильно эти революции ни зависели друг от друга, аналитически одну все равно приходилось толковать как революцию преимущественно экономического, а другую — политического значения. В этом смысле их можно было рассматривать как опирающиеся на общую базу, но независимые по сути<sup>20</sup>.

В связи с моими исследованиями профессий я постепенно пришел к выводу, что так называемая революция в образовании по своей значимости для современного общества, по меньшей мере, соизмерима с двумя вышеупомянутыми революциями. Эта революция в образовании, конечно, началась значительно позже, ближе к середине XIX в.

---

<sup>20</sup> Сюда добавляются сложности «перекрещивания» взаимовлияний. Так, бюрократия в экономическом производстве вовлекает *аналитически* рассматриваемые политические компоненты в состав экономических интересов, а избиратели как элемент политической демократии в сравнимом смысле способны включить интегративные компоненты в состав правительственных интересов.



Но с массовым распространением высшего образования в последнем поколении данная революция достигла своего рода кульминации. В результате глубоко изменилась структура занятости — и в первую очередь не по «линии» бюрократизации, а по составу самих профессий, особенно четко выраженному в системе высшего образования.

Концепция этих трех революций — промышленной, демократической и образовательной — согласуется с парадигмой прогрессивного изменения, ибо все три революции включали в себя главные процессы дифференциации, связанные с предыдущим состоянием современного общества. Более того, все они были главными двигателями подъема цивилизации, способствуя колоссальному повышению уровня обобщенности и увеличению подвижности общественных ресурсов. Все три революции ясно поставили также основные проблемы интеграции для тех обществ, в которых они произошли, и сделали необходимыми крупные сдвиги в том, что мы называем «генерализацией ценностей».

По логике четырехфункциональной парадигмы, казалось, имело смысл искать более совершенную определяющую основу, стоявшую за всеми тремя главными видами преобразовательных процессов и по возможности включавшую временное измерение. В этом контексте я стал усиленно изучать возможность того, что истинное начало современной фазы социетального развития состоялось задолго до возникновения трех революций и в такой культурной и социетальной среде, которую можно было бы представить как заложившую общие для всех трех фундаментальные основания. После того как мы допустили такую возможность (отличную от более привычной тенденции датировать современную эпоху или от промышленной революции, или от демократической, или от обеих), выяснилось, что первичный источник надо искать в местах, которые я назвал северо-западным углом европейской системы XVII в.: в Англии, Франции и Голландии. Конечно, в одном важном отношении Англия и Голландия связаны более тесно, потому что обе страны были преимущественно протестантскими державами с сильным экономическим уклоном, в то время большей частью коммерческим. Не следует забывать, однако, что Франция едва-едва избежала победы протестантизма и что кальвинизм оставил там следы продолжительного влияния.

Во всем этом регионе был особенно силен не только аскетический протестантизм, но были обильными и плоды Ренессанса. В известном смысле оба ряда явлений соединились в великих успехах английской и голландской науки того времени. Тот же век увидел первые достижения в развитии обычного права и установление первого значительного парламентского режима. Но одновременно Франция Людовика XIV создала еще невиданное, наиболее полномочное централизованное государство, которое послужило контрастным фоном для демократической революции. Последняя оспаривала не концеп-

цию государства как такового (Ж.Ж. Руссо усиленно это подчеркивал), а структуру власти, которая его контролировала. Таким образом, если мыслить в категориях культурной основы (особенно религии и науки), правового порядка и политической организации, то эти три страны заложили в XVII в. несколько главных составных частей эпохи «современности». Не следует забывать также, что названные страны в то время были впереди всех в институционализации понятия национальности, и это стало причиной некоторых конфликтов между ними. Освобождение Голландии от испанского правления было, конечно, главным эталоном при осмыслении и сравнении этих процессов.

Предполагалось, что все три революции имеют общую базу в нескольких важных смыслах. Первый — это некоторое расширение экономической дифференциации и подъем экономической деятельности с коммерческого уровня на индустриальный, то есть мобилизация наиболее глубинных факторов производства. Второй, тесно связанный с развитием национализма, — это мобилизация глубинных факторов политической эффективности, особенно активной поддержки со стороны граждан, переставших быть подданными монарха. Третий — это мобилизация культурных ресурсов в социетальных интересах благодаря чрезвычайно сложному процессу интернализации основных культурных образцов и выполнению сопутствующих ценностных обязательств.

В этой связи возникает большая проблема с истолкованием общего направления развития современной системы обществ. Вероятно, эту проблему можно поставить по контрасту со взглядами, о которых допустимо говорить как общих для Маркса и Вебера при всех их различиях. В некотором смысле оба они были согласны с тем, что ключевые проблемы современной системы кроются в отношениях власти. Маркс усмотрел наиболее важную часть этих отношений в дихотомической структуре промышленного предприятия, где собственник-управляющий противостоял рабочему, и затем положил данное отношение в основание классовой структуры всего общества. Вебер развивал более реалистическую (в свете последующего опыта) концепцию более дифференцированного предприятия как бюрократической системы, которая *не* раздваивает власть, но в некоем расплывчатом общем смысле контролирует действия всех своих участников.

В моем случае главным отправным пунктом в формировании иного взгляда на указанную проблему были труды Дюркгейма, особенно его концепция органической солидарности. Видимо, проще всего отличия моей позиции можно выразить, сопоставляя, во-первых, такие образцы социальной структуры, как ассоциации (преимущественно добровольные организации) и бюрократии (преимущественно иерархические организации), и, во-вторых, относительно монолитные и более плюралистические типы структуры. Отношение организации типа ассоциации к проблеме концентрации власти в противопоставлении

к ее рассредоточению безусловно входит в концепцию демократической революции. При обсуждениях в данном проблемном контексте существовала тенденция сосредоточивать внимание на организации правления как такового, и прежде всего на центральном правительстве. Но во многих современных обществах, и, возможно, в Соединенных Штатах особенно, обильно плодились добровольные ассоциации всевозможных толков. Для моих целей исключительно важной разновидностью «ассоцианизма» были профессии по причине возрастания их стратегической значимости в структуре человеческих занятий. Профессии оказываются в центре споров сторонников капитализма или социализма, а также теоретиков, исследующих влияние промышленной революции. Организация профессии явно не относится к бюрократическому типу организации, а, напротив, поскольку высококвалифицированная профессиональная деятельность предполагает коллективную выработку решений, профессиональные коллективы в значительной степени автономны по отношению к сторонним инстанциям и действуют в основном как ассоционистские группы. Так как профессиональная роль обычно занимает все рабочее время, я называю этот образец действия «коллегиальным» (фактически следуя словоупотреблению Вебера и других). Не последний по важности случай такого рода являют нам академические преподавательские профессии, которые несколько веков сохраняют преимущественно коллегиальный образец организации, даже если он вынужденно сочетается с более бюрократическими образцами, особенно в устройстве университетской администрации.

Проблема плюрализма несколько тоньше. В довольно широком диапазоне дифференциация социальной структуры не ведет к размещению персонала прежней структуры исключительно в той или другой из производных структур. Так, например, когда дифференцировался старый тип крестьянского домохозяйства, взрослые мужчины продолжали быть членами домохозяйств по месту жительства, но становились *также* и членами нанимающих организаций, то есть фабрик и учреждений. Часто тот же принцип применим к коллективным образованиям, которые входят в более обширные социальные системы. Так, разнообразные научные ассоциации, организованные по дисциплинарному признаку, в качестве правомочных юридических лиц являются сочленами такого организма, как Американский совет научных обществ. Фактически в состав университета наряду с индивидуальными членами входят и разные факультеты.

Поскольку я придавал такое значение процессу дифференциации в социетальном развитии вообще, а в особенности в его современной фазе, то существенно важным становится феномен плюрализации со всеми его отличительными чертами, условиями и следствиями. В концептуальном анализе этой области явлений плодотворную первооснову заложил Дюркгейм своим понятием органической солидарности —

основу, на которой я все более усердно пытался теоретизировать [33]. Постепенно выяснилось, что явления в этой области имеют решающее значение для современного общества не только в экономической сфере, но и в способах связи структуры занятости с родственной, этнической, религиозной структурами и с различными аспектами категории «сообщества». Но по стечению идеологических соображений и обстоятельств «интеллектуальной истории» оказалось, что данная проблематика не получила должного внимания, а свойственный ей концептуальный аппарат не развит в достаточной мере. Такая интеллектуальная ситуация в социологии явилась следствием устойчивой тенденции сосредоточиваться на двух великих фигурах — Марксе и Вебере и заниматься анализом либо классов, либо бюрократии.

По моему собственному интеллектуальному опыту здесь можно было использовать одну исключительно важную точку отсчета. Дюркгейм в своем анализе современной экономики в «Разделении труда» делал ударение на ее *институциональной* регуляции в относительно неформальных аспектах, а на формальных уровнях он больше внимания уделял праву, чем правительственной администрации. Центральными объектами его анализа были институт договора и институт собственности. В категориях более поздней версии моей теории и в соответствии с этим подходом экономика, как адаптивная подсистема общества, прямо связывалась с интегративной системой, которую я с недавних пор начал называть «социетальным сообществом». Эта связь с миром идей Дюркгейма и последующие ее усложнения ведут к сосредоточению на дифференцированности и плюралистичности структуры в прямую противоположность акцентированию иерархических властных отношений, присущему и Марксу, и Веберу.

С точки зрения развития выяснилось, что, за исключением организации французского государства, фундаментальные структурные сдвиги в обществе XVIII в. происходили в сторону плюрализации организаций ассоцианистского типа, заметными проявлениями которого были аскетический протестантизм, обычное право, парламентаризм, а также наука и быстрое развитие рыночной экономики. В своей капиталистической форме промышленная революция определенно продвигала общество в том же направлении, что и демократическая революция. С этих позиций стало понятным (возможно, под особым влиянием А. Токвиля), что в мировой «современной системе» XX в. то современное общество, которое развивается в Северной Америке, с некоторых пор начало играть роль, в чем-то аналогичную роли европейского северо-запада в XVII в. Это общество обязано своими главными особенностями торжеству принципов ассоцианизма и плюрализма, а не четкости и жесткости классовых отличий или высокому уровню бюрократизации. Кроме децентрализованного демократического управления, можно указать такие примеры особенностей американского общества, как федерализм и разделение властей, религиоз-

ное законодательство об отделении церкви от государства, плюрализм вероисповеданий и способность ассимилировать (в смысле «включения») большие группы религиозных и этнических иммигрантов, хотя эта ассимиляция остается далеко не полной.

Детализация многочисленных разветвлений этих основных структурных тенденций (при условии, что они действительно существуют) является сложной эмпирико-теоретической задачей, но в последние годы она стала для меня главной. Работая с такими сложными проблемами, один ученый, даже если он сотрудничает и поддерживает связь со многими другими, в лучшем случае может получить только частичные и фрагментарные результаты.

Значительную долю интереса социальной мысли прошлого века и близкого ему времени к проблематике иерархии и власти я приписываю идеологическим факторам. Так, классический случай представляет социалистическая реакция на капиталистическую концепцию экономики, руководствующейся рациональным преследованием отдельных частных интересов. Эту концепцию заменил принцип жестко централизованного правительственного контроля над экономикой в интересах общества. Сама формулировка альтернатив этой дилеммы мешала заметить, до какой степени новая индустриальная экономика фактически уже не была *ни* чисто рационально-индивидуалистической в смысле экономистов-утилитаристов, *ни* коллективистской в социалистическом смысле. Как показал Дюркгейм, она в значительной своей части управлялась иными факторами. Среди них важна нормативная структура, легитимизированная на базе ценностей культурного и в том числе религиозного характера. Помимо этого регулирующее воздействие оказывает эмоциональное содержание солидарности (в точном дюркгеймовском смысле этого понятия), выражающееся в мотивационных привязанностях индивидов к своим ролям, к коллективам и коллегам.

## СОЛИДАРНОСТЬ И СОЦИЕТАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Параллельно жесткой «капиталистической—социалистической» дихотомии между частным и общественным интересом существует дихотомия сравнительно недавнего происхождения между отчуждением индивида и разнообразных подгрупп от сложившихся видов коллективной солидарности, с одной стороны, и, с другой, ожиданиями и требованиями тотального поглощения индивида или соответствующей подгруппы некоторым макроскопически понятым сообществом. Здесь имеются и другие возможности (и не просто как некие промежуточные состояния), которые почти наверняка важнее, чем хотели бы нас уверить прошлые и теперешние идеологи. Предположительно, такие возможности надо искать в широком ассоцианистско-плюралистическом диапазоне.

Соответствующие теоретические средства для определения этих новых возможностей, распознавания и последующего анализа реально существующих явлений, в составе которых они намечаются, а также свойств многих из существующих структур, которые блокируют возможные альтернативы, по всей вероятности, окажутся менее пригодными, чем те же средства для анализа плюралистических нормативных компонентов во времена Дюркгейма. Прежде всего нам придется устанавливать адекватные теоретические связи между психологией индивида, функционированием социальных систем во многих и разных измерениях и укорененностью нормативных факторов в культурных системах. Одна из проблем во всем этом — как избежать элементарной дихотомизации типа *Gemeinschaft*—*Gesellschaft*, которая поразительно похожа на дихотомию социализм—капитализм. Среди теперешних интеллектуалов распространена вредная тенденция полагать возврат к относительно примитивному уровню *Gemeinschaft* единственным лекарством против того, что обычно принято считать нездоровыми явлениями и моральными пороками современного общества [18].

Наиболее близким мне подходом к этой проблемной области был анализ социализации индивида, с особым вниманием к взаимоотношениям между мотивационной динамикой и структурными компонентами этого процесса, рассмотренными в рамках социальной и культурной систем. Психология психоаналитической ориентации на строго личностном уровне обеспечила солидную теоретическую базу для продвижения в данной области. По известным причинам, однако, эта психология ограничивалась изучением ранних фаз процесса социализации — в его классической форме (эдипов комплекс). Даже в этих вопросах она нуждалась в существенной коррекции и модификации в свете социологического анализа систем семьи и родства.

За немногими исключениями (например, в работах Э. Эриксона о подростках и юношестве [10]), психоаналитические теоретики заметно пренебрегали прогрессивными стадиями процесса социализации на разных ступенях формального образования. Они часто довольствовались терапией и двусмысленным мнением о том, что структура характера полностью закладывается к концу первого (чаще — шестого) года жизни и что все происходящее после этого спокойно приписывается патологии или ее отсутствию.

В моих более ранних работах были некоторые, достаточно успешные попытки анализа в этой области (например, в статье о возрасте и поле как категориях социальной структуры [35], а позже в книге «Семья, социализация и процесс взаимодействия» [40], и, вероятно, сюда же можно включить и модель социальных условий психотерапии, описанную в «Социальной системе» и кое-где еще). Но при всем этом в этой области мне не удалось достичь уровня аналитической обобщенности, сравнимого с достигнутым в анализе политической, экономической, правовой и даже религиозной структур общества.

Важное продвижение в этом направлении совершилось благодаря возвращению, после нескольких лет перерыва, к анализу проблем родства и запрета инцеста, с особенным вниманием к значению такого запрета среди сиблингов для общества ассоцианистского типа. В свою очередь, это пробудило интерес к значению «символических» образцов родства в истории западных институтов, в частности религиозных орденов, нареченных «братствами» и «сестринскими обителями». Фактически религиозный целибат нетрудно было истолковать как случай «инвестирования», аналогичный образцу обществ-«рассадников культуры» и раннему христианству [36]. Мои взгляды в данных вопросах чрезвычайно помогла прояснить работа моего старого ученика и друга Дейвида Шнейдера по американской системе родства [44].

Еще раньше я был втянут в исследование связей среднего образования с социальной мобильностью, в сотрудничестве с Флоренс Клакхон и покойным С. Стауффером. Продолжение этого исследования на уровне начальной школы тоже помогло прояснить некоторые важные структурные точки отсчета [37; 42]. Как уже отмечалось, мои эмпирические исследовательские интересы в этой области распространялись также на социальную структуру и динамику высшего образования, особенно в его внутренней связи с проблемой профессий.

Дальнейший теоретический прогресс оказался зависимым от развития другой обобщенной аналитической парадигмы — классификации обобщенных средств взаимообмена и разработки категорий взаимообмена между четырьмя первичными функциональными подсистемами на уровне общей системы действия, включая культурную, социальную, психологическую и поведенческо-органическую системы. Как сказано выше, эти категории во многом сходятся со схемой У. Томаса.

Мне уже давно стало ясно, что «аффект», эмоцию (в некоем психоаналитическом, а не эротическом смысле) следовало бы трактовать как обобщенное средство, используемое на уровне общего действия. Проблема была в том, куда поместить это средство. Самоочевидность вызываемых им психологических ассоциаций делала наиболее правдоподобной его привязку к личностной системе. Прорыв наступил при изучении возможности, а затем в связи с окончательным принятием решения определить принадлежность такого средства, как аффект, к социальной системе и, разумеется, ее взаимообменам с другими первичными системами<sup>21</sup>. При таком решении аффект трактуется как прямой аналог (на уровне общего действия) «влияния» в социаль-

---

<sup>21</sup> Профессор Рене Фокс в комментарии на первый вариант этого очерка предположил, что решение привязать «аффект» в основном к социальной системе было фактически принято гораздо раньше, а именно при формулировании переменного образца ориентации «аффективность против аффективной нейтральности». Такое решение, новое оно или старое, горячо оспаривали двое из моих способнейших молодых сотрудников — В. Лидз и М. Гоулд.

ной системе, а именно как главным образом средство интеграции. К тому же трактовка аффекта как обобщенного средства позволяет описать ряд ступеней в его дифференциации по аналогии с историческими ступенями в эволюции денежного обмена — от бартера до развитых кредитных систем в условиях рыночной товарности основных факторов производства (труда, в частности), быстро прогрессирующей на определенной стадии (в сущности, на стадии все той же промышленной революции).

Тогда солидарность социальной системы можно представить как состояние платежеспособности ее «эмоционального хозяйства», зависящее и от потока инструментально значимых вкладов от членов системы, и от их мотивационных состояний удовлетворенности, которую позволительно истолковать как фактор положительный, а ее отсутствие как отрицательный. В простых социальных системах эти факторы можно представить себе как природные, «аскриптивные» свойства. Это верно не только для примитивных обществ, но и для учреждений в более дифференцированном обществе, в которых протекает социализация ребенка на ранних стадиях.

Насколько дифференцированной должна стать система его личности, чтобы достигать высокой удовлетворенности от полноты социального участия, зависит, разумеется, от структуры социального и культурного окружения, в котором действует ребенок. Главный аспект сложности современной жизни — то, что выше названо плюрализацией структуры общества. В таком контексте развитие массового высшего образования (это столь заметное и в известной степени взрывоопасное явление нашего времени) предположительно можно считать ответом на социетальную потребность в достаточно большом числе личностей, обладающих многообразными формами инструментальной компетентности и личностной интеграцией на эмоциональном уровне и потому способных справиться с этой сложностью. Новые способы включения индивидов и подгрупп в разные формы социальной солидарности составляют проблематику стабильности и других аспектов интеграции в современных обществах.

Соблазнительно сравнить состояния разрухи, следовавшие за бурным развитием и промышленной, и демократической революций. В первом случае можно выделить два момента: нарушились трудовые отношения и деловой цикл. Смелзер убедительно показал, что новый вид нарушений привычного трудоустройства проявился и среди тех групп рабочих, которых не задела (например, ткачей на ручных станках) напрямую глобальная ломка. Эти нарушения подтолкнули к развитию профсоюзного и социалистического движений, поскольку они вобрали в себя рабочие движения [45]. Экономические спады в то же время ставили вопросы о стабильности новой системы на всех системных уровнях. Примечательно также, что попытки разобраться с обоими нарушениями экономического характера выражались главным



образом в категориях личной заинтересованности — зарплата, часов и условий работы, а также ожиданий прибыли со стороны фирм. Одновременно существовала тенденция, наиболее очевидная в социалистическом воззрении и в марксистской теории, сочетать эти экономические соображения с рассмотрением проблем политической власти.

Сравнимыми разрушительными последствиями демократической революции можно посчитать, с одной стороны, борьбу за власть и авторитет внутри конкретных политических образований (например, вторичные революционные волны 1830, 1848 и фактически 1917–1918 гг. после европейской революции 1789 г.) и, с другой стороны, межсистемные волны нарушения равновесия в отношениях между национальными образованиями. Эквивалентом экономической депрессии в данном случае, несомненно, выступают война или, при ее отсутствии, особенно напряженные международные отношения с заметной тенденцией ко все большей генерализации этих расстройств общественной жизни. При этом место индивидуальной заинтересованности рабочего и предпринимателя явно занимает коллективная заинтересованность существующих властей в удержании соответствующих властных позиций. В то же время эта сосредоточенность на захвате и удержании власти видоизменилась под влиянием попыток найти значимую для большинства опору интеграции; в основе одной из таких попыток лежал национализм. Точно так же как борьба центров власти за экономические интересы нередко становилась экономически иррациональной, борьба за национальный престиж часто превращалась в политически иррациональное явление. Поэтому Realpolitiker вроде Бисмарка мог действовать более рационально, чем политический романтик-националист типа Наполеона III.

Я допускаю, что феномен, названный мною революцией в образовании, можно истолковать как самое значительное событие некой новой фазы в развитии современного общества, в ходе которой на первое место выходят проблемы интегративные, а не экономические или, в аналитическом смысле, политические. Тогда студенческие беспорядки становятся вполне сравнимыми с нарушениями трудовых отношений и авторитета власти, потому что студенты — это категория лиц, поставленных перед одной из самых тяжелых проблем приспособления к структурно изменившимся условиям. Центр их проблематики реально находится не в сфере власти, а в сфере поисков способа включения в ход самого образовательного процесса (как новой фазы процесса социализации) и в более общий социетальный мир после формального завершения образования.

С этой точки зрения радикализм «новых левых» аналогичен социализму рабочих движений и якобинству радикальных демократов. Распространение волн отчуждения и соответствующих форм социальной патологии, в особенности среди наиболее чувствительных элементов современного населения — интеллектуалов, оказывается в та-

ком случае симптомом общесистемного расстройства. В первую очередь это касается стабильности исполнения ожиданий и надежд на прочную социальную солидарность, вследствие которых свидетельство явной недостаточности такой солидарности — нищета, расовая дискриминация, преступность и войны — воспринимаются особенно болезненно. Хотя можно оспаривать, что недавние проявления левых настроений сходятся на проблеме интеграции, эта серия общественных волнений похожа на прежние тем, что они также вызывают к более высокому уровню интересов или контроля, а в данном случае — ценностей. Это совершенно очевидно, ведь моральные вопросы исключительно важны сегодня, особенно в радикальных кругах [38; 43].

Таким образом, на протяжении более чем тридцати лет эмпирический интерес к проблеме капитализма оттачивался на специальной теме о природе и значении профессий. Этот неугасающий интерес постепенно развевался в обширнейшую категоризацию природы современного общества, описываемой, однако, уже не в понятиях капитализма, как такового, и не в понятиях дилеммы капитализм—социализм. Фактически я сочувственно отношусь к разговорам о постиндустриальном обществе, но спрашиваю себя, почему бы не называть его в каком-то смысле и «постдемократическим» обществом — предложение, которое, вероятно, вызовет значительное сопротивление. (Я вовсе не хочу внушить этим термином, что демократию пора сбросить со счетов, во всяком случае, ничуть не больше, чем употребление термина «постиндустриальное» подразумевает устарелость индустрии.) В подтверждение сказанному следовало бы уделить особое внимание системе высшего образования, а внутри ее — университетскому профессиональному укладу как ее структурному ядру. В отношении медицинских и академических профессий я попытался приблизиться к неким стандартам эмпирического исследования больше, чем в других моих работах. Но в обоих случаях я хотел понять рассматриваемые профессиональные группы в контексте более обширной системы, неотъемлемыми и значимыми частями которой они становятся в наше время<sup>22</sup>.

## **ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДОТОЧИЕ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

Возможно, само собой ясно, что научный интерес к тенденциям развития современного общества естественным образом приведет к изучению природы и положения системы высшего образования в совре-

---

<sup>22</sup> Предварительные результаты даны в статье, написанной совместно с Дж. Платтом (см. [43]).

менном, особенно американском, обществе. Если мыслить в эволюционных категориях, то высшее образование, как кульминация упомянутой революции в образовании, выдвинется в число важнейших социальных институтов. Посвященное ему специальное исследование, по видимому, было бы далеко не тривиальным. Кроме того, эта исследовательская область имела для меня особое значение ввиду моего долговременного интереса к проблемам современных профессий, поскольку все более проясняется, что университетский уровень официальной системы обучения становится одним из необходимых признаков профессий. Подготовка к наиболее престижным из так называемых прикладных профессий способствовала появлению и распространению профессиональных специализированных школ на базе высших учебных заведений, эти школы в свою очередь все больше втягивались в работу университетов.

Главным хранителем и двигателем развития великой традиции познания стала академическая профессия, как таковая, институционально закреплённая в отделениях гуманитарных и естественных наук. Эту профессию «обучения как такового» можно считать «краеугольным камнем храма профессий», и именно на эту профессиональную группу я обратил внимание в первую очередь. Одновременно изучение феномена высшего образования дало возможность продолжать и развивать мои давнишние занятия в области социализации, перенеся главный интерес на гораздо более поздние ее фазы, чем те, которые привлекали внимание большинства психоаналитически ориентированных ученых.

Еще до волнений в Беркли этот интерес реализовался в виде проекта по исследованию университетских профессионалов в США, сперва на уровне пилотажа на основе пробной выборки из преподавательских составов восьми институтов и затем, начиная с 1967 г., на основе общенациональной выборки из 116 институтов, обучение в которых организовано по четырехлетним программам гуманитарного образования, с аспирантурами и без оных. Национальный фонд науки щедро поддержал это исследование, и на главном его направлении работал мой сотрудник доктор Дж. Платт. Описание результатов этого исследования близится к завершению\*.

Вероятно, здесь уместно небольшое отступление автобиографического характера. Ясно, что социолог вроде меня, столь погруженный в общетеоретические проблемы, должен испытывать на себе тяжесть давления со стороны общепринятого американского предпочтения и превозношения надежного *эмпирического* исследования. Оп-

---

\* Совместный труд Т. Парсонса и Дж. Платта вышел в 1973 г.: *Parsons T., Platt G. The American university*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1973. — Прим. ред.

ределенно, реакция на это давление стала одной из причин моего решения изучать медицинскую практику. Это исследование было задумано преимущественно в антропологической традиции включенного наблюдения и интервью.

С окончанием войны и появлением Стауффера на гарвардской социологической сцене особое распространение в нашей науке получил метод обследования. Вскоре после встречи мы со Стауффером решили сотрудничать и, пригласив в помощь Флоренс Клакхон, приняли исследование социальной мобильности среди учеников средней школы, участвующих в семинаре для выпускников, который мы все трое вели. Был собран значительный массив данных, в основном из вопросников, выборочно распространенных по общедоступным средним школам большого Бостона.

Затем работы были приоставлены в связи с преждевременной смертью Стауффера в 1960 г. и еще более преждевременной кончиной Клайда Клакхона. Позже Флоренс Клакхон и я планировали подготовить все же книгу к печати, и для этого тот статистический материал, за который отвечал Стауффер, вместе со свидетельствами нашей памяти был тщательно переработан ныне покойным Стюартом Кливлендом, но трудности, связанные с получением нужных данных от других участников, похоронили проект.

Следовательно, вторая моя попытка приобщиться к методам обследования (уже на материале университетской жизни) обнаруживает определенную психологическую последовательность. Фактически решение об использовании этих методов было принято еще до подключения Платта к проекту, и овладение ими составляло одно из главных квалификационных требований к нему. У меня есть серьезные основания надеяться, что на этот раз все получится, хотя мой личный вклад ограничен организующей ролью старейшины факультета, вкладом теоретика и критика, а не оперативного работника в обследовании. Оперативные исследования были задачей Платта и работающего с ним персонала. В особенности с тех пор как я лучше узнал Стауффера, я возымел большое умозрительное уважение к эмпирическому социальному исследованию и очень надеялся на возможности прочного соединения его техники с тем родом теории, который интересовал меня.

Другая весьма наглядная преемственность между двумя моими предпрятиями в мире обследований заключается в том, что оба они имели дело с различными степенями образования и в известном смысле связаны с процессом социализации. В рамках проекта по изучению мобильности среди учеников школ были установлены, в частности, связи социализации (сосредоточенной в системе регулярного официального образования) с профессиональной структурой, столь важной в современном обществе после индустриальной революции. В каком-то смысле наше исследование высшего образования и академических профессий привело нас к выводам

инного рода. Сегодня проблемы отношения образования к культурной традиции (как в фокусе сходящиеся в проблеме общественного статуса интеллектуальных дисциплин) стали приоритетными по сравнению с проблемами распределения рабочей силы в системе профессий, несмотря на всю их важность.

Здесь, возможно, самое подходящее место сказать об иных видах моей деятельности, имевших тем не менее важное значение для моего интеллектуального развития, а именно о деятельности в Американской академии наук и искусств. Я был избран ее членом в 1945 г., когда по множеству причин, включая тогда только еще заканчивающуюся войну, академия не проявляла большой активности. Я посетил несколько «очередных собраний» академии, но думаю, что более живой интерес к ней пробудился благодаря журналу «Daedalus». Моим первым самостоятельным вкладом в дела этого журнала было участие в 1961 г. в симпозиуме по проблемам молодежи. Я стал также членом Академического комитета по исследовательским фондам и Премияльного комитета по работам в области общественных наук.

Я все более включался в начинания «Daedalus», касавшиеся проблемы «новой Европы», науки и культуры, цветного населения<sup>23</sup>, и, независимо от «Daedalus», в работу семинара по вопросам бедности [19; 20]. Какое-то время я побыл также главой Академического комитета по исследовательским фондам и членом Комиссии планирования будущего академии. Наконец, в 1967 г. меня избрали президентом академии — первым из обществоведов на эту должность.

Мне тогда исключительно повезло в том плане, что интересы разных групп внутри академии, особенно выраженные через «Daedalus», повернулись в сторону изучения высшего образования. Это стало очевидным по ряду направлений исследования: Данфортскому проекту по проблемам управления университетами, исследованию этических проблем экспериментирования с людьми, обсуждению международных проблем высшего образования в индустриальных обществах, недавним исследованиям положения гуманитарных наук и по специальному тому «Daedalus», в котором опубликовано настоящее эссе<sup>24</sup>. В сентябре 1969 г. я участвовал в составе руководства в академической ассамблее, посвященной университетским целям и проблемам управления, имея задачу обобщенного анализа природы действующей системы высшего образования, ее места в современном обществе и возможностей ее изменения. Следовательно, в своей академической

---

<sup>23</sup> См. тематические выпуски «Daedalus»: «Новая Европа?» (зима 1964); «Наука и культура» (зима 1965); «Негр-американец» (осень 1965 и зима 1966); «Цвет и раса» (весна 1967).

<sup>24</sup> См. тематические выпуски «Daedalus»: «Университет-крепость» (зима 1970); «Этические аспекты экспериментирования с людьми» (весна 1969); «Теория в гуманитарных исследованиях» (весна 1970).

роли я большей частью занимал социально значимые позиции в качестве генерализирующего исследователя высшего образования и в качестве наблюдателя, исследующего профессорско-преподавательский состав, и пытался нащупать какие-то достаточно определенные эмпирические обобщения относительно того, что в действительности представляет собой академический люд и что заставляет его продолжать работать.

Участие в работе академии было особенно полезным для меня в двух отношениях. В качестве явно междисциплинарной организации, в которой активно сотрудничают люди, представляющие весь спектр интеллектуальных дисциплин и внеаучную среду, академия показалась мне одним из немногих превосходных противоядий (в организационном смысле) от воображаемой или действительно существующей тенденции к сверхспециализации в нашей культуре, особенно в ее академическом секторе. Поэтому ученому, верящему в важность высокообобщенных ориентаций, почти десятилетнее активное участие в жизни академии, по-видимому, дало исключительную возможность для междисциплинарной деятельности, которую трудно осуществлять в рамках отдельного университета. Все это подразумевало открытость к восприятию стимулов, которых я в противном случае не принимал бы в расчет, и, как следствие, возможность более позитивного отношения к познавательным интересам и привязанностям других людей в неограниченном море разнообразных дисциплин и умственных интересов, представленных в академии и в разных видах ее деятельности<sup>25</sup>.

С более общей и беспристрастной точки зрения на систему высшего образования, академия все полнее воплощает некий потенциал генерализирующего мышления в сфере культуры, социальной организации научного исследования, преподавания и практических приложений, который если не совсем уникальное, то все же, видимо, выдающееся явление. Сам факт, что подобная организация может, хотя бы временно, процветать в век будто бы безудержной специализации, по-видимому, указывает на то, что существуют более глубокие интересы, которые, часто молчаливо и незаметно, руководят нашим культурным развитием.

## **СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕМ**

Не один читатель первого наброска этого эссе поднимал вопрос о соотношении своеобразного «интеллектуального оппортунизма» с

---

<sup>25</sup> Обширное обозрение некоторых из этих интересов и видов деятельности можно составить из ежегодно публикуемых «Отчетов» академии. Мои два первых из ежегодных президентских отчетов находятся в томах за 1968 и 1969 гг.

последовательностью и непрерывностью в моем развитии, которые я обрисовал на предыдущих страницах. Попытка описать это соотношение, видимо, более уместна в конце данного самоотчета, чем в его начале.

Совершенно ясно, что ни в смысле выбора занятий, ни в смысле интеллектуального содержания у меня не было тщательно спланированной карьеры. Я не предвидел волнений, связанных с увольнением Миклджона в Амхерсте, когда поступал туда, и не планировал переноса моих интересов из биомедицинской области в сферу общественных наук. Если я до некоторой степени и предполагал провести год в Лондоне, то уж определенно никак не предвидел своей германской авантюры, включая направление в Гейдельберг. Планируя дальнейшие занятия экономической теорией, я не знал, что увлекусь социологией и надолго брошу якорь в Гарварде. Точно так же, когда я ехал в Гейдельберг, то слыхом не слыхал о Вебере, а когда решил перейти в Гарвард, еще ничего не знал о Гее или Хендерсоне. У меня рано сложилось предубеждение против Парето и Дюркгейма как весьма незначительных и неглубоких авторов. Фрейдом я тоже не увлекался и не изучал его специально, пока мне не перевалило далеко за тридцать, и почти до того же возраста меня не интересовали профессии как предмет изучения.

Между счастливыми случайностями в этих поворотах профессиональной и интеллектуальной карьеры и ее последовательностью существует связь, которая продолжается до настоящего времени. Эту связь поддерживает определенный способ реагирования на интеллектуальные стимулы: приглашения организовывать научные встречи и посещать конференции или, что более важно, писать статьи на самые разные темы. Приведу два давних примера. Из пожелания на съезде Американской социологической ассоциации (1941) устроить заседание по проблеме возраста и пола как координат ролевой структуры в разных обществах вышла самая часто перепечатаваемая статья, которую я когда-либо писал: «Возраст и пол в социальной структуре Соединенных Штатов». В другом случае надо было попытаться синтезировать антропологический метод анализа родства с социологическим видением американского общества в ответ на просьбу редактора журнала «Американский антрополог» Ральфа Линтона. В результате появилась статья «Система родства в современных Соединенных Штатах» (1943), которая также получила широкий отклик.

Возможно, именно из-за такого рода случаев и возникли два родственных представления о моей роли в американском обществоведении. Одно (в основном, полагаю, чтобы противопоставить меня «солидным» эмпирическим исследователям) утверждает, будто я преимущественно обречен быть талантливым и «стимулирующим» других эссеистом, пишушим на самые разнообразные темы, но без подлинной основательности или последовательности, — своего рода «эзотерически академичным» журналистом. Второе приписывает мне

шизофреническое раздвоение личности как профессионала: с одной стороны, журнализм, с другой — совершенно нереалистическое абстрактно-формализованное теоретизирование. При этом подразумевается, если не утверждается прямо, что эти две личности не имеют между собой ничего общего.

Профессор Рене Фокс специально побудил меня (в подробном личном послании) рассмотреть проблему непрерывности и преемственности моего развития, в особенности на теоретических уровнях. Надеюсь, моя убежденность в том, что в действительности в течение более чем сорока лет моей научной деятельности эта непрерывность существовала, пронизывала все предыдущее изложение.

Пытаясь понять природу психосоциального процесса, благодаря которому эта преемственность осуществлялась, я нашел одно особо впечатляющее сравнение. Последние два академических года я сотрудничал с профессором Лоном Фуллером из Гарвардской школы права в семинаре под очень широким названием «Право и социология». В ходе его я много узнал о праве и не в последнюю очередь о традиции обычного права. С точки зрения систематиков права континентальной Европы (выдающийся пример — Ханс Кельсен), состояние обычного права скандально. Оно якобы состоит лишь из набора отдельных случаев и, по-видимому, почти полностью лишено руководящих принципов.

Фуллер, больше чем кто-либо другой [11], помог мне увидеть, что «система казусов» по своей природе не противоречит «систематизации» и при соответствующих условиях может стать позитивным систематизирующим средством. Существенно здесь то, что после нескольких определений на основе обычного права суды должны выносить решение по любому случаю, поставленному перед ними в процедурно приемлемой форме, причем они вынуждены решать не только проблему вынесения приговоров, но и их обоснования. Юридическая апелляционная система предназначена для того, чтобы сомнительные обоснования можно было оспорить подачей апелляции и профессиональной критикой, например, в судебных обозрениях. В этом смысле обоснование приговора требует не только подведения конкретного решения под отдельные прецеденты, но и включения его в систему более общих правовых принципов.

В моем непосредственном окружении есть люди (из них выделяется мой коллега Джордж Хоманс [14; 15; 16]), убежденные, что единственно законно использовать термин «теория» только для обозначения логической дедуктивной системы с явными и формально установленными аксиоматическими посылками, множество выводов из которых (при условии дополнения соответствующими меньшими посылками) должно соответствовать эмпирически верифицируемым высказываниям о фактах. С точки зрения Хоманса, все, что я создал, лишь концептуальная схема, а вовсе не теория. Без сомнения, здесь



затронуты семантические проблемы, однако я вместе со многими другими никогда не ограничивал употребление термина «теория» столь узким смыслом. Я считаю такой тип теории идеальной целью ее развития, но ведь это совсем не то же самое, что утверждать, будто все не влезающее в рамки данного типа не есть теория.

Как бы то ни было, о моем интеллектуальном развитии, обрисованном в этом эссе, можно высказать два замечания. Во-первых, все опубликованное мною к настоящему времени даже в наиболее абстрактных работах не составляет зрелой теоретической системы в смысле Хоманса. Во-вторых, то, каким образом я пришел к своей теории в ее настоящем виде, ничем не напоминает процедуру установления и формулировки основных аксиоматических принципов, последующего выведения из них логических следствий и проверки этих последних известными фактами.

Напротив, процесс создания моей теории гораздо больше похож на процесс развития системы обычного права. Работа, результатом которой стала «Структура социального действия», утвердила определенную теоретическую ориентацию (в моем понимании теоретического), отнюдь не представлявшую собой кучу случайных мнений из подходящих областей. Если хотите, с точки зрения этой концептуальной схемы процесс формирования теории скорее напоминал разведку весьма большого числа магистральных и побочных эмпирико-теоретических проблем, следовавших, однако, одна за другой, как правило, неслучайно. В этом процессе, наряду с моим счастливым даром нечаянно наткнуться на интеллектуально значительные фигуры и концепции, я откликался и на внешние предложения того рода, который охарактеризовал выше, особенно на просьбы писать на заказную тему. Надеюсь, что во многих подобных случаях я действовал как компетентный апелляционный судья по обычному праву, а именно рассматривал предлагаемые темы и проблемы в связи со своей теоретической схемой, которая обладала значительной ясностью, согласованностью и последовательностью, хотя ее посылки не были точно определены и не были полны в строго логическом смысле. Мне кажется, что во многих случаях процедура такого рода давала простор эмпирической интуиции и обеспечивала доводку, расширение, пересмотр и обобщение теоретической схемы. В некоторых отношениях это означало повышенный интерес к формально определенным теоретическим проблемам, а в других — к вопросам эмпирического плана. Во всяком случае, описанный процесс, по существу, и есть то, что я подразумевал под словами «построение теории социальных систем» в названии этого очерка<sup>26</sup>.

---

<sup>26</sup> Другой важной составляющей этого процесса является преподавание. Его роль аналогична роли судов на базе обычного права в том, что преподаватель, особенно на уровне студентов-выпускников и аспирантов, обязан в рамках своей компетенции стараться рассматривать и формулировать проблемы, подни-

Если вышеприведенные рассуждения немного помогли понять природу процесса, благодаря которому поддерживалась подлинная идейная непрерывность в моей деятельности, то далее я бегло скажу несколько слов об исследовательских темах, которые ретроспективно кажутся мне наиболее важными в этом последовательном теоретическом развитии, и об их преемственности.

Хотя в теоретическую схему «Структуры социального действия» входил ряд главных тем (особенно заметной была тема природы исторических концепций экономического личного интереса и экономической рациональности), из них со временем выделилась и во многих вариантах продолжала оставаться на переднем плане одна, которую я назвал «проблемой порядка», имеющей отношение к условиям человеческого существования вообще и социальной системы в частности. Классическая раннесовременная постановка этой проблемы содержится в гоббсовской концепции «естественного состояния» и в вопросе, почему человеческие общества, несмотря на всевозможные катаклизмы, все-таки не становились тем не менее государствами «войны всех против всех». (При всем множестве войн в истории сражающиеся стороны были социальными системами, а не изолированными индивидами<sup>27</sup>.)

---

маемые студентами (в аудитории, особенно во время семинарских дискуссий; в курсовых и дипломных работах или иных сочинениях; в персональных консультациях), причем в пределах, доступных пониманию студентов, а не самого преподавателя. Если преподаватель работает со студентами компетентно и честно, он должен непрестанно связывать их представления с обобщенными теоретическими структурами соответствующих разделов знания. Я давно пришел к выводу, что огромная плодотворность этих взаимообменов и для формирования хорошего стиля теоретического мышления, и для стимуляции желания стать информированным и умелым эмпирическим исследователем указывает на то, что слишком сильное разделение функций исследования и преподавания вряд ли благоприятно для академических занятий.

В моем случае взаимодействие со сменяющимися поколениями способных и любознательных студентов было главным стимулом к развитию моего теоретического мышления и приобретению эмпирических знаний. Талантливые дипломанты и аспиранты, названные ранее в этом очерке, сыграли в этом отношении особенно значительную роль, довольно часто продолжали выступать в этой роли и после окончания обучения.

<sup>27</sup> Возможно, небезынтересно отметить, что я принял кантовский подход к проблеме порядка. Очень широко, в плане эпистемологии эмпирического знания, Д. Юм задавал вопрос: «Возможно ли достоверное знание о внешнем мире?» — и приходил, в общем, к отрицательному ответу. Кант, со своей стороны, ставил этот вопрос сложнее. Сперва он доказывал, что фактически мы имеем общезначимое знание о внешнем мире, а затем вопрошал: «Как это возможно?» — то есть при каких условиях возможно? Аналогично некоторые теоретики задавали себе вопрос о возможности социального порядка вообще и часто отрицали саму его возможность. Я же всегда предполагал, что социальный порядок, хотя и несовершенный, *существует* реально, и вслед за этим задавался вопросом о том, при каких условиях можно объяснить этот факт его существования.

Мои мысли по этому поводу согласуются с идеями Гоббса в том смысле, что даже такой порядок, каким человеческие общества пользовались до сих пор, следует рассматривать как проблематичный и не полагать его самоочевидным или существующим «по природе вещей». В этом отношении, возможно, я унаследовал долю христианского пессимизма. Решение самого Гоббса — «общественный договор», учреждающий абсолютного суверена, который принудительно поддерживал бы порядок, очевидно, устарело к 30-м годам XX в. Но проблема осталась. Одним из наиболее важных оснований для моего решения идейно связать Вебера, Дюркгейма и Парето (предварительно извлекая существенные подспудные моменты из концепций последнего) было растущее понимание того, что их объединяет признание интеллектуальной серьезности данной проблемы и убежденность в том, что, так или иначе, решающее значение в человеческом действии имеют нормативные факторы, аналитически не зависимые ни от экономических интересов в обычном смысле, ни от интересов политической власти<sup>28</sup>. Дюркгеймовские прозрения относительно нормативных элементов в структуре и регуляции систем договорных отношений оказались решающими в оформлении моей собственной концепции. Сам Дюркгейм определенно ссыался на Гоббса в этой связи. Я твердо придерживаюсь мнения, что порядок в этом смысле подлинно проблематичен и что природа его ненадежности и условия, на которых он существовал и может существовать, неадекватно представлены во всех популярных ныне концепциях общества, независимо от их политической окраски. Сохраняется глубокое различие между компетентным анализом и научной постановкой этой проблемы, с одной стороны, и ее идеологическим определением, рассчитанным на публику, — с другой. Они не всегда резко расходятся, но в общем дело обстоит именно так.

Без сомнения, в «проблеме порядка» как в фокусе сходится проблематика отношений между состояниями устойчивости (и баланса образующих их факторов) и тенденциями дезорганизации, распада и изменения систем<sup>29</sup>.

Эта связь между темой порядка и темой конвергентности проблем должна была проявиться из предыдущего обсуждения. Глубокое понимание теоретической значимости объяснения порядка, скрытых в нем возможностей и недостатков само по себе можно бы считать теорети-

---

<sup>28</sup> Почти бесспорно, то же самое верно и для Маршалла в том смысле, что он это допускал, но не позволял слишком сильно влиять на экономическую науку как техническую дисциплину. Если о ком-то и можно сказать как об истинном позднем викторианце, «евангелическом» англичанине, то именно о Маршалле.

<sup>29</sup> Критики очень часто объявляли меня последним защитником порядка любой ценой (под предельным случаем такой защиты обычно подразумевали фашизм). К счастью, более проницательные из критиков сумели увидеть порядок как проблему, а не как императив.

ческим достижением. Точно так же мой тезис о том, что очень разная во всем остальном группа теоретиков сошлась в общем «направлении решения» этой проблемы, которое было далеко не ясно академическому здравому смыслу того времени, тоже можно рассматривать как «находку».

Характер этого согласия бегло описан здесь и подробно объяснен в разных моих работах. Оно проявилось во внимании к нормативному контролю как феномену, прежде всего отличаемому от насильственного принуждения, что было связано с гомеостатическими концепциями в психологии и с кибернетическими концепциями гораздо более широкого масштаба.

Как заметил Клиффорд Гирц при обсуждении этого очерка, тема «конвергентности идей» не ограничилась случаями, рассмотренными в «Структуре социального действия», но продолжала оставаться главной темой всего моего интеллектуального творчества. На ранних этапах ведущую роль в этом играло убеждение в определенной близости социальноэкономического и биологического мышления. Возможно, в первую очередь мои занятия Фрейдом выдвинули как проблему связи между теорией социальной системы и теорией личности, так и вопрос о реальной степени этой связи. Разумеется, подобную связь часто надо было извлекать из на первый взгляд несовместимых позиций. В большинстве психологических концепций нечетко проводится аналитическое различие личности и организма. Многие нынешние психологи вообще отрицают его полезность. Но мне кажется (особенно благодаря общению с Джеймсом Оулдзом на ранней стадии его исследований мозга и с Карлом Прибрамом), что это хороший пример конвергентности образцов в рамках их аналитической различимости. Сходные соображения руководили мной при рассмотрении отношений между социальной и культурной системами, где я прежде всего обязан Веберу, но также и культурантропологам. В известном смысле, возможно, наиболее обширное соединение идей разного рода произошло в концепциях кибернетики, с множеством ее побочных ассоциаций и разветвлений.

Другой главный тематический комплекс образовала «проблема рациональности». Назвав ее проблемой, я надеюсь убедить всех, что не являюсь наивным рационалистом ни в смысле поддержки мнения, будто всякое человеческое действие по существу рационально, ни в смысле обязательного осуждения нерациональных или даже иррациональных элементов действия. Скорее, мою позицию и центр теоретических интересов определяет попытка проанализировать роль и природу рациональных элементов по отношению к тем, которых нельзя назвать таковыми.

По-видимому, мой первичный интерес к экономической и производный от него интерес к политической рациональности (например, в споре о капитализме и социализме) был оправданным, но слишком ограниченным. Весь очерк я в значительной мере строил вокруг отно-

шения между этим фокусом моих интересов и двумя другими, которые в некотором смысле располагаются по обе его стороны в спектре возможностей познания человеческого действия. Идеи «Структуры социального действия», подкрепленные чтением Фрейда и сходными влияниями, раскрывали обе эти стороны. К примеру, концепция Парето о «логическом действии», строго ограниченном канонами научной общезначимости, открывала путь к научному исследованию профессий, функций высшего образования и, более общо, «когнитивной рациональности» как определенной ценностной структуры, а также давала возможность для понимания «психологического» нерационального.

Как я пытался показать, ряд лет меня больше интересовала другая альтернатива экономико-политической рациональности, а именно та, которая связывала высокосложными отношениями социальную систему с личностью, с одной стороны, через органический комплекс свойств и, с другой, через культурный. Так, например, в первом контексте выделялась проблема значимости эротического комплекса, а во втором — проблема роли интернализованных ценностей, начиная с фрейдовской концепции *сверх-Я* (суперэго).

«Проблема рациональности» в этом контексте имеет две или, возможно, три стороны. Первая — это вопрос о роли рациональных и нерациональных сил в детерминации действия, а на языке Фрейда это вопрос о соотношении *Я* и «принципа реальности» с *Оно* в «инстинктивных потребностях», руководимых «принципом удовольствия». Читателю должно быть ясно, что мои взгляды в этой области гораздо менее антирационалистические, чем у многих других исследователей данных проблем, но, надеюсь, все же не наивно-рационалистические.

Вторая, очень важная сторона касается доступности нерациональных, а иногда иррациональных сил рациональному пониманию и познанию. Интеллектуальные направления, которые увлекали меня, включили эту проблему в число решаемых ими проблем. Интерес к вопросу о возможности рационального постижения нерациональных явлений наиболее заметен был у Фрейда, но достаточно отчетливо проявлялся и у всех анализируемых мною авторов, за исключением Маршалла. Возможно, самым отважным предприятием Фрейда была программа «рационального понимания бессознательного», сущность которого, по его определению, нерациональна по самой его природе. Фактически, это далеко отстоит и от рационалистического понимания «рационального преследования личного интереса» и от рационалистического понимания стремления к рациональному познанию.

Третья сторона, если она существует, — это соединительное звено между двумя первыми. Известен классический афоризм Фрейда «На место *Оно* должно встать *Я*». Мы могли бы даже вернуться к О. Конту и его лозунгу «*Savoir c'est pouvoir*» [«Знать, чтобы мочь»]. В каком смысле и в каких пределах рациональное познание нерационального (что явно затрагивает и физический мир) открывает дорогу контролю над

действием? В самом общем виде ответ ясен: оно помогает такому контролю. Но это остается одной из самых противоречивых областей во всем комплексе проблем рациональности, различные аспекты которой были для меня центральными.

Рациональный компонент в психотерапии имеет такой же инструментальный характер, как и экономическая и политическая рациональность. Но вслед за этим возникают две проблемы. Более очевидная из них касается источников легитимности и оправданности конечных результатов или целей, во имя которых используется такая инструментальная рациональность. Утилитаристы и пока еще в своем большинстве экономисты толковали потребительские «хотения» как данность, то есть как не оставляющие места для «интеллектуальных» рассуждений по поводу их целей. Аналогично для Фрейда и психиатров в целом умственное здоровье было частью общего здоровья, достижение или восстановление которого, почти по определению, желательно само по себе. Но в обоих этих контекстах и во множестве других уместен вопрос как парафраз заглавия известной книги: «Рациональность для чего?» (*Robert Lynd. Knowledge for what?*).

Соблазнительно простым решением было бы сказать, что цели инструментально-рационального действия в основном иррациональны. Но, как это часто бывает, такое решение слишком просто. Главный вклад в более глубокое и тонкое понимание проблемы сделал Вебер введением понятия «ценностной рациональности» (*Wertrationalität*), которая, как он полагал, лежит в основе одного из типов действия. Существенное следствие из всего этого, которое разъяснить здесь подробнее затруднительно [39], состоит в том, что «мир ценностей» не лишен рациональной организации и что решения с «отнесением к ценностям», включая более или менее прямую их реализацию, имеют рациональный компонент, независимый от инструментальности.

Эта в основном веберовская позиция оказалась полезной в ситуации «распутья», возникающей при исследовании теоретических проблем, таящихся в концепции экономической рациональности. Более очевидная из них касается религии. Проблемы религии я выделял почти с самого начала. Главную линию в их понимании наметил для меня очерк Вебера о протестантской этике, а *общий* интерес Вебера, Парето, Дюркгейма и позднее Фрейда к интеллектуальным проблемам религии как сугубо человеческого явления стал основной точкой отсчета моих интеллектуальных усилий на ранних этапах. При таких условиях неизбежно актуализировалась проблема отношения рациональных и иррациональных компонентов религии<sup>30</sup>.

---

<sup>30</sup> На заре моей гарвардской преподавательской карьеры я начал курс по социологии религии, который продолжал по меньшей мере два десятилетия, последние годы в сотрудничестве с Р. Белла.

Интерес к религии (со стороны не столько активно неверующего, сколько сомневающегося) был главной направляющей вехой в моей интеллектуальной карьере. Он выразился уже в моем рано сформировавшемся неприятии «позитивизма» и в то же время был в центре продолжительных усилий, предпринимаемых для того, чтобы понять более общее соотношение рациональных и нерациональных компонентов в человеческом действии. Ясно, что такая направленность интеллектуальных интересов выводит далеко за пределы чисто познавательных проблем религии в сферу моральных обязательств, эмоциональной вовлеченности и практического действия.

Другое последствие понятия «ценностной рациональности» в некотором смысле несколько неожиданно. Оно касается статуса ценностного компонента при определении отношения познавательных структур не к явно нерациональным характеристикам «познаваемых» явлений, таким, как «бессознательное» или «основания для придания смысла» на религиозном уровне, но к самим познавательным структурам. В последние годы эта сторона дела изложена в концепции «познавательной рациональности» именно как *ценностного* образца, а не просто как максимы практически целесообразного «удовлетворения желаний». Обобщение этой концепции было намечено Смелзером и мною в интерпретации «земли» как экономической категории, включающей ценностную привязанность к экономической рациональности.

Уместность такого подхода при решении многих новых проблем (и моих собственных как теоретика, и общественных) почти очевидна. Он уместен и легко применим к проблематике высшего образования и его отношения к разным интеллектуальным дисциплинам. Поскольку для первоначальной формулировки проблемы рациональности центральной была роль эмпирического познания, то обращение к его ценностному аспекту как по вопросу об основаниях гносеологической достоверности знания (привлекаемого для обслуживания инструментальных моментов рационального действия), так и по вопросу о гносеологических проблемах оправдания привязанности к некоторым инструментальным возможностям среди целей включает проблему рациональности в замкнутый круг в том смысле, что соображения, требуемые при обосновании ценностного выбора, включая его более или менее религиозную опору, одного порядка с аргументами при обосновании достоверности эмпирического знания<sup>31</sup>.

---

<sup>31</sup> Если, не боясь обвинений в «расизме», отважиться процитировать старый негритянский спиричуэл, то, полагаю, выражение: «Негде спрятаться там» — превосходно обрисовывает эту ситуацию. «Там» в настоящем контексте означает позитивистское убеждение в полной культурной самодостаточности науки, которая якобы не имеет «глубоких» связей с любыми составными частями или проблемами человеческой ориентации вне себя.

Наверно, в заключение уместно сказать несколько слов о собственном понимании значения для меня наиболее важных интеллектуальных образцов, то есть Вебера, Дюркгейма и Фрейда, ни одного из которых (это важно отметить) я не знал лично, хотя все они жили в период, когда я уже достиг определенного уровня самосознания или, если воспользоваться термином Эриксона, «самоидентификации». На содержание моих теоретических поисков и формирование многих из основных элементов их эмпирической и концептуальной структуры решительно повлияли все трое. Другие, конечно, тоже были чрезвычайно важны, и в первую очередь, вероятно, Парето и Маршалл, но кроме них — Шумпетер, Хендерсон, Каннон, Тауссиг, Пиаже и еще многие.

В этом определении значимости, конечно, присутствует элемент интеллектуальной иерархизации, проведенной по признаку близости к моим собственным идеям. Равные по рангу уже названным мною и даже более известные исследователи, работавшие в более отдаленных от моих интересов областях, естественно, не имели такого же значения для моего развития, даже если на этой периферии они достигли несомненных вершин. Это относится к Каннону, классикам биологии вроде Дарвина, к Уайтхеду, Пиаже, Норберту Винеру и другим. Иерархизация строилась и по другому признаку. Составление списка было проведено в последовательности, отражающей весомость вклада ученых в одной и той же проблемной области<sup>32</sup>.

Как глубоко идеи Вебера, Дюркгейма и Фрейда проникли в мое мышление, должно быть ясно из всего вышесказанного. Остается вопрос о том, в каком смысле они служили образцами в формировании «стиля мышления». Здесь появляется важное различие между Вебером и двумя другими мыслителями. По содержанию Вебер был, по меньшей мере, так же важен для меня, как и любой из них. По стилю мышления в отличие от других он, по классификации Эриксона, приближался к лютеровскому типу. Со всем своим колоссальным умственным багажом, он пережил переходный кризис (в его случае осложненный серьезным психическим заболеванием), из которого вышел новый Вебер, в течение двух или трех лет создавший с поистине ослепительной «виртуозностью» (любимое его выражение) великие методологические эссе (*Wissenschaftslehre*) и «Протестантскую этику», от-

---

<sup>32</sup> Здесь мне приходит на ум не раз пережитый мною эффект наблюдения географического ландшафта с различных точек. Из долины Шамони массив Монблана ясно смотрится как наиболее значительная гора в той области Альп. Если, однако, двигаться от Шамони и ее окрестностей не прямо в сторону Женевы, но оглябая склоны Юра, то при хорошей видимости превосходство массива становится подавляющим. По аналогии я думаю о своих трех главных фигурах как высочайших «пиках» в наиболее важной для меня и моего времени области интеллектуальных свершений. Это никоим образом не отрицает важности остальных вершин в той же области.



крыв путь к новому истолкованию природы современного общества в широчайшей сравнительно-эволюционной перспективе. Мне кажется очень существенным, что во многих своих последующих работах Вебер особенно подчеркивал ключевое значение «харизматического прорыва» как наиболее важного процесса в религиозном и социокультурном вообще нововведении и изменении. Настаивая, что его путь, связанный с идеей об особой роли гения, не единственный, я ни в коей мере не преуменьшаю значения высочайших интеллектуальных достижений Вебера.

Стиль мышления Дюркгейма и Фрейда совсем иной. Я ни на секунду не допускаю, что любой из них имел меньшие интеллектуальные притязания, чем Вебер. Но их методом было выбрать и тем самым взять на себя обязательство искать радикальное решение некоторых поддающихся определению проблем в соответствующих сферах. Для Дюркгейма это была особая версия «проблемы порядка» в упомянутом ранее смысле. Для Фрейда — проблема рационального понимания нерационального, со специальным обращением к роли «бессознательного».

Несомненно, в обоих случаях процесс созревания этих интеллектуальных привязанностей мотивационно был очень сложным (к примеру, в случае Фрейда его «освобождение» связано со смертью отца), но все же не слишком драматическим событием, хотя для каждого он вылился в книгу, содержащую в зародыше все последующие основные идеи. Для Дюркгейма это было «Разделение труда», а для Фрейда — «Толкование сновидений».

Не совсем верно, но все же допустимо говорить, что со времени великого прорыва Вебер по преимуществу занимался поистине монументальной расшифровкой и эмпирическим подтверждением основных прозрений этой критической переориентации. В случае Дюркгейма и Фрейда их творчество было процессом постепенного развития теоретического мышления из первоначальной базовой формулировки проблемы. В этом смысле существует теория Вебера, созданная в русле его новой интеллектуальной ориентации, которую он осознал после выздоровления от психического расстройства, то есть приблизительно в 1904—1905 гг. Подобной теории нет у Дюркгейма или Фрейда, но зато имеются документальные свидетельства прогресса в их теоретическом развитии.

Я не вижу причин допускать, что какой-то из этих альтернативных познавательных стилей мыслителей-новаторов превосходит другой в каком-либо общезначимом смысле. Все они важны, но каждый эффективен в разное время и в разных ситуациях. Лично для меня Дюркгейм и Фрейд были высшими «ролевыми моделями» в качестве теоретиков и аналитиков человеческого действия. Возможно, сказанное имеет какое-то отношение к вопросу о балансе между преемственностью и «оппортунизмом» в моей интеллектуальной истории.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма//Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Дюркгейм Э. Разделение общественного труда. М.: Канон, 1996.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
4. Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1–2. М., 1903–1905; Т. 3. М.—Л., 1930.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.
6. Bales R.F. Interaction process analysis: a method for the study of small groups. Cambridge (Mass.): Addison-Wesley, 1950.
7. Bernard C. An introduction to the study of experimental medicine/Transl. by H.C. Green. N.Y.: Daler, 1957.
8. Cannon W.B. The wisdom of the body. N.Y.: Norton, 1932.
9. Durkheim E. De la division du travail social. P., 1893. Engl. transl. by G. Simpson. N.Y.: Free Press, 1964.
10. Erikson E. Youth: fidelity and diversity//Daedalus. Winter 1962. P. 5–27.
11. Fuller L. The anatomy of the law. N.Y.: Praeger, 1968.
12. Henderson L.J. Pareto's general sociology: A physiologist's interpretation. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1935.
13. L. J. Henderson on the social system/Ed. by B. Barber. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1970.
14. Homans G.C. Social behavior: its elementary forms. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1961.
15. Homans G.C. The nature of social science. N.Y.: Harcourt, Brace & World, a Harbinger Book, 1967.
16. Homans G.C. Contemporary theory in sociology//Handbook for modern sociology/Ed. by R. E. L. Faris. Chicago: Rand McNalley, 1964.
17. Keynes J. General theory of employment, interest, and money. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1936; Marshall A. Principles of economics. L.: Macmillan & Co., 1925.
18. Nisbet R. A. The sociological tradition. N.Y.: Basic Books, 1966.
19. On fighting poverty/Ed. by J. L. Sundquest. N.Y.: Basic Books, 1969.
20. On understanding poverty/Ed. by D. P. Moynihan. N.Y.: Basic Books, 1969.

21. *Parsons T.* Wants and activities and Marshall//Quarterly Journal of Economics. 1931. Vol. 46. P. 101–140.
22. *Parsons T.* Economics and sociology: Marshall in relation to the thought of his time//Quarterly Journal of Economics. 1931. Vol. 46. P. 316, 347.
23. *Parsons T.* The structure of social action. N.Y.: McGraw-Hill, 1937.
24. *Parsons T.* The social system. N.Y.: Free Press, 1951.
25. *Parsons T.* Social structure and the development of personality: Freud's contribution to the integration of psychology and sociology//Social structure and personality. N.Y.: Free Press, 1964.
26. *Parsons T.* The problem of controlled institutional change//Essays in sociological theory. N.Y.: Free Press, 1954.
27. *Parsons T.* Malinowski and the social systems//Man and culture/Ed. by R. Firth. L.: Routledge and K. Paul, 1957.
28. *Parsons T.* Evolutionary universals in society//American Sociological Review. Vol. 29. № 3.
29. *Parsons T.* Christianity//International Encyclopedia of the Social Sciences/Ed. by D. Sills. N.Y.: Macmillan and Free Press, 1968.
30. *Parsons T.* Christianity and modern industrial society//Sociological theory, values, and sociocultural change: Essays in honor of P. A. Sorokin/Ed. by E. Tiryakian. N.Y.: Free Press, 1963.
31. *Parsons T.* Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.
32. *Parsons T.* The system of modern societies. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1971.
33. *Parsons T.* Durkheim's contribution to the integration of social systems//Emile Durkheim, 1858—1917: a collection of essays with translations and a biography/Ed. by K. Wolff. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1960.
34. *Parsons T.* Sociological theory and modern society. N.Y.: Free Press, 1967.
35. *Parsons T.* Age and sex in the social structure of the United States//American Sociological Review. 1942. Vol. 7. October. P. 604–616. Перепечатано в: Essays in sociological theory.
36. *Parsons T.* Kinship and the associational aspects of social structure//Kinship and culture/Ed. by F. L. K. Hsu. Chicago: Aldine Press, 1971.
37. *Parsons T.* The school class as a social system: some of its functions in American society//Harvard Educational Review. 1959. Vol. 29. P. 297–318.
38. *Parsons T.* Some problems of general theory in sociology.
39. *Parsons T.* The sociology of knowledge and the history of ideas//Dictionary of the history of ideas/Ed. by Ph. Wiener. N.Y.: Scribner, 1971.
40. *Parsons T., Bales R.F., Olds J., Zeldich M., Slater Ph.* Family, socialization, and interaction process. N.Y.: Free Press, 1967.
41. *Parsons T., Smelser N.* Economy and society. N.Y.: Free Press, 1956.
42. *Parsons T., Platt G.M.* Higher education, changing socialization, and contemporary student dissent//A sociology of age stratification/Ed. by M. Riley. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1971.
43. *Parsons T., Platt G.* The American academic profession: a pilot study. Cambridge (Mass.), 1968.

44. *Schneider D.M.* American kinship: a cultural approach. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1968.

45. *Smelser N.* Social change in the industrial revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1959; Essays in sociological explanation. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1968.

46. *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. 3 Bd. Leipzig: Duncker and Humblot, 1916.

47. *Taussig F.W.* Sociological elements in economic thought, I-II//Quarterly Journal of Economics. 1935. Vol. 49. P. 414-453, 645-667.

48. Theoretical sociology: perspectives and developments/Ed. by J. McKinney, E. Tiryakian. N.J.: Appleton-Century-Crofts, 1970.

49. *Thomas W.I.* The unadjusted girl. Boston: Little Brown, 1923.

50. *Toennies F.* Community and society [Gemeinschaft und Gesellschaft]/Transl. and ed. by Ch. P. Loomis. N.Y.: Harper & Row, 1963.

51. Toward a general theory of action/Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1951.

52. *Vaihinger H.* The philosophy of «As if»/Transl. by C. K. Ogden. N.Y.: Barnes & Noble, 1952.

53. *Weber M.* The protestant ethic and the spirit of capitalism. L.: Allen and Unwin, 1930.

54. *Whitehead A. N.* Science and the modern world. N.Y.: Macmillan, 1926.

55. Working papers in the theory of action/Ed. by R. F. Bales, T. Parsons, E. Shils. N.Y.: Free Press, 1953.

# СОДЕРЖАНИЕ

К русскому изданию .....	5
--------------------------	---

## СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

(перевод Л.А. Седова)

Предисловие .....	9
Введение .....	11
<i>Глава первая. Теоретические ориентиры</i> .....	15
Системы действия и социальные системы .....	—
Понятие общества .....	20
Подсистемы общества .....	23
Ядро: социальное сообщество .....	25
Социальное сообщество и воспроизводство образца .....	28
Социальное сообщество и политика .....	29
Социальное сообщество и экономика .....	32
Методы интеграции в ускоренно дифференцирующихся обществах .....	33
Правовая система .....	—
Членство в социальном сообществе .....	35
Социальное сообщество, рыночные системы и бюрократическая организация .....	38
Добровольная самоорганизация (ассоциация) .....	41
Процессы эволюционных изменений .....	43
<i>Глава вторая. Досовременные основы современных обществ</i> .....	46
Раннее христианство .....	47
Институциональное наследие Рима .....	52
Средневековое общество .....	55
Дифференциация европейской системы .....	60
Ренессанс и Реформация .....	66
<i>Глава третья. Появление первых компонентов современной системы</i> .....	72
Северо-запад .....	77
Религия и социальное сообщество .....	—
Политика и социальное сообщество .....	80
Экономика и социальное сообщество .....	90
Заключение .....	93

<i>Глава четвертая. Контрапункт и дальнейшее развитие:</i>	
<i>эпоха революции</i> .....	98
Дифференциация Европы в эпоху революций .....	—
Промышленная революция .....	102
Демократическая революция .....	108
<i>Глава пятая. Новое лидирующее общество</i>	
<i>и новейшая современность</i> .....	116
Структура социетального сообщества .....	117
Революция в образовании и новейшая стадия модернизации .....	127
Воспроизводство образа и социетальное сообщество .....	132
Политика и социетальное сообщество .....	136
Экономика и социетальное сообщество .....	142
Заключение .....	152
<i>Глава шестая. Новые контрапункты</i> .....	163
Советский Союз .....	165
«Новая Европа» .....	171
Модернизация незападных обществ .....	179
<b>Заключение: основные положения</b> .....	183
Рекомендуемая литература .....	190
Указатель .....	195

## О ПОСТРОЕНИИ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

(перевод *А.Д. Ковалева*)

Первый большой синтез .....	210
Дела личные и профессиональные .....	214
Теоретические интересы после «Структуры социального действия» .....	217
Профессии и две стороны проблемы рациональности .....	218
От медицинской практики к теории социализации .....	222
Теоретическое развитие, 1937–1951 .....	226
Еще раз об экономической науке и социологии .....	229
Средства взаимообмена и социальный процесс .....	233
«Структурно-функциональная теория»? .....	235
Социальное изменение и эволюция .....	237
Природа современных обществ .....	240
Солидарность и социетальное сообщество .....	245
Высшее образование как средоточие научных интересов .....	250
Стиль мышления и обзор основных тем .....	254
Литература .....	266

*Учебное издание*

**Парсонс Толкотт**

## **СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ**

Ведущий редактор **Л.Н. Шипова**

Корректор **Г.В. Иванова**

Технический редактор **Н.К. Петрова**

ЛР № 090102 от 14.10.94

Подписано к печати 05.10.98. Формат 60х90<sup>1/16</sup>. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0.

Тираж 3000 экз. Заказ 1438.

Издательство «Аспект Пресс»

111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.

Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.